

УРАЛ
в его
ЖИВОМ СЛОВЕ

К
2

УРАЛ
в его
ЖИВОМ СЛОВЕ

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР

СОБРАЛ
И
СОСТАВИЛ
В. П. БИРЮКОВ

55
2

Свердловское
Книжное Издательство
1953

Уважаемые читатели!

Присылайте Ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги.

Укажите Ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите нам по адресу: Свердловск, улица им. Ленина, 49, Свердловскому книжному издательству.

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

В советском обществе все больше и больше растет интерес к устному народному творчеству. Мы знаем, что многие советские писатели шли в своем пути от народного творчества, и здесь на первую линию нужно выдвинуть в числе других нашего уральца П. П. Бажова.

С первого взгляда работа по собиранию устного народного творчества кажется совершенно простой: слушай, что поют или рассказывают, да записывай. Но этого, оказывается, мало — такая работа будет чисто стихийной. Необходимо знать, что записывать, как делать отбор записанного, как изучать собранный материал и пр. Именно так, стихийно, сначала повел и я эту работу 50 лет тому назад, и только позднее сама жизнь да добрые люди научили меня тому, как надо подходить к собиранию богатств народного творчества.

Начав собирательскую работу в 1903 году, я через десять лет пришел к выводу, что необходимо записывать и местные слова, чуждые литературному языку. Изучение особенностей местного говора во многих отношениях открыло мне глаза на историю Уральского края, на связь ее с историей всего нашего отечества.

Увлечшись местным говором, я стал смотреть на произведения устного творчества лишь как на словарный источник. К счастью, работа в 1934—1935 гг. над книгой «Дореволюционный фольклор на Урале» заставила меня пересмотреть свой взгляд и уделять устному творчеству не меньшее внимание, чем словарю. И теперь я глубоко убежден, что диалектолог должен быть в равной степени фольклористом, а фольклорист — диалектологом.

В двадцатом выпуске альманаха «Уральский современник» за 1951 год была опубликована беседа с покойным П. П. Бажовым — большим знатоком уральского фольклора «Некоторые вопросы литературного творчества».

Я перечитал «Беседу» несколько раз и пришел к заключению, что ее должен знать каждый собиратель на Урале.

Один из основных тезисов Бажова гласит: через устное народное творчество, через народный язык — к познанию родного края.

Павел Петрович в конце «Беседы» говорил: «уральский говор, диалект представляет собой большой интерес с точки зрения построения языка... Уральский диалект, мне кажется, интересен в том смысле, что мы здесь получили исторически языковую копилку.

Скажем, что такое Ревда в языковом отношении? Это — Тула, Калуга, Рязань. В Бисерти можно указать какую-то часть сибирского населения. И каждый приносил на Урал что-то свое в быт, свою терминологию, приносил свое в песнях, в сказках, в прибаутках. Уральская языковая копилка, вернее, диалектовая копилка, очень интересна и до сих пор должным образом не понята».

Предлагаемый вниманию читателей сборник — своего рода мой отчет перед уральской общественностью о многолетней работе, итоги изучения края через язык и словесное творчество. В этом большом и важном деле я, собственно, был самоучкой, в силу чего допускал много всяких ошибок в своей работе. Все это теперь более или менее ясно мной сознается.

Хочу в заключение высказать одну заветную мысль. Писатель, собравши материал, как-то по-своему перерабатывает его, домышляет и проч. Не то в нашем деле. Здесь требуется прежде всего: точность записи, умение отобрать ценное и надлежаще изучить, а потом уже давать читателю. Выходит, что это — работа ответственного секретаря. Да, собиратель устного творчества и материалов по народному языку — именно «ответственный секретарь народа». Какое высокое звание!

И если эта книга до некоторой степени будет интересна и принесет читателю пользу — значит, я сделал то, что обязан был сделать.

Вл. Бирюков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОБЫТИЯ И ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ПЁТР ПЕРВЫЙ

(1672—1725)

Имя Петра Первого очень памятно уральскому населению, как городскому, так и сельскому. Старые рабочие Урала верили, а некоторые верят и теперь ещё, что Пётр лично жил на Урале и работал здесь то простым кузнецом, то плотником.

Уральцы вспоминают Петра Первого то в преданиях-сказках, то в солдатских песнях, то в песнях, созданных в городской среде, которой известно ходячее выражение «прорубил окно в Европу».

Очень интересна песня о единоборстве Петра с добрым молодцем, который положил державного борца «на обе лопатки». За десятки лет работы по записи устного творчества мы всего лишь два раза встретили здесь, на Урале, эту песню.

* * *

Основал Пётр Великий
Славный город Петербург,
Прорубил окно в Европу,
Прорубил он славный путь.
Стал сходиться он, Великий,
Воевать с чужим врагом.
В этом славном Петербурге
Был родимый его дом.
Пётр Великий был задумчив,

Часто думал он о том,
Как бы сделать просвещение
В нашем царствии родном.
Рано умер он, Великий,
Просветитель всей Руси.
Поминают добры люди,
Поминает и земля,
Поминает славный город
Основателя Петра.

*Сообщила 1 февраля 1945 года студентка
Шадринского педагогического института, урожен-
ка гор. Тобольска (1924 г.) Елена Фёдоровна
Хмелевская, заучившая песню со слов уроженки
гор. Тюмени Марфы Тимофеевны Соколовой,
60 лет.*

* . *

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья:
Мы дрались тогда со шведом
Под знамёнами Петра.

Сам, родимый, пред полками,
Словно сокол, он летал,
Сам ружьём солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.

Бой кипел, герой Полтавы,
Наш державный великан,
Как не раз, грозою грянул
На могучий грозный стан.

Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась.
Вдруг одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впилась.

Видно, шведы промахнулись,
Император усидел,
Шляпу снял, перекрестился,
Снова в битву полетел.

Вот ещё впилась пуля
Прямо в царское седло;
Не смутился император,
Взор, как молния, блистал.

На боевом поприще впервые выступил во время Семилетней войны, участвовал в сражении при Куненсдорфе и в набеге Чернышова на Берлин, который и был взят в 1760 году.

Из множества подвигов нужно указать на взятие неприступной турецкой крепости Измаил, выстроенной иностранными военными инженерами по заказу турецкого правительства.

Командуя с 1763 года Суздальским пехотным полком, на основании боевых опытов Суворов выработал знаменитую «Суворовскую» систему воспитания и обучения войск.

За год до смерти, уже глубоким стариком, Суворов снова был призван для руководства военными действиями, во время которых он со своими чудо-богатырями совершил знаменитый переход через Альпы в 1799 году.

Несмотря на то, что личность Суворова является очень яркой в русской истории, нам за полвека работы на Урале ни разу не удалось записать хоть одну песню, кроме небольшого отрывка:

Уж ты, дядюшка,
Дяденька наш Суворов!
Эй, да собирался наш дядя на войну.
Все-то празднички проходят,
Эх, у нас Суворова дома нет...

Прозаических текстов встретилось пока три, и все они помещены в настоящей книге.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Да, знаменитый был Суворов полководец! В Петербурге ему был памятник поставлен, у моста через Неву. Как солдат ведут мимо памятника, ему честь отдавали, кричали: «Смирно!»

Солдаты его любили, как отца родного. Он переодевался в другую одежду и ходил по казармам, по полкам, спрашивал солдат:

— Ну, кто у вас командиром?
— Суворов! — говорили солдаты.
— Суворов? Наверно, плохой какой-нибудь человек?
— Убирайся отсюда, пока цел! Да он — отец наш родной, вот кто Суворов-то! — говорили ему солдаты. Они не узнавали его, переодетого-то.

Записано в селе Погадайка, Батуринского района, Курганской области, 3 сентября 1946 года от 70-летнего крестьянина, сторожа в местном детском доме Осипа Сергеевича Булычёва.

СУВОРОВ И СОЛДАТЫ

Суворов заботился о солдатах, как отец родной.

Не любил он серебряной и медной посуды. Говорил: «В ней — яд...» Кушал, как солдаты, из глиняной чашки деревянной ложкой. Ел немного, не переедал. Денщику наказывал:

— Ты мне не давай много есть!

— Да как же я могу не давать вам, ваше высокопревосходительство?

— А ты только скажи: «Суворов не велел».

И вот раз Суворов сел обедать. Есть очень захотел. Денщик видит, что Суворов уж достаточно покушал, и говорит:

— Нельзя больше, ваше высокопревосходительство!

— Да я есть хочу!..

— Нельзя...

— Почему нельзя?

— Суворов не велел.

— А-а, Суворов... Тогда не буду.

Солдат он обучал по-своему. Смотрел, чтобы солдаты были здоровы. Говорил:

— Бойся больницы! В больнице пища сладкая, постель мягкая, а на третий день — гроб!

Если увидит, что солдат стоит задумчивый, подходит к нему и спрашивает:

— Ну что, братец, здоров ли?

— Да, что-то не здоровится, ваше высокопревосходительство.

— А ты возьми немного водочки, насыпь туда соли и перцу, размешай палочкой, выпей и будешь здоров.

Часов не любил. Говорил:

— Все часы врут: одни отстают, а другие вперёд бегут. А вот петух... Он время знает...

И когда надо, если петуха нет, сам петухом запоёт.

Пойдёт ночью часовых проверять. Подходит к одному:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— А скажи, братец, сколько на небе звёзд?

Солдат посмотрит на небо и говорит:

— Сейчас сосчитаю! — И давай считать: «Раз, два, три, четыре, пять...»

— Хорошо, братец, я вижу, что ты можешь сосчитать.

Подходит к другому часовому:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— Скажи, братец, сколько от земли до луны вёрст?

— Два суворовских перехода, ваше высокопревосходительство!

А потом Суворов отдаёт в приказе: «Вот философы уверяют, что звёзд бесчисленное множество, а мой солдат взялся их сосчитать...»

Суворов не ездил в экипаже или верхом, а всегда впереди солдат шёл пешком.

Вот крепость Измаил он брал. Войска подошли к самой крепости, а обоз с сухарями отстал. Солдаты голодные. Стали ворчать... Суворов услышал это, встал на пригорочек и запел:

Что это у девки за кручина?
Что же это с девкой приключилось?
Али девка замуж захотела...

Ну, и там дальше. А солдаты:

— Смотрите-ка, смотрите-ка, Суворов-то песню поёт!..

Тут Суворов велел ударить в барабан. Тревога!.. Выстроил всех и штурмом через шесть часов взял Измаил. А говорили: крепость неприступная...

Записано в гор. Челябинске 9 июня 1947 года от швейцара гостиницы «Южный Урал» Алексея Семёновича Свинцова, уроженца (1874 г.) села Челны, Бугульминского уезда, бывшей Симбирской губернии; в Челябинске живёт с 1903 года, отбывши перед тем военную службу.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Как-то я с товарищами клал печку у одного богатого мужика. Мы стояли на фатере. Там нам попала книжка про Суворова. Один из наших был грамотный человек, хорошо читал. Он зачал читать. Мы хоть и здорово устали за день, а как он стал читать, давай его слушать да всю-то ночь и прослушали, пока он не кончил.

Это дело было при Екатерине Первой. Она воевала с турками. А командовал Скобелев. Там река Дунай есть, камни по двадцати пяти пудов катит. У Дуная турки стояли два месяца и стали одолевать нашу армию. Скобелев войска положил много, оставалось всего три тысячи солдат.

Когда, значит, войска у Екатерины сделалось мало, видят, что дело-то гиблое выходит, стали искать в старых книгах, — слых несется, что Суворов был хороший воин. А где он теперь, никто не знает. Давай узнавать. Узнали, что он жил в население, в деревне. Жил простым мужиком, пашню пахал. Было у него две лошадки, каряя и саврасая. Жены у него не было, а была старушка, с которой он жил невенчанным.

И тут царица даёт приказ: отыскать этого Суворова и звать его, чтобы приехал в армию и командовал. Посылает она полковника. Запрягли пару лошадей в коляску, и он отправился.

Приехал он в ту деревню, где жил Суворов. Где-то она там, за Москвой. Заехал в деревню. Ребята на улице играют, клюшками шарик перещёлкивают. Один парнишко, такой бойкий, подбежал к коляске. Полковник и спрашивает:

— В каком доме живёт тут Суворов-инерал?

— Да какой там дом!.. За деревней на назьмах¹ в землянке живёт.

Тогда полковник и говорит парнишке:

— Садись, покажи, где Суворов-инерал живёт.

— Айдайте вот в этот заулочек, на степь² — там его землянка стоит.

Подъехали, коляску остановили. Полковник соскочил, саблю из ножней выхватил, сделал на караул и бежит к землянке.

А суворовская старуха сидела в синем дубасе на пороге своей землянки, сметану в кринке мешала. Полковник-от бежит к ней, а она испугалась и с кринкой побежала ему навстречу:

— На́, батюшко, не секи, а так бери...

А полковник-от:

— Дорогая моя, я не рубить бегу, а здороваться. Приехал я по приказу царицы звать инерала Суворова на войну, с неприятелем воевать.

— Да его дома-то нет: на пашне он пары пашет.

— Садитесь с нами, поедemте, покажите его пашню.

Старуха заперла хатку на замок, уселась в коляску вместе с полковником. Доехали до дорожки, которая ведёт на пашню.

— Воротите вот этой дорожкой, — говорит она.

А Суворов за лесочком пары пахал. Сделает круг, отдохнёт да опять сначала. Как полковник-от к нему стал подъезжать, он как раз запрягал кореннуху, хомут-от набросил ей на голову, увидал, что едет кто-то, и остановился.

Коляска подъехала. Полковник выскочил из нее, выхватил саблю из ножней, сделал на караул и бежит к Суворову. А ему взять нечего. Он взял с рогаля³ сабанный хлыстик, сделал также на караул.

Полковник поздоровался, саблю опустил. И Суворов свой хлыстик опустил.

Полковник говорит:

— Ваше высокопревосходительство! Государыня Екатерина приказала просить вас явиться в армию, воевать с неприятелем!

Подаёт ему приказ царицы.

---

¹ Навозные кучи.

² Открытое, безлесное место.

³ Рукоятка плуга.

— Что ж, надо послужить народу, — говорит Суворов. А сам сухонький, уж восемьдесят пять годов будет. — Ты, старуха, уж допахивай тут пашню, а я поеду.

Приехал на войну, где неприятель стоит. А местность: гора крутая, высокая. А подле горы Дунай-река палышет, камни по двадцать пять пудов перекатывает.

Утром встал, приказал выстроить солдат в роты. Солдаты увидали, кричат:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

А Суворов:

— Братцы, детки мои, мне здороваться не приходится, потому как я ещё не ваше превосходительство, — не при форме потому как.

Ему истопили баню, он вымылся, оделся и поутру — к армии. Говорит:

— Теперь вот я — ваше превосходительство!.. Думаю я врага с покорной головой заставить сдаться нам.

И велел первым делом сделать три тыщи камышовых снопов и на каждый сноп солдатскую фуражку, разоставить снопы по линии на берегу Дуная, против неприятеля.

Пусть турки думают, что мы пойдём прямо на них — снопы-то с солдатскими шапками по берегу Дуная стоят, прямо против неприятеля.

А Суворов повёл полки стороной. А гора растянулась вёрст на десяток, не меньше. Камни с горы-то навешались, как боровья какие, страсть! Надо через гору в обход неприятеля идти. Тут солдаты взроптали:

— Да нас неприятель-то всех с горы перещелкает!

Суворов встал на колени и говорит:

— Ах, детки вы мои! Если вы думаете, что я вас на верную смерть хочу вести, так заройте меня по самую голову в землю, только голову не зарывайте, чтобы меня мошкарь съел живого.

Тут солдаты:

— Ах, ты, отец наш! Веди нас, куда знаешь!

Суворов тут говорит:

— Давайте рубите сосны, станем делать козлины, переплетать их лозиной, за камни верёвками захватываться, солдат на верёвках на гору подымать.

А с Суворовым-то только одна пушка была. И пушку тоже на верёвках на гору заташили.

А неприятель смотрит, что такое: солдаты стоят на берегу и нейдут против него. Струсили, видно. Сколько-то неприятели постреляли, пошли купаться.

Суворов тем временем на гору со своими тремя тыщами забрался, да как на «ура» пошёл, всех врагов разбил: три-

дцать пять тысяч убил, двадцать пять тысяч в плен взял, а потом пошёл и двадцать пять городов ещё у неприятеля взял и всю его орудию взял. А своих солдат совсем мало положил.

И сделался мир.

Записано 25 августа 1946 года в деревне Синицкой, Шадринского района, Курганской области, со слов местного уроженца (1872 г.), бывшего солдата и участника войн Якова Афанасьевича Свёрлова.

Этот сказ — образец «народной истории» (по Горькому), которая не особенно считается с точностью хронологических дат и расстановкой исторических лиц, преследуя лишь цель отобразить своё отношение к событиям и их участникам. Вот почему в сказе выведены Екатерина Первая и Скобелев, из коих первая жила раньше, а второй — позже Суворова.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Отечественная война 1812 года всё ещё живёт в народной памяти. Об этом говорят многочисленные предания и разного рода песни. Среди последних наиболее известными являются песни о разорении Москвы армиями Наполеона, а также песни о Платове-казаче, то есть атамане донских казаков Матвее Ивановиче Платове.

Кстати сказать, после походов в Западную Европу на юге Урала появилось множество селений, названных именами крупнейших городов и мест важнейших сражений русских войск против Наполеона: Париж, Берлин, Лейпциг, Фершампенуаз и мн. др.

* * *

Мы двенадцатого года
Поседелые орлы.
Православному народу
Заслужили славу мы.
Взоры мужеством пылают,
Грудь отвагою полна.
Память славы вызывают
Нам поля Бородина.
За живое нас задело, —
С верой в бога, помолясь,
Вся Россия закипела
И к знамёнам собралась.
Против злого басурмана
Ото всех концов земли,
Словно волны океана,

Тьмы народов потекли.
«Смерть врагам!» —
Сказал Кутузов,
И с дружиною своей
Начал потчевать французов
По-казачьи, без затей.
На пригорке батарея
Шлёт им ядра на урон.
Зашаталися злодеи,
Захмелел Наполеон.
Они пушки побросали;
Стали мы «ура» кричать,
Показали мы французам,
Как Москву-столицу брать.

Записано в августе 1925 года в поселке Худяковском, вблизи гор. Челябинска.

Был на горке, на горе,
Видел нову каменну Москву.
Москва славна разорена до конца.
Разорил Москву
Неприятель-вор — француз.
Не один разорил —
Со всёй армией,
Со всёй армией,
С конной гвардией.
Заряжал француз
Ружья светленькие,
Ружья светленькие,
Пушки медненькие.
Он стрелял, палил
В каменну славну Москву.
Потряслася мать-сырая земля,
Покачнулися все божии церкви
И повалилися с них
Золотые кресты.

Записано 17 июня 1937 года в гор. Усть-Катаве, Челябинской области, от местного уроженца (1867 г.) бывшего заводского слесаря, теперь пенсионера, Егора Ефимовича Селивёрстова.

СОВСЕМ МАЛОЙ СИЛОЙ ВЗЯЛИ

У жены моёй дедушко умер ста пяти лет. Он был в то время солдатом, как француз приходил. Москву-то у его совсем малой силой взяли — всего только одним полком. Один полк и был, тот самый, в котором её дедушко служил.

Командир-от что сделал? Он разделил полк на четыре части и расставил их кругом Москвы.

(Сказитель нагибается к земле и прутиком чертит круг).

Вот тут будто бы Москва. А солдат-то командир разоставил вот тут, тут, тут, тут...

(Сказитель ставит на земле точки вне круга, который изображает Москву).

Когда солдат-то разоставили, командир приказал выстрел сделать. Сигнал, значит. Как выстрел сделали, сейчас же солдаты пошли на Москву со всех сторон.

Наполеон на каменных стенах стоял. Услыхал выстрел, а потом дым увидал... А дым-от со всех сторон. Из-за дыма ничего не видать. Ну, он думает:

— Как же так!? У русских вся сила вышла, а тут вдруг со всех сторон на Москву идут.

И давай скорее из Москвы. А стужа была, мороз. Солдаты-то его кто в чём: кто в женское платье нарядился, кто в рогозу закутался. И много, сказывал дедушко, тут погибло их.

Так одним полком и взяли обратно Москву-то. Совсем малой силой взяли.

Записано в гор. Челябинске 8 июля 1938 года от уроженца села Песчанки, Галкинского района, Курганской области, 60-летнего Матвея Емельяновича Сутормина.

* * *

Мать Россия, мать Россия,
Мать российская земля!
Про тебя ли, мать Россия,
Широко слава легла.
Широко слава легла
Про Платова-казака.
Казак Платов хитрый был—
Себе бороду обрил.
Себе бороду обрил,
Купско платьице надел.
Купско платьице надел,
Ко французу полетел.
А француз-от не узнал,

За купчишка принимал:
За белые руки брал,
В нову горенку вводил,
Да за столик посадил.
Он за столик посадил,
Он за столик посадил,
Чаем, кофеем поил.
Чаем, кофеем поил,
В путь-дорожку проводил.
Ах, ворона, ты, ворона,
Ах, ты, глупая карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола словить.

Записано в 1937 году от уроженки (1865 г.) села Шутинского, Курганской области, Клавдии Степановны Боголеповой.

* * *

Захотелось Платову
У француза в гостях быть.
Платов бороду обрил,
Волоса свои остриг.
Волоса свои остриг,
У Бонапарта в гостях был.
Бонапарт-от не узнал,
На резвы ножки вставал,
На резвы ножки вставал,
Да за дубовый стол сажал.
За дубовый стол сажал,
Да стакан водки подавал.
«Уж ты пей-ко, пей, купчина,

Пей, проезжий молодец!
Я у вас-то на Руси
Много разиков бывал.
Много разиков бывал
И инералов много знал.
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кабы я его узнал,
Я б с живого кожу снял.
Кабы кто мне указал,
Тому много казны дал».
«Ещё что казну терять,
Самому можно признать:

Он и точно же такой,
Как и братец мой родной;
Как и братец мой родной—
Отцом-матерью одной».
«Уж ты, купчик, сиз голубчик,
Покажи-ка мне патрет».
Он в карман ручку совал,
Свой патретик доставал;
Свой патретик доставал
И Бонапарту подавал;
Бонапарту подавал
Из палат скоро бежал.
Как за скобы-то дергáл,
Так и скобы оторвал.
Как по лесенкам ступал,
Все ступеньки обломал.
На краснó крыльцо взбежал,

Жисным¹ голосом скричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы, донские казаки!
Вы пойдите, подведите
Мне-ка вóрона коня».
На коне скоро скакал
И такую речь держал:
«Ты, ворона, ты, ворона,
Ты, гумённая карта!
Не умела ты, ворона,
Соколá в саду поймать.
Соколá в саду поймать,
Да сизо перье ощипать.
Не уметь тебе, ворона,
По чисту полю летать,
По чисту полю летать,
Да нашу силу воевать».

Записано в конце декабря 1934 года в деревне Ватлашово, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, от колхозника-активиста Гордея Михайловича Улитина, 63 лет.

РЕФОРМА 1861 ГОДА

Буржуазные историки дали императору Александру II имя «Освободитель». Но в народных сказах ярко показано, что дало русскому крестьянину это «освобождение». Он лишился земли и должен был снова идти на поклон к барину, а если не хотел этого, то шёл в кабалу к заводчику, который заставлял его работать по 12 часов в сутки в ужасающих условиях.

Для регулирования взаимоотношений между крестьянами и помещиками была введена должность мировых посредников. Чем были эти посредники для крестьян, достаточно хорошо показывает «акафист», публикуемый в нашем сборнике.

ЗЕМЛЮ В КАРМАНЕ УНЕС

«Сушиной» деревня зовётся по помещику. Сушин был граф. Состоял при царе. Он захотел стать помещиком, а землёй не был удовлетворен. Тогда он приехал в Башкирь и купил земли две тыщи семьсот десятин.

Крестьян у него сначала не было, так он их тоже купил, всё из разных мест. Одного мушину, рассказывают, выменял на собаку. Стало быть, была такая собака, что ценилась им не дешевле человека. А к этим купленным-то ему на новоселье

¹ Зычным.

людей надарили, как у нас дарят хозяину подарки, когда он заходит жить в новый дом.

Так вот завелись у Сушина крепостные люди, стало быть, предки наших сушинцев. Поселил он их при слиянии речек Караболки и Синары.

Вот Сушин сколько-то пожил. Видать, дивно время пожил. А тут пошли слухи, что от помещиков крестьян отберут. И Сушин давай предлагать своим крестьянам купить у него землю. Сначала запросил одну цену. Крестьяне не покупают. Он думает, что дорого. Спустил цену. Опять не берут.

Крестьяне рассудили так:

— Зачем нам покупать? Все равно скоро все мы отойдем от помещика, а землю с собой в кармане он не унесёт...

Вышло же, что унёс! Он по сколько-то, понемногу, оставил земли крестьянам, а остальную всю продал...

Тут крестьяне и увидали, что землю можно в кармане унести.

Записано 20 ноября 1947 года в деревне Сушиной, Багарякского района, Челябинской области, от 69-летнего колхозника Савина Емельяновича Шурыгина. Сказитель работал сторожем колхозных амбаров. Прежде он бывал во многих местах Урала и России. В разговоре часто употребляет старинные книжно-канцелярские слова, вроде «удовольствован» и пр.

Судя по данным межевых дел, хранящихся в Шадринском архиве, план на землю помещика Сушина был составлен землемером Книжниковым 22 июня (старого стиля) 1839 года, то есть за 21 год до «воли», что совпадает с записанным здесь преданием.

«АКАФИСТ» МИРОВОМУ ПОСРЕДНИКУ

Радуйся, при общей потере ничего не теряющий,
Всех братьев своих обирающий,
Ничего не понимающий,
За то 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Приговорá составляющий,
Миротворцем себя величающий,
Титул с потомством ожидающий,
А пока на расходы 1500 получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
«Положения» не знающий,
Глубокомысленно излагающий,
Все сословия притесняющий,

Их нахально обирающий
И за то 1500 рублей получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Сребра и злата алкающий,
Оброки с волости получающий,
Половину себе уделяющий,
За усердие к службе 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Всегда дома пребывающий,
Кабаки в своём доме помещающий,
Волостными дровами свой дом отопляющий
И за бескорыстие 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
О лошадях предписания давающий,
На лошадях ездить воспреещающий,
Сам «без прогон» разъезжающий,
А в случае требования на станцию десять копеек отдавающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
«Открытые листы» сёстрам выдавающий,
Родню свою «без прогон» в город отправляющий,
Экономию соблюдающий
И за то 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Лошадей на торгах получающий,
Общественным овсом прокормляющий,
Обратно их отправляющий
И через то барыш получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Рассыльных с волостей собирающий,
Волостными писарями письмоводство отправляющий,
Ничего им за труды не полагающий,
И на расходы 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Раз в месяц на съезд приезжающий,
Бесполезно пребывающий.
К молчанию других подстрекающий
И за это 1500 рублей серебром получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Патриотом себя называющий,
На предводителя умильно взирающий,
Врагов против других возбуждающий
И себя от того уклоняющий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Других людей осуждающий,
Десятскими свой хлеб убирающий,
«Третье» своё за дороговизну продавающий

И через это прибыль извлекающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Сходки разгоняющий,
Сам без надобности собирающий,
Квартиры чиновников у бедных крестьян назначающий,
А сам яйца и масло собирающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
За починку тарантасов по два рубля отдавающий
И с ямщиков «за неосторожность» по 22 рубля получающий,
Портреты Комиссарова по гривеннику покупающий
И по полтиннику продавающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Дугу на проезде изломающий,
Таковую у ямщиков за 2 рубля с четвертаком отбирающий,
Ничего не теряющий
И полторы тысячи получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Безвинных писарей прогоняющий
И суду их предавающий,
На место их подсудимых определяющий,
А неподсудным места не давающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Сукно и законы для волостей покупающий,
С барышом отдавающий,
При общей потере ничего не теряющий
И за всё это 1500 рублей получающий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
В гостях у крестьян пребывающий,
А оттуда на сходе бывающий,
За угодителей восставающий
И за них сход притесняющий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!
Хозяину квартиры угрожающий,
Полностью «статьи» продавающий,
За безнравственных людей восставающий
И о переселении приговора отменяющий.
Радуйся, посредниче, великий миротворче!

Извлечён из 22-го выпуска «Трудов Оренбургской учёной архивной комиссии» (Оренбург, 1915 г.). Повидимому, «акафист» был составлен каким-то семинаристом в Воскресенской слободе, бывшего Челябинского уезда, теперь село Кирово, Кировского района, Курганской области, в 1867 году. Направлен «акафист» против местного мирового посредника Скорова, который превратил свою должность в источник наживы путём всякого рода злоупотреблений.

Мой отец был крепостным у Голубцовых. Когда волю-то дали крестьянам, помещик всю лучшую землю, все покосы взял себе, а мужикам осталась самая худая земля. Потом-то, когда мужикам надо было косить, приходилось идти к помещику на поклон. Он давал покос, только за него надо было много отрабатывать. Что ж делать? И работали.

Я — сапожник, и отец мой был сапожник. Он солдатчину провёл. Когда вернулся из солдат-то, стал говорить мужикам: «Наделите меня землёй полной мерой, — ему совсем мало земли-то дало общество — я поеду в Петербург, а оттуда в военные лагеря, где царь бывает, добьюсь того, что самому царю подам жалобу на помещика, почему он всей нашей землёй завладел».

Ну, мужики почему-то не согласились — не верили, стало быть. Да и как было верить-то, ведь царь — это тот же помещик.

Записано 20 июля 1940 года в рабочем посёлке Чебаркуль со слов колхозного сапожника Андрея Андреевича Мочалкина, родившегося в 1874 году в селе Александровском, Красноуфимского района, Свердловской области.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг.

6 апреля 1877 года царское правительство объявило войну Турции. В этой войне царизм стремился приобрести политические и экономические важные позиции на Кавказе и Балканском полуострове, обеспечить право свободного плаванья русских судов в водах Ближнего Востока.

Несмотря на то, что царскому правительству были совершенно чужды национально-освободительные интересы славянских народов Балканского полуострова, всё-таки объективно эта война принесла свободу и независимость народам Сербии, Болгарии, Черногории и Румынии.

Многие уральцы были участниками этой войны, некоторые дожили до наших дней, а потому ещё возможно успеть записать и рассказы и песни того времени. В данном сборнике публикуются некоторые песни, бытующие на Урале и записанные в разных районах.

* * *

Под игом в Сербии гонимой
Жила там бедная семья.
Отец мой был природный пахарь,
И вместе с ним работал я.
На нас напали злые турки,
Село родное подожгли,
Отца убили в первой схватке,

А мать живой в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
Она недолго там была.
Три дня, три ночи я старался,
Сестру из плена выручал;
На четвёртый день подкрался,
Сестру из плена я достал.
С сестрой мы в лодочку сажались
И с ней поплыли по реке.
Но вдруг в кустах зашевелилось,
Раздался выстрел роковой.
Свинцовой пулею убило,
Мою красавицу-сестру.
Сестру-красавицу убило,
И я остался сиротой.
Взгляну я на гору крутую, —
Село родное там горит.
Горит, горит село родное,
Горит отцовский родный дом!

Записано 26 сентября 1936 года в гор. Белорецке, Башкирской АССР, от бухгалтера металлургического завода Владимира Фёдоровича Полина.

До революции это была очень распространённая песня, а после революции она подвергалась многочисленным переделкам, например, были выпущены первые две строки, турки заменялись то чехами (интервенция 1918 г.), то немцами, белыми и пр.

* * *

Чуют соколы крылаты,
Чуют солнышка восход—
Это наши казаченьки
Собираются в поход.
По линии Оренбургской
Не сизой орёл летал —
То походный атаман,
Он по войску разъезжал,
Речь хорошую сказал:
«Казаки вы, казаки,
Оренбуржцы-молодцы!
Вы не бойтесь, казѧки,
Басурманские орды».

«А нам нечего бояться,
Мы споважены сражаться
С басурманскою ордой».
Собирались сотнями
Составляли сборный полк.
Кавалерия сотнями
Очищала путь вперёд.
А за речкой, за рекой,
За турецкой стороной
Строил турок там завал.
Строить башню не успел —
Оренбургские казаки
Его сбили в тёмный лес.

Извлечено из записей учителя С. Романова, сделанных в посёлке Худяковском, Миасского района, Челябинской области, в 1925 году (хранится в библиотеке Челябинского областного краеведческого музея).

* * *
Становитесь, братцы, в круговую,
Выпьем чару рядовую!

Эй, это люли,

Эй, это люли,

Выпьем чару рядовую.

Кто не выпьет чары рядовой,
Тот вал-стену не возьмёт.

Эй, это люли,

Эй, это люли,

Тот вал-стену не возьмёт.

Генерал-от, братцы, наш Черняев,
Сам по ротам разъезжал.

Эй, это люли,

Эй, это люли,

Сам по ротам разъезжал.

Златом-серебром блистал

И награды раздавал.

Эй, это люли,

Эй, это люли,

И награды раздавал.

Извлечено из рукописного «Сборника народных песен», составленного В. И. Кларком по записям, сделанным в районе Златоуста и Сатки около 1900 года (собрание В. П. Бирюкова).

* * *

На Балканах мы стояли,
Мы под Шипкой в облаках,
Турки нас атаковали
И остались в дураках.

Припев:

Грянем песню трубой:
Мы дрались за Дарьёй;
По горам, горам Кавказским
Раздалась слава о нас.

Кругом Карс мы обложили
И спешили его взять;
Турков мы усторожили —
Не пришлось на нас напасть.

Припев:

Грянем песню трубой:
Мы дрались за Дарьёй;

По горам, горам Кавказским
Раздалась слава о нас.

Записано 29 декабря 1939 года в гор. Шад-ринске от уроженца деревни Кукольниковой, Ольховского района, Курганской области, Андрея Аристарховича Руднова (1887 г.).

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 гг.

В феврале 1904 года японский морской флот без объявления войны напал на русскую эскадру, стоявшую на рейде в Порт-Артуре. Только 10 февраля Япония официально объявила войну России. Крайняя неподготовленность царского самодержавия к войне, преступное и бездарное руководство царских чиновников и генералов привели тогда к поражению России.

Царское правительство, не сумевшее организовать войны на суше, как и на море, испугалось собственного народа и поспешило 5 сентября 1905 года заключить с Японией Портсмутский мир, крайне невыгодный для России. «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению», — писал В. И. Ленин (Соч., т. VII, стр. 49).

Сорок лет спустя победоносная Советская Армия разгромила армии империалистической Японии. В результате этой победы захваченные Японией в 1905 году исконные русские земли были воссоединены с нашей великой Родиной.

Русско-японская война нашла большое отражение в устном народном творчестве Урала; в разных районах и до сих пор бытуют песни, легенды и предания об этом событии.

Из представленных в сборнике записей хотелось бы обратить внимание на сатирическое подражание известной народной песне о Петре Первом — «Дело было под Артуром» Это — разоблачение генеральско-чиновничьей бездарности и предательства по отношению к русскому народу. В революцию 1905 года эта песня была одной из самых популярных, исполнявшихся во множестве вариантов.

* * *

Было дело под Артуром,
Дело скверное, друзья:
Того, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

Мы с соседкой желтолицой
Подрались за царя.

Полечу я вольной птицей
В чужедальные края.

Тут стоял «Варяг» отважный,
Охранял «Кореец» нас.
Выходи, о, друг мой нежный,
Уж пробил свиданья час!

Приказали нам от берега
Удалиться в два часа.
Пропадай моя телега,
Все четыре колеса!

А враги рукою властной
Потопили сразу двух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух?

Куропаткин горделиво
Прямо в Токио спешил.
Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?

Куропаткину обидно,
Что не страшен он врагам.
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

А Ойяма наступает
Ночью иль при свете дня.
Посмотри, вон, вон играет,
Дует, плёшет на меня.

И, набравшись страха вволю,
Стессель сам пошёл к врагу.
«Мне и хочется на волю,
Да прорваться не могу».

От Артура до Телина
Отступали мы толпой.
Провозилась Акулина
И пришла ни с чем домой.

Тут, спасая положение,
Плыл Рождественский — моряк.
Вася этак, Вася этак,
Вася этак, Вася так!

Вот он прибыл с кораблями,
В море вышел наконец.
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец?

Полезай-ка в Нагасаки,
Враг тебя давно уж ждёт.
Поучись, как ходят раки,
Ходят задом наперёд!

Вот и подана уж шлюпка —
В Нагасаки и — домой!
Ну, садись, моя голубка,
Только рядышком со мной.

С Порт-Артуром попрощайся,
Получив большущий нос.
Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс!

Приумолкла балалайка,
Что бренчала на всю Русь.
Делать нечего, хозяйка,
Дай кафтан, уж полетусь.

*Воспроизведено собирателем по памяти, как
пелось соучениками по пермской духовной семи-
нарии в 1906 году.*

«ВОЯКИ»

Алексеев-генерал
Лес на Ялу вырубал;
И пошёл по свету звон,
Что он нажил миллион.
Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил.
Смотрит, выпучив глаза:
«Эка божия гроза!»
Куропаткин-генерал
Всё иконы собирал,
А приехал за Байкал —
Ровно церковь обокрал.
И с попами всё молился,
Победить врага хвалился.
А японцы не дремали,
Броненосцы наши рвали.
Столь добра пошло на дно,

Только выплыло дермо:
По велению божьих сил
Всплыл известный всем Кирилл.

*Воспроизведено по памяти, как пелось в
1906 году в Пермской духовной семинарии.*

Алексеев — генерал-адъютант, побочный дядя Николая II, бывший наместник Дальнего Востока; Ялу — река, на которой по приказу Алексеева рубился лес, не принадлежавший России, что послужило для японцев одним из поводов начать с Россией войну: Старк — вице-адмирал, один из незадачливых моряков царского флота; Куропаткин, прежде чем прибыть на Дальний Восток принимать командование, в каждом крупном городе принимал дворянско-купеческие делегации, которые напутствовали его поднесением икон: «Столь добра пошло на дно» — намёк на то, что на броненосце «Петропавловск», наряду с матросами и офицерами, погибли такие знатные русские люди, как адмирал Макаров, строитель ледокола «Ермак», и художник В. В. Верещагин; зато спасся двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович, известный своим распутным поведением.

РАССКАЗ СТАРОГО МОРЯКА

Я, можно сказать, кругом света побывал, всё повидал. Это когда ещё молодым был. Я тогда служил во флоте, как раз перед японской. Наш броненосец «Цесаревич» тогда только что строился. Его строили во французском порту Тулоне. Туда с командиром корабля мы приезжали принимать судно.

Приняли, значит, мы его. А, видно, умные люди всё-таки понимали, что война с Японией будет скоро. Как броненосец-то приняли в Тулоне, оттуда сразу нас на нём послали на Дальний Восток, в самый Порт-Артур.

А командир был очень осторожный человек. Выйдём из какого-нибудь порта, он даёт сообщение: идём туда-то... А сам вовсе в другом направлении курс держит. Ночью шли всегда без огней. Конечно, это не по правилам, запрещено, а всё-таки шли без огней, чтобы кто не напал.

В Порт-Артур мы пришли незадолго до войны с Японией и там немного сколько-то постояли, как японец открыл с нами войну.

Японцы всё хотели загородить ворота в порт, потопить в воротах своё какое-нибудь старое судно, чтобы нам выйти было нельзя. Уж как они старались. Наш командир стал вызывать охотников, кто пойдёт в ночное время отбивать атаку японцев. Нашлись смелые ребята. И что только японец не делал, а ничего всё-таки не достиг — все его атаки мы отбили.

Когда война началась, наш броненосец сделали флагманским судном: командир стал командовать флотом. Как уж фамилия командира, я не помню. Но только командовал недолго. В первом же бою и командира и помощника сбросило с палубы в море. Тогда броненосец получил восемнадцать про-

боин, потерял трубы. Особенно большая пробоина была на носу. Судно дало большую крень. Чтобы выправить его, приказали таскать всякий балас¹ на другой бок: орудия и всё, что только можно было перетащить. На корабле всего насчитали больше трехсот осколков снарядов.

А пробоину на носу потом заделали. Нашёлся один чертёжник. Он составил план. По нему сделали большой треугольный ящик из дерева, подвели его под нос вплотную, а затем воду выкачали и заделывали пробоину, как ровно в сухом доке.

После того наш броненосец ушёл в Циндао. Это китайский порт, только он тогда за немцами был: они получили его от Китая незадолго до японской, как был бунт Большого Кулака. Тогда многие ведь державы: Англия, Германия, Франция, наша Россия умирляли этот бунт и потом получили себе от китайского правительства, что кому было надо. Так немцы взяли Циндао и были там до германской войны.

В Порт-Артуре-то мы всё-таки постояли. Помню я его. Помню и командиров. Вот, например, был капитан первого ранга, по фамилии Кисель-Загорянский. Бывало, спросит матроса:

— Как меня зовут?

— Капитан первого ранга Загорянский.

— Врешь! Так твою... А «Кисель»-то с кашей, что ли съел?

Ох, и ругатель был! Страсть как ругался. А если сам провинится, сам себя наказывал: поставит самого себя и стоит: «Дурная башка, стой! Вперёд не будешь так делать».

А другой, тоже капитан первого ранга, Вирен, так того матросы страсть не любили. Ему нравилось на чём-нибудь да словить их, а потом ругать, наказывать.

Вирен ездил по городу на велосипеде. Вот матрос идёт, увидит, что Вирен на своём велосипеде едет, возьмёт свернёт в другую улицу, чтобы только не встречаться. Так что вы думаете, Вирен объедет кругом квартала, нагонит-таки матроса и давай его ругать:

— А, ты, шельма, хотел убежать от меня!..

И ругает и ругает...

Вирена, как переворот-то сделался, в Петрограде матросы сбросили в море. Многих тогда, кто тиранил матросов, побросали в море. А которые хорошо относились, тех не пошевелили.

Вот Макаров был адмирал: борода такая большая, на обе стороны, — тот хороший был человек. Если матроса увидит не в порядке, подзовёт его. Тот станет во фрунт.

---

¹ Балласт.

— Поворотись!

Тот поворотится. Макаров оглядит его всего:

— Тут, братец, у тебя непорядок, тут неладно, иди по-
правь.

И отпустит, ничего не делает.

Хороший был человек Макаров!

Записано 13 июня 1949 года со слов 72-летнего старика, уроженца деревни Лариной, Ольховского района, Курганской области.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Первая мировая война, разразившаяся 28 июля 1914 года и охватившая почти все страны мира, нашла широкое отражение в устном творчестве русского народа. Эта война империалистических монополий за рынки сбыта и передел колоний была чужда трудящимся нашей страны, которые под руководством Коммунистической партии в конце концов превратили империалистическую войну в войну гражданскую, свергли власть царизма и буржуазии и создали первое в мире социалистическое государство.

В песнях первой мировой войны мы не слышим урапатриотических мотивов, наоборот, в них звучит протест против бойни, развязанной империалистами. Публикуемые здесь песни, частушки и сказы, записанные на Урале, есть только незначительная часть того, что создано народом о первой мировой войне.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Вечер вечерееет,
Солдатики идут,
В своих руках могучих
Всё раненых несут.
К вокзалу подносили
И клали их в вагон,
В Россию отправляли,
Чтоб вылечить потом.
«Лечите, не лечите,
Мы жертвуем собой,
Помрём лучше в больнице,
Чем снова идти в бой».
Давали им лекарства
И тем не помогли.
Солдаты повторяют:
«За что страдаем мы?»
Лежал солдат в больнице
И тяжело вздыхал,

Жену, малютку-сына
Он часто вспоминал:
«Пришли б ко мне родные,
Жена, отец и мать,
Да очень уж далёко
Пришлось нам помирать.
Пришёл бы сын-малютка,
Увидел бы отца:
От ран он умирает,
Страданиям нет конца».
К его бедной могиле
Родные не придут,
Цветов его могилы
Водою не польют.
Лишь летнею порою
С зарёю теплых дней,
Поёт уныло песню
Пернатый соловей.

«Наверно, вас, малютки,
Мне больше не видать,
Придётся вам, несчастным,
Кусочки собирать».
Вечер вечереет,
Вино дворяне пьют,
А бедного солдата
На кладбище несут.
Солдаты защищают
Участь богачей,
А изверги гуляют,
Не спят даже ночей.
Вон там купцы, дворяне
Справляют вечера,

А бедный наш солдатик
Не ел ещё вчера.
Дворянка там за чаем
Сидит, вздувая нос,
А бедная солдатка
Не сушит глаз от слёз.
Куда она ни взглянет,
Кругом она одна,
Ложится спать в постелю —
Постеля холодна.
«Нет милого супруга,
С кем век я буду жить?
Мне с малыми детьми
До гроба слёзы лить».

*Записано в 1937 году в гор. Шадринске от
уроженца деревни Любимовой, Уксянского райо-
на, Курганской области, Гаврилы Николаевича
Мехонцова, 45 лет.*

* * *

Вечер вечереет,
Орудия гремят.
Солдатики в окопах
От холоду дрожат.
Летит снаряд германский,
Журчит, как эроплан,
Но каждый уже знает,
Что это — чемодан.
Летит, не долетает,
То делат перелёт,
Но сердце замирает:
«А вдруг меня убьёт...»
Ведь жалко жизнь оставить,
Какая б ни была,
Хоть бедный, хоть богатый,
Но жизнь всем дорога.
Жалко ведь оставить
Женатому семью,
А холостой жалеет
Подруженьку свою.
Вот стихла батарея,
На сердце веселей.
Вылазит из окопов
Солдатик поскорей.
Согреть бы хоть водицы,
Чтоб душу отвести,

Живот свой порасстроенный
В порядок привести.
Ведь кухни нам подвозят
В сутки один раз,
И то, чтоб не заметили,
В вечерний поздний час.
Вот голос раздаётся:
«С котелками выходи!
Вторая полурота,
Немного погоди!»
Голодный и холодный
За ужином бежишь,
Измученный, невольно
Трепещешь и дрожишь.
И что ж: приходишь к кухне,
Подпрапорщик орёт,
Устраиват порядок
И по морде бьёт.
Увидавши это,
Подберёшь живот,
Идёшь оттуд голодный,
Тихо слёзы льёшь.
И часто получается)
Такая ерунда:
Приходится голодному
Сидеть денька по два.
Доносят из секрета,
Что немцев цепь идёт.
Команда раздаётся:
Готовым быть вперёд!
Трещат вдруг пулемёты,
Ружейный ураган.
Ну, а хитёр же немец,
Хотел взять на обман.
Но мы не прозевали,
Показали путь,
Немецку цепь разбили,
Нам можно отдохнуть.
Теперь нам и поесть бы —
Нельзя занять, купить,
Дожидайся вечера,
Как морды станут бить.

*Извлечено из рукописного сборника стихов
и песен крестьянина деревни Новой, Буткинского
района, Свердловской области, Ивана Лукича
Калинина, писавшего в 1917—1920 гг. (собрание
В. П. Бирюкова).*

Там вдали, в горах Карпатских,
 Между двух огромных скал,
 Продвигался ночью тёмной
 Санитарный наш отряд.
 Впереди его повозка,
 На повозке — красный крест,
 А с повозки слышны стоны:
 «Скоро, скоро ли конец?»
 «Скоро, скоро», — отвечает
 Милосердная сестра,
 А сама едва шагает,
 Вся измучена, больна.
 «Скоро мы на пункт приедем,
 Я вас чаем напою,
 Перевязки всем поправлю,
 Жёнам письма напишу...»
 Вот солдат письмо диктует:
 «Здравствуй, милая жена!
 Я не очень сильно ранен,
 Скоро дома буду я».
 И сестра всё пишет, пишет,
 А на сердце тяжело:
 Муж её давно убитый,
 Сердце кровью облито.

*Списано из песенного сборника школьника
 времён первой мировой войны (собрание
 В. П. Бирюкова).*

ЛЫСЬВЕНСКИЙ БУНТ

Когда была объявлена русско-германская война, в Лысьве мобилизованные рабочие потребовали выдать их семьям те несколько тысяч рублей, которые заводское начальство удерживало, как отчисления, на постройку в Лысьве народного дома. Когда рабочие предъявили такие требования, управляющий округом Ануфрович ответил отказом. Рабочие этого не стерпели, ворвались в здание управления завода и погнались за Ануфровичем. Тот выбежал из своего кабинета на балкон. С балкона ему деваться было некуда: рабочие настигли его и сбросили на мостовую. После того хотели из пожарной машины облить керосином здание управления, а когда машина не взяла керосин, смочили керосином кошму, обложили ею здание и зажгли.

Ну, известно, после того началась расправа. Кажется, сам губернатор выезжал тогда в Лысьву. А если и не сам, то

послал каких-то больших чиновников для расправы. С ними были посланы и солдаты. Полиция стала ловить всех, кого только заподозрила. Многих потом расстреляли, а кого заковали в кандалы и сослали в Сибирь на каторгу.

Начальство увидало, что на заводах очень беспокойно, и стало делать чистку заводских рабочих, оставленных работать на оборону. Всех неблагонадежных просто выкидывали, а кого можно было мобилизовать, брали в армию. Мобилизовали тогда и меня. Нас, лысьвенцев, числом до сотни человек, собрали в Перми на сборном пункте у воинского начальника, в казармах. Здесь всех выстроили и скомандовали:

— Лысьвенцы, два шага вперёд!

Мы, конечно, вышли...

Держали нас в Перми недолго: на другой же день посадили в отдельные теплушки и отправили. Привезли в Белебей, разбили по разным ротам и стали обучать. Издевались над нами кто как хотел. Людей в нас не видели, а обращались хуже, чем со скотом.

Как-то во время одного полевого ученья ротный командир производил смотр. Подошёл он к одному солдату в первой линии левого фланга и ударил его так, что у того из носа и из рта хлынула кровь. Этот солдат отшатнулся, взял винтовку наизготовку и штыком в грудь заколол офицера.

Начальство забегало. Пошло следствие, допросы, угрозы, но ничего не помогло: товарища никто не выдал. Если бы было мирное время, то неизвестно ещё, что бы со всеми нами сделали. А тут — война, да и народ беспокойен, особенно у нас, на Урале, возиться было некогда, да и опасно. Только с нами и сделали, что всю роту поименовали маршевой и на другой же день отправили на фронт.

Записано в августе 1927 года по воспоминаниям директора Шадринской мешочно-ткацкой фабрики Якова Никоновича Собанцева, 39 лет.

НЕ БУДЬ ИЗМЕНЫ, НЕ ПОПАЛ БЫ В ПЛЕН!

Я в окопах год лежал, три года в плену был. В плен как попал? Не будь измены, не попал бы. Много тогда было измены, ой, как много! Продавали тогда нашу Россию.

У меня как получилось. Командиром полка был полковник Тохтаров. Вызывает он меня; я был старшим унтер-офицером. Говорит:

— Айда в четвёртую роту за фельдфебеля.

— Ваше высокоблагородие, там есть фельдфебель.

— Ну, он ещё пороку не нюхал.

Я пошёл в окопы. Вскоре немцы открыли ураганный огонь

и сожгли деревушку, но в окопы попасть не могли. Потом прекратили огонь и пошли в наступление. А перед нашими окопами поле, пшеница стоит. Вижу, неприятель в пшеницу заходит, рассыпается и влево. А там редуты.

Я скомандовал стрелять по неприятелю. Только стали стрелять, от командира батальона бежит связь.

— Кто стрелял?

— Я!

— Командир батальона приказал огонь не открывать.

— Я такое приказание не принимаю, когда вижу перед собой противника.

Немцы как скроются в пшеницу, я прекращу огонь. Как высунутся, я опять стреляю.

Снова командир батальона присылает:

— Кто стрелял?

— Я стрелял.

— Командир батальона сказал: «За неисполнение приказа — к расстрелу!»

— Я такого распоряжения не принимаю.

Потом стало тихо. Никакого боя нет. Вижу, с горы шесть немецких солдат спускается и один офицер с ними — к нам идут...

Справа через реку был мост. Командир батальона пропустил через переправу неприятеля на нашу сторону.

Немцы идут к нам: впереди офицер, сзади солдаты. Офицер что-то кричит мне. Я не понимаю.

Между нами стоял палисадник. Офицер подкурнулся под него и кричит что-то. Я хоть не понимаю слов, а вижу, что требует бросить винтовку. Я взял и поставил её к тыну.

Подошли немецкие солдаты, давай наших разувать, мяться сапогами. А мы только что из Москвы получили хорошие кожаные сапоги; у немцев сапоги плохие, голенища матерьевые. Я замарал грязью свои сапоги, чтобы немецкие солдаты не отобрали.

Офицер приказывает мне:

— Веди своих в штаб полка!..

Мы пришли. Глядим, за нами опять партию солдат ведут. Да так и наводили четырнадцать тысяч! И никто ведь из наших не стрелял, а только я сколько-то пострелял.

В то время у нас немало генералов из немцев служило — было кому измену делать. Как в японскую войну, когда изменник немец генерал Стессель сдал японцам Порт-Артур. А ведь непобедимая была крепость! И теперь не обошлось без подлецов.

Из плена я три раза бегал. Три раза имали, а на четвёртый я совсем убежал. В последний раз из Буковины. Дал стар-

шему писарю взятку, чтобы назначил на работу поближе к нашей земле — надоело уж в плену-то, где кормили душной конятиной.

Тут как раз требование вышло от помещика, — под Станиславов нужна рабочая сила. А наша земля оттуда не так далеко. Писарь меня туда и назначил. Здесь я три дня пробыл, а на второй день пасхи подался в свою сторону и ушёл.

Вот как всё вышло.

Записано 27 сентября 1952 года в селе Байны, Богдановичского района, Свердловской области, от 76-летнего колхозника Сергея Степановича Воробьёва.

СОЮЗНИКИ-ПЛЕННЫЕ

В шестнадцатом году я подпал под мобилизацию. Взяли меня 2 февраля и послали в Челябинск. Там мы обучались, а потом я попал в отборные войска и был послан во Францию.

Ехали мы через Екатеринбург, на Вологду, на Архангельск, спустились в Белое море и во Францию заехали с западу. Там есть порт Брест, в нём высадку с моря сделали.

Нас, русских солдат, послали две дивизии на поддержку французам, как у них нехватало войск. Когда мы разговаривали с французами, те говорили:

— Мы вас купили...

Нам французы пушки давали, а с нас за это брали солдат. Каждый русский солдат в 17 сантимов обошёлся французам. А сантим-от меньше копейки!

Мы в Шампани потом шесть месяцев стояли против немца.

Вскорости у нас в России сделалась революция. Мы потребовали:

— Отправляйте нас домой!

Нам говорят:

— Вас там некому сдать, нет хозяина теперь...

Мы во Францию приехали как союзники, а в семнадцатом году оказались на положении военнопленных. Нас семь тысяч солдат отправили в Африку. Там мы пробыли пять лет, пока нас не вернули в Россию.

18 декабря в семнадцатом году посадили нас на пароход в Марселе. До Африки мы ехали всего двое суток и высадились в городе Оране. Везли нас туда, как бандитов. Так и объявили. На каждой станции с пулемётами встречали.

Как привезли туда, за проволоку на пять месяцев посадили. Сначала на прогулку гоняли, а потом на работы: гору окапывали, болота засыпали, а потом лесопосадку делали. Тут мы забастовку на три дня объявили, не захотели ходить за 12 километров по тамошней жаре. Ну, нас давай морить: утром

только по стакану чаю выпьешь. Забастовали тогда всем лагерем.

Через пять месяцев нас стали разгонять на работы. Спрашивали, кто чем дома занимался, а потом либо на сельскохозяйственные работы, либо в шахты.

В двадцатом году отправили нас в город Алжир. Красивый город. На склоне к морю. Из улицы в другую улицу надо по лестнице спускаться. Насмотрелся, как народ там живёт. А народ очень смешанный: арабы, сенегальцев полно, чёрные негры. Арабы худо живут. Как кочующий народ: летом все на монтане, на горе — по-нашему, а зимой спускаются книзу, в ложину. Для нашего брата там тяжело: с четырех часов какая-то сырость потянет, а ночью совсем сыро, туман. В летние месяцы ни одна дождина не падёт.

Долго пришлось пострадать нам у наших бывших союзников. Но всё же, в конце концов, родная советская власть выручила нас и вернула на Родину.

Записано 27 сентября 1952 года в селе Байны, Богдановичского района, Свердловской области, от 65-летнего колхозника Артемия Лаврентьевича Колясникова.

ЧАСТУШКИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Солдатские

Эх, симпатия-цветок,
Меня угонят — вышел срок.
Там на западе война,
Убьют молодчика меня.

Помолился, милка, богу
На высокой на горе,
Чтобы не взяли в солдаты,
Не убили на войне.

Скоро, скоро станут жать,
А нас погонят воевать,
Во горы, во Карпатские,
В окопы, во германские.

Уж ты, молодость моя,
Ты куда девалася?
По окопам, по землянкам
Скоро истаскалася.

Неохота мне, мальчишке,
Под Аршавой умирать;
Дай-ка, милочка, платочка,
Чтобы слёзы утирать.

2. Девичьи

Вам недолго, добрым молодцам,
Некрутикам гулять,
Ой, придётся вам, некрутикам,
В окопах полежать.

Подадим мы телеграмму
Волостному старшине:
За кого мы выйдем замуж —
Все ребята на войне.

Ой, прощай, Карабаш,
Широкая улица,
На войну мой мил уехал,
Приезжать не сулится.

Приготовьте гроб тесовый
И могилу для меня.
Если милого убили,
Хороните и меня.

Как моего-то милого
Да угнали на войну.
Не стреляйте вы, германцы,
В грудь милёнку моему!

Полюбила несчастливую —
Угнали на войну.
Прострелили правую рученьку
Милому моему.

Как вчерась вечерком
Телеграмму принесли,
Будто милого убитого
В Германии нашли.

Сяду я, поеду я
По морю Ледовитому,
Приплыву, на грудь паду
К милёночку убитому.

Частушки записаны в разное время в различных районах Урала.

ТРУД И БЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ

ГОРНЯКИ

Ещё в XVII веке на Урале были свои рудознатцы, но лишь с Петра Первого рудоразведывательное дело начинает становиться на научные основы соответственно уровню того времени. Но следует отметить, что многие месторождения открыты были не специалистами, а рабочими и крестьянами, вроде Ерофея Маркова, указавшего на месторождение золота в Берёзовске, под Екатеринбургом, Степана Чумпина, открывшего железную руду на горе Благодать, и др.

В связи с приходом на Урал иностранных специалистов горного дела и русских заграничных выучеников в горняцкий язык проникли иностранные слова-термины, которые, однако, местные рабочие стали осмысливать на свой лад. Так «щегерь» получился из «штейгер», «бергал» из «бергауер» и т. д. С другой стороны, русский рабочий начал создавать свои народные термины, как «занорыш», «тощак» и др., частично принятые потом русской горной наукой.

Горняцкий труд был одним из самых тяжёлых, изнурительных и опасных. Люди уходили утром и не были уверены, что к вечеру вернутся домой. Помимо опасности обвалов, рабочие страдали от рудничных газов, особенно в медных шахтах. Ко всему этому прибавлялось зверски-грубое обращение с рабочими со стороны владельцев и их главных приставников — смотрителей и управителей, которые к тому же стремились как можно меньше заплатить за труд, чтобы больше оставалось прибыли и хозяину и им самим.

Все эти условия жизни и труда горняков и шахтеров ярко выражены в публикуемом нами горняцком фольклоре.

ПЕСНЯ О БОГОСЛОВСКОЙ ГОРНОЙ КАТОРГЕ

Не ропщи-ко, Пашенька драгая,
Я лишаюсь, Пашенька, тебя.
Горька участь от царя-монарха —
Отсылают нас в восточные края.
Там лесочки,
Мелконьки наши зверочки.
И близь зелёного он лужка,
Близь зелёного он лужочка,
Тут сидел мальчик на бережочке,
Свежу рыбочку мальчик ловил.
Приходила к нему мать родная,
Стала сына в лице признавать.
Стала сына в лице признавать,
Стала в уста сына целовать.
«Ты, дитя, дитя моё родное,
Ты зачем сюда, дитя, попал?»
«Восемь лет я робил в Богословском,
Я спокою себе, мальчик, не знал:
Горно-каторжны там работы,
Знать, состарили оне меня».

Записано 12 декабря 1937 года в гор. Каменск-Уральском, Свердловской области, со слов 65-летней дочери и вдовы рабочих Анны Александровны Бутаковой; песню она слышала в детстве.

Песня имеет много различных вариантов. В этом варианте очень чётко указано: «Горно-каторжны там работы», что говорит за то, что данная песня — документ о бывшей уральской горнозаводской каторге, которая существовала до 1863 года в Богословском горном округе.

* * *

Распатрет, баска картина,
Где-ка Сашенька живёт?
Я любил Сашу три года,
Я за ум, не за красу.
Красоты в лице нисколько —
Был бы ум при дорогой.
«Эх, прощай» — сказал любви,
Мил садился на коня,
Мил садился, конь бодрился,
Свистнул, крикнул голоском,
Свистнул, крикнул голосочком,
Махнул правою рукой.
Махнул правой ручкой, левой,

Перчаточкой гумажной,
Алой лентой дорогой:
«Вы прощайте, Саши, Маши,
Все сибирски девушки;
Вы, сибирски раскрасотки,
Нам теперя не до вас,
Нам теперя не до вас! —
Отъезжаем прочь от вас.
Отъезжаем, отдаляем
В чужедальни города,
В чужедальни, незнакомы —
На золоты промысла».

*Записано в гор. Свердловске 27 января
1935 года от уроженки деревни Трубиной, Пыш-
минского района, Свердловской области, Афа-
насьи Павловны Теплоуховой, 55 лет.*

* * *

Как доверенный за нами
Ехал строго, с казаками:
«Ну, скорей пошёл!»

Как азам на растопашку,
Знай закатывай в размашку,
Некогда стоять!

Мы на прииск приходили,
Ломы, кайлы получили
И в разрез пошли.

Из разрезу приходили,
Все мы разом говорили:
«Утром нам вставать!»

Утром рано нас будили,
На работу проводили, —
Ну-ко, работать!

Нас ругали и бранили...
Так мы лето проводили,
Теперь отдыхать!

Мы в контору приходили,
А как деньги получили,
С радостью пошли!

На дорожку выходили,
Громку песню заводили
Сами про себя:

Мы «по собственной охоте»
Были в каторжной работе
В северной тайге.

Мы теперь научились —
Больше не пойдём,
А домой уйдём!»
И домой не угодили,
На Бурахту своротили,
К Малишевскому.
Мы к нему зашли!
Тут мы пили и кутили,
Утром стали без сапог,
А кто и без порток!
Мы на Ерут приходили,
Вновь задатки получили,
Ещё стали кутить!
Нас одели и обули,
У исправника отдули,
И теперь совсем!

*Записано в гор. Шадринске 16 сентября
1938 года от уроженца деревни Кукольниковой,
Ольховского района, Курганской области, Анд-
рея Аристарховича Руднова (1887 г.).*

Бурахта — село, где обычно рабочие нанимались к золотопромышленникам на работы.

Малишевский — содержатель «попоешного дома» (кабака).

Ерут — пристань на реке Енисее.

* * *

Мужики вы, мужики,
Одним словом — чудаки!
Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали.

Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали.
Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про всё.

Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про всё,
Распознаете про всё —
Про шахтёрское житьё.

Шахтёр пашенку не пашет,
Косы в руки не берёт,
Косы в руки не берёт,
В казну денег не кладёт.

Косы в руки не берёт,
В казну денег не кладёт.
Шахтёр — холод, шахтёр — голод,
Нет ни хлеба, ни воды.

Шахтёр — холод, шахтёр — голод,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нету воли никуды.

Записано в гор. Свердловске в Октябрьском посёлке от 67-летнего Ефима Ивановича Шанаурова; он слышал эту песню в гор. Кизеле, Молотовской области, в 1909—1910 гг. от ссыльного по кличке «Горобец-отважный». Этот Горобец работал вместе с шахтёрами больше полугода, потом избил полицейского и сбежал, не оставив никакого следа, кроме песен «Мужики вы, мужики» и «Друже». Та и другая песни являются переделкой старинных крестьянских песен о положении крепостных.

ДРУЖЕ

Шахтёр-друже, мой дружок,
Невесёлый наш денёчек.
Дни и ночи спину гнём,
А суху корку найдём.
Корок вволю не дают,
По десятку шкур дерут.
От работушки проклятой
В кабаках валямся пьяны,
Как собаки в конурах.
Нужду растим на горбах.
От Николы до Ивана
Считай, друже,
Всё пропало.
Обижает нас подрядчик,
Живодёр-кулак приказчик.
Лупит палкою смотритель
Да кричит: «Друже, смотрите!
Шахтёр, сволочь, в зубы ткну,
Да запрячу во тюрьму!»
Шахтёр, друже мой, дружок,
Доживай послед денёчек,
Горе водкой заливай,
Всё равно нам — «помирай!»

Мы в посылках долто были,
Песенку сложили,
Песню нову, песню браву.
По-бурлацки жили.
Нам-то жить-то не давали,
На совет гоняли,
Совет совещали:
Сухари сушити.
Мы сухарики сушили,
Сумы набивали,
Сумы набивали,
Ремнём зашивали.
Сумы ремнём зашивали,
Мы да коней поимали,
Ямщичка выбра́ли.
Мы да ямщичка выбра́ли

Коней ворочати,
Пехотой шагати.
Велики ли эти вёрсты —
Ознобили пёрсты.
На угоре-косогоре
Стояла контора.
А конторщик новый, бравый,
Конторщик горбатый,
Пищичек плешатый.
Они пишут на бумагу,
На тонкий листочек.
Нам сулили буйну плату,
Нам дали лопату
Канаву копати.
Что канавушку копати,
Руду добывати.

*Записано П. А. Вологдиным от крестьянина
Верх-Юсьвенской волости, Соликамского уезда,
Пермской губернии, Фёдора Мехоношина; хра-
нится в рукописном архиве Всесоюзного геогра-
фического о-ва в Ленинграде, папка Пермской
губернии, 76; опубликовано В. Н. Лозановой в
статье «Фабрично-заводская песня крепостной
России» («Литературная учёба», 1935, № 7—8,
стр 170).*

Фёдор Мехоношин — несомненно, коми-пермяк, так как в подлинной записи мы имеем: «в посываках», «свожили», «по-бурвацки», «сукари» и т. д., что свойственно коми-пермяцкому языку.

Понедельник — лёгкий день:
Кто на рудник, кто в курень.
Один миленький — на медный,
А другой — на золотой
И третий милый мой —
На Синару за рудой.
Ты не езд, милый мой,
На Синару за рудой,
На златые прииска,
Там работа тяжела.
Со работы руки ломит,
Со ходыбы ноги болят,
Шум в головушке стоит.
Тятенька мой,
Дай мне пачпорт годовой:
Я не буду здесь жить,

Пойду в городе служить;
Я не буду баловать,
Буду деньги наживать.
Наживу я гривенку,
Пошлю тятеньке на соль,
Наживу я рублей пять,
Пошлю тятеньке опять.

*Сообщила Агриппина Гавриловна Корева-
ва в 1935 году. По её словам, песня пелась в
Ревде в 1870—1880 гг. как бы от лица девушки,
которая искала себе работу полегче.*

* * *

Шахтёр в клеточку садится,
С белым светом распростится:
«Прощай, прощай, белый свет,
Тебя увижу али нет,
Прощай, ясная заря,
Прощай, милочка моя».
А загонщик дело знает,
Всё вагончики гоняет,
Он вагонов шесть погнал,
Себе спину ободрал,
Жизнь шахтёрску он проклял.
Шахтёр в яму опустился,
С белым светом распростился.
Сам он ходит со свечами,
А смерть носит за плечами.
Эх, нет на свете тяжелей,
Как работа в шахте, ей!

*Записано в гор. Кизеле Ю. А. Самариным в
1930 году.*

* * *

За Мясом, за рекой,
Управляющий слепой,
Живёт барин Фотья,
Как татарин Мотья.

А у церкви на углу
Поп блаженствует в саду:
С попадьей чай распивает,
Требу с бедных обирает.

(Был ещё куплет про урядника, но позабылся).

*Записано 5 сентября 1939 года в гор. Троиц-
ке от заведующей детским отделением централь-
ной русской библиотеки, дочери штейгера Лидии
Александровны Поповой, уроженки приискового
села Андреевского (теперь Ленинский прииск),
Челябинской области.*

Фотья — управляющий прииском Мефодий Григорьевич, фамилия
забылась. Сравнение его с татаринком Мотькой, очевидно, торгашом-
кулаком, — намёк на неофициальное многоженство.

У нас здесь на Медном в старое время смотрителем рудника был Шмаков. Про него забойщики говорили:

— Зверь был Шмаков. Ожидаешь Шмакова, замирает в человеке кровь. А потом всё дело совершится: побьёт! Тем и кончает.

А откатчики добавляли:

— Беда попасть встрече Шмакову. Он бьёт наотмашь направо и налево. Что дашь дорогу — бьёт, что не дашь дорогу — бьёт.

Которого отлупит, да тот стерпит, потом подарок ему подносит:

— На́ тебе за то, что переносил.

А который не переносил, тому вырвет половину бороды — да в солдаты.

Идёшь в забой, не имеешь права оглянуться. А кто при его приходе стоит, не работает, того не трогает, а на заметку берёт. Как придёт пора сдавать в солдаты, сам с ним едет в Верхотурье, а вернётся, говорит:

— Ну, теперь всех варваров сдал!

А которых не примут, про тех говорит:

— Ну, этого шельму и туда не надо!

Записано в гор. Нижнем Тагиле 28 июня 1936 г. от заводского рабочего, теперь пенсионера, Зиновия Александровича Чернышева, 83 лет.

ГОРНЯЦКИЕ ЧАСТУШКИ

На Шувалова мы робим,
А в карманах ни гроша.
Управитель и смотритель
Лишь нарастили брюха́.

(Посёлок Бисер. 1890 г.)

Не поеду робить в Яму¹,
Не пойду, милка, гонять,
За несчастных восемь гривен
Худу славушку примать.

(Гор. Нижний Тагил. 1900 г.)

На Железном робила,
Вагончики гоняла,
У Ворониной вдовы
Сына уважала.

(Там же)

¹ «Дно» железного рудника в гор. Нижний Тагил.

На Железном робить скушно,
Ну, и дома тишина:
Сдали брата и симпата,
Я осталася одна.

(Там же)

На Шихане¹ лес густой,
В Большой яме — маленький.
На Шихане есть баской,
В Большой яме — аленький.

(Там же)

Мы вагончики катали,
Песню громко распевали.
Тёмно было там в штреках.
Мы ходили в лоскутах.

(Там же)

Зимогоры² от конторы
Кое-как плетутся,
Сколь получают, всё пропьют,
На чайшке быются.

(Средний Урал. 1910 г.)

Зимогоры вкрут огня
Громко распевают.
Слёзы льются, как вода,
Сами застывают.

(Там же)

Мне сказали на вокзале:
Милочку просватали.
У меня, у зимогора,
Слёзоньки закапали.

(Там же)

Ох, какая это дверь—
Широко расходится.
Уважатель, милый мой,
На рудничке находится.

(Там же)

Соловейко-трудничек,
Ты слетай на рудничек,

---

¹ Вершина горы Высокой в гор. Нижний Тагил.

² Рабочие-сезонники, которые зимой «горе горевали».

Сядь на ветку, сядь на кол,
Скажи милому поклон.

(Там же)

Земляниженка в стакане,
Чернослив на блюдечке.
Одна милка живёт дома,
А друга — на рудничке.

(Средний Урал)

Я последний день гуляю,
На отчаянность иду:
Все лопаты изломаю,
Завтра робить не пойду.

(Там же)

На Куделечке¹, на моечке,
На жёлтом на песке,
Проводила свою молодость
Во горе, во тоске.

(Асбестовские рудники)

По камешку бью,
Падает куделя.
Без духанечки живу
Четвёртую неделю.

(Там же)

Хорошо тому работать,
Кто с десятником живёт:
Он за полдень не поставит,
Молоток не отберёт,
В день полфунта накопает
А за пудичек сдаёт.

(Там же)

Прощай, главная контора,
Прощай, щегерь молодой,
Прощай, милый, чернобровый,
Расстаюся я с тобой.

(Там же)

ГОРНОЕ ДЕЛО

С л о в а р и к

Б а р ы т. 1. Минерал барит. 2. Баритовый рудник около Златоуста.
Б е г а т ь с с о б а к о й. Работать каталом на медном руднике
(Полевской завод). «В 90-х годах можно было встретить еще немало ста-

¹ Дореволюционное народное название асбестовых рудников.

рихов, которые «до воли» и «после воли» работали забойщиками на этом руднике. Те же, что работали на разборе руды (дети) или «бегали с собакой» (подростки-катали), были еще совсем не стариками». (П. П. Бажов, У старого рудника, Уральский современник № 3, 1940, стр. 191).

Б ё р г а л. Переделка немецкого слова «бергауэр» (горный рабочий). Употреблялось в значении «старший рабочий», которому подчинялась группа подростков-каталей. «Счастье моё, что я к добрым бергалам попал. Ни одного не похаю» (там же, стр. 197).

Б л ё н д о ч к а. Рудничная лампочка старинного устройства. «Главная причина — потёмки, а свету не прибавишь. Хоть сам владелец спустишься, ту же блёндочку дадут» (П. П. Бажов, Приказчиковы подошвы).

Б о г - п о м о ч ь. (Насмешливо). Название старой шахтерской железной для керосина лампочки, со стерженьком и цепочкой; на конце её — крючок, которым шахтёр прицеплял лампочку к своему костюму на груди.

В е т о ч к а. Ответвление горной жилы.

В о д о т ё ч ь. Подземное течение воды.

В о р о т о в щ и ц а. Женщина, работающая на рудничном входе.

Боля-каталь, боля-каталь,

Воротовщицею я.

Пожалей ты, боля-каталь,

Воротовщицу меня.

(Каменский район).

В ы в а л. Обвал горной породы из стенки шахты.

В ы к а т. Пологая штольня, по полу которой выкатывается в тачках полезное ископаемое.

В ы к р е п и т ь. Произвести крепление какой-либо подземной выработки.

В ы с в е р л о к. Цилиндрический кусок горной породы, или керн, образовавшийся от сверления круглым сверлом.

В ы х а ж и в а т ь. Вытаскивать обратно из шахты, из-под земли.

Г о р а. 1. Рудник, место горных работ по добыче руды или строительного камня, хотя оно и находится на ровной, негористой местности.

2. Рабочие «горы» — рудника, каменоломен. «Гора, конечно, в обиде, что крична большинство берёт» (П. П. Бажов, Марков камень).

Г о р н ы е п у г о в и ц ы. Форменные металлические пуговицы, присвоенные горному ведомству, чины которого до последней четверти XIX столетия в отношении формы были приравнены к военному ведомству.

Д е в к а. Лом весом от семи до двенадцати пудов, употребляемый при добыче горнокаменных пород.

Д у ш н а я ш а х т а. Шахта, содержащая вредный для человека газ, или «дух».

З а б о й. Место непосредственной добычи полезного ископаемого.

З а б о й щ и к. Рабочий в шахте, занятый добычей полезного ископаемого: руды, угля, камня и пр. «Родитель мой из забойщиков был. На казённом руднике с молодых лет руду добывал» (П. П. Бажов, Рудяной перевал).

К а м е н н а я к у д е л я. Асбест. «Печатают, а того не знают, что Акинфий Демидов чуть не сотней годов раньше Наполеона жил, а про этого Акинфия рассказывают, что поделками из каменной кудели он весь дворец царский удивлял» (П. П. Бажов, Шёлковая горка).

К р а с н а я д е в и ц а. Значение из выдержки: «В горницах колхозников Соль-Илецкого района можно зачастую встретить в виде украшений блестящий прозрачный камень, которому дано поэтическое название: «Красная девица». Попад в руки научных сотрудников Оренбургского отделения Куйбышевского научно-исследовательского института строи-

тельных материалов и сооружений, камень получил новое название и назначение. Его толкли, мяли, прессовали, брали анализы, и теперь камень выглядит по-новому: из него сделаны отличные гипсовые плитки, назначение которых служить строительными материалами. Плитки имеют красивый белый цвет и крепость цемента» (Б. Иванов. Камень «Красная девица», «Оренбургская коммуна», 26 августа 1935 г.).

К р о в л я. Толща горной породы, лежащая сверху вырабатываемого пространства в шахте, верхние пласты добываемого полезного ископаемого — по отношению того, что добывается. «Да я теперь... понимаю: как, скажем, с вырубкой обходиться, как кровлю обрушить по-новому» (П. П. Бажов, Рудяной перевал).

К р о т ы. Значение из выдержки: «Отражались иногда и разногласия производственного порядка, хотя бы в обидных кличках: жженопятики (фабричные), кроты и пескомой (горнорабочие и старатели), лесовики (углежоги) и «несчастный подряд» (возчики)...» (П. П. Бажов, У старого рудника, гл. 4).

М о к р ы й з а б о й. Место добычи полезного ископаемого, куда поступает много подземной воды.

О б у ш о к. Ручное орудие наподобие кирки, которым в старину добывали полезные ископаемые. «Ну, и орудия другая, не обушок с лопатой, а много способнее», (П. П. Бажов, Рудяной перевал). «Куда обушок, туда и черешок». (Средний Урал, до революции).

П е р ш и н с к и й к а м е н ь. Изверженная горная порода — кварцевый порфир, месторождение которого находится на правом берегу реки Течи, близ села Першинского, Далматовского района.

П о ж о г. Куча железной руды, насыпанная на метровый слой дров в целях обжигания. «Началась потасовка. Били Кириллыча, бил и Кириллыч... Драка шла бесшумно, слышалось только пыхтение, глухие звуки ударов и короткие негромкие восклицания, из которых Кириллыч понял, что его быют за заброшенную им на пожоге руду» (П. Огарков, Кириллыч, Рассказ, Уральский современник, II, 1938, стр. 118).

П о л а т и. Досчатый настил между звеньями спусковой-подъемной лестницы в шахту, бывший в употреблении на некоторых рудниках даже в 1880-х гг. «Когда пришла пора двигаться дальше, новичок, поднимая ногу, чтобы ступить на первую ступень, вдруг поскользнулся на льду полатей, сорвался и полетел вниз мимо Голубева» (И. Сигов. На старом Урале. Молотов. 1944, стр. 84).

П у с т я к. Пустая, не имеющая хозяйственной ценности горная порода.

Р у д о б о й. Старое название горнорабочего, добывающего руду.

Р у д о к о п н ы й з а в о д. Старинное название рудника вообще, рудничного хозяйства в целом.

Р у д о о б ж и г а т е л ь н а я г о р к а. Место, где проводится предварительное обжигание железной и другой руды, прежде чем пустить её в плавку. «В 1777 году на Миасском заводе при четырёх рудообжигательных горках и стольких же медеплавильных печах работало уже более сотни человек рабочих» (П. П. Падучев, Уральская Калифорния, «Исторический вестник», IX, 1896, стр. 119).

С к о р о п р о х о д ч и к. Рабочий или мастер быстрой проходки в горных породах при добыче полезного ископаемого.

С к р а д. Бревенчатое укрытие для рабочего при взрывных горных работах.

С о б а к а. Тачка для откатки добытой руды (см. «бегать с собакой»).

С т в о л о в о й. Рабочий, дежурящий в стволе шахты.

Ш и р ф. Шурф, дудка, небольшая шахта. «Купца, видно жадность одолела, не постерегся и говорит: «У мраморского разреза, в старый ширф сбросили» (П. П. Бажов, Жабреев ходок).

МЕТАЛЛУРГИ

Беспросветно тяжёлыми были жизнь и труд рабочих уральских заводов до Великой Октябрьской революции. И не случайно, ужасающие условия работы и грубость заводского начальства и мастеров породили ряд песен, сказок и сказов, в которых эта обстановка сравнивается с адом, однако преимущество признаётся за последним, где всё же лучше, чем на заводе.

Чуть не до последней четверти девятнадцатого столетия уральская металлургия держалась на древесном топливе. А его требовалось не-
сметное количество. Вокруг каждого завода была расположена своя
лесная дача, где производились лесозаготовки: то крепёжного леса для
шахт, то «паленьговых» дров — для пудлинговых печей, то выжиг дре-
весного угля для домны и т. д. Место, где производились лесозаготовки
и выжиг угля, называлось куренём.

Понедельник — лёгкий день:

Кто на рудник, кто в курень...

Этими словами начинался ряд песен и частушек. О «курене проклятом» то и дело мы слышим в старых рабочих песнях. Это значит, что работа там была одной из очень тяжёлых.

◆ ◆ ◆

Ай, да вы, заводы,
Вы, мои заводы,
раскирпичные,
Ай, да мы, работающий народ,
Люди горемычные!

Люди горемычные,
Без грошей живём,
До ноченьки работаем,
С горя водочку пьём.

Ну, а кто же вас, заводы,
Заводил, ай да заводил?
Кто же вас, работнички,
В заводы привозил?

Ай, да заводы
Заводил хозяин,
Ай, да работников
Привезла нужда горькая.

Извлечено из газеты «Челябинский рабочий» за 5 августа 1936 года, по записи И. А. Сарайкина.

◆ ◆ ◆

Прояснился небосвод,
Ожила природа,
В управленье перевод
Ждут уже полгода.

Дни настали хороши,
Разгуляться можно.
По талонам торгаши
С нас дерут безбожно.

Записано 19 ноября 1950 года в гор. Нижняя Салда, Свердловской области со слов учительницы школы № 1 Надежды Петровны Милютиной, 56 лет.

По словам сказительницы, это лишь отрывок большого стихотворения, ходившего в Нижней Салде в 1908 году в связи с кризисом в уральской горнозаводской промышленности; в ожидании денег на выдачу заработной платы рабочие и служащие завода принуждены были покупать у местных торговцев товары по особым талонам, а потом выплачивать втридорога.

ОБУШНИКИ

Издавна верхневинских жителей зовут обушниками. А это неспроста — так взяли да и назвали.

Было это, когда людей в крепости держали. На заводе тогда управителем был Зотов, — ох, и сволочь же был! На свете другой такой не сыскать! Бывало, ночь на дворе, а он гонит людей на работу. Ноги в могиле висят, а иди на завод; сдох — туда и дорога, ему не жалко.

Бил заводских Зотов кишкой, набитой песком, таскал за волосы. Ни с чем не считался, хоть пропадай пропадом в кричине, из кожи вылезь. Люди говорили, что у него заместо сердца кусок чугуна был.

Видит это он, что рабочий мертвяком идёт, еле ноги волочит, набросится да давай хлестать кишкой — до смерти захлещет. На Зотова некуда было и пожаловаться, начальства он над собой не чувствовал, а всё потому, что у него то ли брат, то ли родич какой был управляющим Верх-Исетского округа, так что Зотов на заводе был сам царь, сам бог.

Если каждый день понужать да за волосы таскать, то уж добра не жди, как говорится: какой свет — такая и тень; востра коса, когда трава чиста; а если там камень попадись, то уже обязательно тупой станет.

На заводе робил в кричине парняга один, Пузанов; хоть давно всё случилось, а люди и теперь помнят его. Был работника большой. Зотову ни разу не откололось постегать его, а всегда волком косил на него глаз. Видно, уж по духу чуял неладное.

Раз Пузанов пришёл это на завод. Вечер уж был. И порешил Пузанов убить Зотова. Видно, сердце больше не стерпело. Сел с топором за дверью склада, ждёт-поджидает, когда светать начнёт, — Зотов приходил в завод с солнцем.

Идёт это он, как всегда, со своей проклятой кишкой, тут его у склада и встретил Пузанов с топором... Видно, всё наперёд обдуманно было. И ударил Зотова обухом топора прямо по черепу.

Сильный был парень, ударил крепко, — тот упал. Наклонился Пузанов, видит, что больше Зотову не подняться...

Люди, известно, сбежались, а Пузанов и говорит:

— Ну, теперь вяжите меня, я его, сволочь, угробил; что он искал, то и нашёл...

Вот с тех пор нас, верхнейвинских, и зовут обушниками.

*Записано П. И. Алексеевым в гор. Верх-
Нейвинске, Свердловской области, от Н. И. Са-
рафанова, 62 лет, кузнеца.*

Подобные случаи были не единичными на старых заводах Урала. Сравнить хотя бы помещаемый ниже сказ «Расчёт» о случае на Златоустовском заводе.

РАСЧЁТ

Дедушка мне рассказывал. Это было во времена крепостного права. В Златоусте в то время был горным начальником генерал Протасов. Он был очень злой человек. Если проходит по заводу, то непременно кого-нибудь изобьёт своей палкой.

И такие ещё порядки были заведены, что в его дом по очереди каждый день должны были ходить жены рабочих и мастеров мыть полы.

Подходит очередь идти моей бабушке. Дедушка говорит: — Не ходи мать, — без тебя обойдётся!

Соседи говорили:

— Влетит, влетит тебе, Анна!

И вот очередь бабушке подошла. Она говорит своему старшему сыну:

— Петька, сядь к окну с Лёшкой, — так младшего сына звали, — и карауль: как подъедет на лошади дяденька, спросит меня, ты скажи ему, что мамки дома нет.

Подъехал щегерь и кричит:

— Эй, Шилиха, твоя сегодня очередь мыть полы у барина!

А Петька отвечает ему:

— Нету дома мамки...

Щегерь соскочил с лошади, зашел в избу, закричал:

— Шилиха, вылезай из голбца!

Ну, делать было нечего. Вылезла.

— Сейчас же к барину!

И отвёл её к барину:

— Вот она спряталась, ваше превосходительство, не хотела мыть полы, а очередь её.

Барин приказал щегерю:

— Отведи её на задний двор!

А там уж знали, зачем. Положили её на скамью вниз лицом, намочили водой становину и дали ей двадцать пять розог. И опять отвели к барину.

— Ну, что, будешь ещё прятаться? Не хотела один день мыть, теперь ходи неделю.

И она ходила неделю и мыла полы.

Рабочие стали говорить моему дедушке:

— А ты что его не убил?

А дедушка только сказал:

— Его всё равно убьют.

И верно: его один кузнец, — Иваном его звали, — клещами убил. А было это вот как.

Заявился как-то начальник в кузнечный цех. А как он туда ни придёт, обязательно каждый раз отдубасит своей палкой этого кузнеца Ивана.

Вот, значит, наковалена дала знать: идёт начальник...

— Ну, держись, Иван! — сказали рабочие.

— Нет, братцы, сегодня я рассчитаюсь и за себя и за вас за всех.. Только не оставьте мою семью.

Сказал этак и сам стал к горну.

Вот входит начальник. А мой дедушка сзади идёт.

Дошёл начальник до Ивана и остановился. Что-то сказал. Не дождался ответа и ударил Ивана палкой по спине.

Иван выхватил из горна клещи и со всего размаху ударил Протасова по виску. И убил наповал.

Ивана арестовали, и больше никто его не видал. Рабочие тайком помогали семье Ивана и часто вспоминали его.

Записано 4 декабря 1939 года в гор. Златоусте от бывшего заводского рабочего, искалеченного во время «Златоустовской бойни» (март 1903 года), 67-летнего Евгения Петровича Шилова; он слышал это от своего деда, бывшего заводского мастера.

ЦАПЛЯ

На Сысертском на заводе

Цапля — ставилось клеймо:

Ноги тонки, нос толстенный.

Нам не все ли то равно.

Пушай ходит по болоту,

Да лягушечек глотат.

Только наша, братцы, цапля

Молодых ребят глохтит.

Как двенадцать лет мальчишке,

Он колодочки надел.

В синю пестрядь обрядился,

На шуровочку поспел.

Паленьговска плаха — охнешь,

А получечка легка.

Поту выпустишь полпуда,

Не получишь ни черта.

Этак года два проробил,
На урода стал похож.
Ясны глазки призатухли,
А работай, хошь не хошь.

Горько, горько нам, ребята,
Под железной цаплей жить.
И большим немного ходу,
Не умеют её сбыть.

Погоди, проклята птичка,
Подшибём тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим все мозги.

Ты, подгорна, ты, подгорна,
Кистени тяжёлые.
Научи избыть подлюгу,
Мы к тому готовые.

Мы пройдем Сысерть до краю,
Вплоть до царского столба.
Попетану стекла вставим,
Немогутку за бока.

Слышано П. П. Бажовым в детстве в Сысертском заводе. Видимо, по мотивам этой песни им написан сказ «Не та цапля».

Паленьговска плаха — метровое полено для пудлинговых печей, Пакли — лапы. Царский столб — памятник Александру II. Попетан — заводский надзиратель. Немогутка — прозвище управителя завода в Сысерти.

* * *

Как вечернею порою
У заводских ворот
Собирался весь народ,
Как на славный хоровод.
Ой, нет да, нет, ой ли, нет да!
Собирался весь народ.
Видит, мастер наш идёт,
С собой барина ведёт.
Ой ли да, ой ли да, да!

«Расходитесь-ко, ребята,
По казармам, по домам,
Всё равно рубля не дам!
Не пойдёте по домам,
По казармам по углам,
Я приказ тогда отдам.
Ой, отдам ли, я отдам!
Накладут вам по шеям».

Записал Ю. А. Самарин в гор. Алапаевске летом 1931 года от рабочего Ефрема Григорьевича Зяблина, 41 года. Песню эту пели рабочие в конце 1890 года (по книге Ю. М. Соколова «Русский фольклор», М., 1932, вып. IV, стр. 85).

КУЗНЕЦ И ЧОРТ

Как начнёт кузнец робить в кричне, наломает себе бока за четырнадцать часов, постоит у огня да вымажется весь в чёрную сажу, прямо на чорта похож станет.

Ну, а потом куда кузнецу деваться, куда пойдёшь, кроме как в кабак. А кто не пил? — тогда каждый пил.

Придёт кузнец в кабак, напьётся в долг пьяным да начнёт буяннить. Тут его кабатчик за шиворот да на улицу:

— Иди, грязный чорт! — а сам лишнюю полтину в книжку запишет.

Кузнец пойдёт домой. Наболеет у него на сердце, и почём зря кроет он приказчиков, хозяина, кабак, всех чертей, ну, одним словом, всех, кто тянет кровь из жил.

Много «побасок» про эту жизнь сложено. Говорить-то их нельзя было: неровён час, услышит гад какой и до приказчика доведёт. Вот тут-то и разбирайся!

Одну как будто припоминаю, может, только слово какое забыл.

Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака:

— Иди, чертяка страхалютный!..

Пошёл кузнец по улице, идёт и думает себе: «Хоть я не чорт, а со всем удовольствием согласен быть чортом и в аду жить. А вот пусть чорт на моём месте поживёт, узнает, как мы-то живём».

А чорт, — известно, чорт. О нём скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, думает: «Постой, друг, ты, видать, не знаешь моего житья, вот я поведу тебя в ад, будешь помнить».

Подходит чорт к кузнецу и говорит:

— Здорово, кузнец, я давно хотел тебя видеть.

— А ты кто такой? — спрашивает кузнец.

Чорт покрутил хвостиком, подмигнул глазком и говорит:

— Не узнаёшь, что ли? Ты ж со мной меняться хотел. Вот я сам чорт и есть.

Кузнецу что: чорт так чорт! Не любил кузнец словами долго распускаться и говорит:

— Давай меняться: я к тебе пойду, в ад то есть, а ты ко мне, в кричню. У тебя лучше.

Чорт говорит:

— Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так и говоришь.

Одно слово: чорт — своё и кузнец — своё.

Тут чорт за попереченство осерчал на кузнеца и поволок его в ад: показать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся.

Пришли в ад. Чорт повёл кузнеца по геенне огненной, показывает ему всё, а сам думает, что кузнец устрашится и назад вернётся. А кузнец идёт, ему хоть бы что, как дома себя чувствует. «Кому — ад, мне — рай», — говорит.

Ходили, ходили, чорт и спрашивает кузнеца:

— Ну, как: страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят...

Тут кузнец осерчал да и говорит чорту:

— Иди ты к своей матери, к чортовой, — значит, — не морочь мне голову. Пойдём, я тебе покажу ад! Дело верное, а то время тратим без толку.

Потащил чорта кузнец в кричню. Вот приходят. Идут по кричне, а в ней ночь черна от пыли да от сажки: сто горнов горят, четыреста молотов стучат.

Кузнец идёт впереди, а чорт позади. Тут начали сажать крицу и мастеру на лопате подавать. Искры посыпались из глаз, чорт уж и дышать не может.

Тут и случись беда: кузнеца увидал хозяин и закричал:

— Ты что, чорт, расхаживаешь без дела, морду побью!

А чорт испугался, спрашивает кузнеца:

— Что он тут делает? А?

— Морды всем бить хочет и тебе побьёт, — сказал кузнец, а сам хотел плянуть на чорта. Только это покосил через плечо глаза, чорт уже повернулся уходить.

Тут кузнец говорит чорту:

— Куда ты, чорт? Это ещё не всё: ты хоть погляди, как хозяин с нами расправляться будет. Научись, — говорит, — с грешниками в аду обращаться.

— Нет, — отвечает чорт. Крутнул хвостиком, и только его и видели.

Записано П. И. Алексеевым в 1936 году в гор. Берёзовске от рабочих Гаврилы Ивановича Берестнева, 61 года, и Петра Кожурина, 52 лет. Оба слышали сказку в Невьянске. Сказители передали, что будто бы при допросах арестованных рабочих им часто ставилось в вину рассказыванье в казармах этой сказки.

МОЛОТОБОЕЦ И ЧОРТ

В Билимбае на заводе робил тот человек, о ком буду речь вести. Посмотреть на него — немудрящий такой, а самолучший мастер был. Где только он не побывал: и около домны робил, и в кричне у молота стоял. Лучше его никто крицу не ухватит. И чудное дело — огневик был, а на лице у него пятнышка ни одного не было. Не иначе, с чортом знался. Так люди говорили.

Потом ушёл с завода, отпустили его. А человек он был в соку, неизробленный, и отпустили. Опять нечисто дело. И что бы вы думали! Золотишком занялся, местечко богатимое нашёл, а где, не сказывал. Вернулся, опять на работу пошёл. Домишко себе выстроил — хороший, в два верха. С женой жил ладно, хорошо жил. Сын у него был, кузнецом на заводе

робил. Здоровый такой, весёлый. В драках первый человек. Отца рабочие не любили, а за сына стояли: когда надо, и от начальства укроют. Сын полштофку или косушечку выпить не прочь, а отец — ни-ни, и в кабак не ходил. А чтобы когда чорта помянуть — это боже упаси! Чудной такой. Ему кто скажет: «Иди к чортовой матери», а он: «Рад бы пойти, да не примаёт она меня. Это женщина благородная».

Дело уже к старости стало. Определили старика к водосливному молоту. Стали люди примечать... В праздник закроешь колесо, а молот сам ходит. Известно, «он» за него робил. Оно так и вышло.

Старик в новом доме, который на золотишко выстроил, чертяку на стене намалёвал, как есть настоящий: рожки маленькие и копытца на ногах, хвостик... всё, как полагается. И каждый раз, как идти тому мастеру на работу, соберёт он струмент весь и не забудет — к чорту подойдёт, который на стене намалёван, поклонится, да молотом помашет. Так шло и шло.

Только жил старик и ослаб вовсе; зовёт сына и говорит ему:

— Видно, умирать мне времячко пришло. Так вот, сын мой любезный, много я тебе сказать — не скажу, одно только прошу. Как умру я, не забывай чорта-батюшку: перед тем как на работу идти, поклонись и молотом перед ним помахай. Без этого тебе в жизни никакой удачи не будет.

Сын видит, старик уж отходить стал. Хотел уважить старика, пообещал ему не забывать чорта.

Старик с тем и помер.

С той поры как идёт сын мастера-то на работу, возьмёт струмент, пройдёт мимо чертяки и молотом — раз его по роже. Так местечко-то на стенке и отбивалось раз за разом. Одним днём треснул он чертяку на стенке молотом, стена в том месте и провалилась — на месте патрета-то, из дыры чорт-то и вышел.

— Так и так, — говорит, — за что ты меня мукой мучаешь? Уважения не оказываешь? Я тебе за это удачи не дам. Будешь ты век горевать...

А мастер смеётся над чортом:

— Ничего ты, — говорит, — не можешь. Враки всё это.

Чорт ему своё, он — своё. Так и поспорили.

— Чем спорить, — говорит мастер, — сделай то, чего я сделать не умею, тогда поверю. Видишь, вон старуха с бадожком ковыляет; сделай так, чтобы она как молоденькая побежала.

Чорт сейчас готов. Давай траву собирать, варево варить, старуху поить и так дале...

Старуха выпила да руками как схлопает, бадожок в сторону швырнула и побежала. Чорт радуется:

— Ну, что: веришь теперь, что я всё могу?

Мастер головой покачал:

— Это она от варева твоего побегла. И я такое сотворить могу. Напою тебя, и ты побежишь. А ты вот сделай так, чтобы наш кабатчик ко мне кланяться пришёл да кусок хлеба просить стал.

Чорт не дослушал и побежал. Утречком, только вышел мастер на улицу, а ему говорят, что кабатчик совсем за нищал:

— Всё как есть у него пропало добро-то. Обчистили хозяина. У него в кабаке драка завелась, мура такая завари-лась, что не приведи господь! Пока он туды-сюды бегал да начальство созывал, его так почистили, что только стены голые остались. Всё унесли. А кто сделал, неведомо, не до-знались.

Рассмеялся мастер и говорит чорту:

— Ты мне голову не дури. Драться и я мастер не последний, а обчистить такую подлюку много охотников. Такое чудо и я сделать могу, и без тебя, чертяки. Вот ты нашего хозяина, заводчика, значит, билимбаевского, человеком сделай. Вот тогда поверю.

Поскучнел чорт, заскулил, побежал. Долго это возле хозяйского дома крутился, все чертячьи фокусы пробовал, — не вышло. Вернулся к мастеру, хвостик опустил.

— Нет, — говорит, — что хочешь сделаю, а хозяина вашего человеком сделать не могу.

*Этот сказ получен по почте 14 июня 1936 го-
да в Свердловское издательство с припиской:
«Прочитал в «Уральском рабочем» о сказке про
кузнеца и чорта и присылаю другую сказку то-
же про чорта, которую слышал от своего деда.
Я. И. Журавлёв, бывший рабочий Надеждин-
ского завода, а теперь пенсионер».*

ЧОРТ И КУЗНЕЦ

Чорт много раз видал, как рабочие идут на завод и на чём свет ругают свою заводскую работу.

— У нас в заводе нисколько не лучше, чем у чертей в аду...

Чорт всё не верил, что заводская работа не лучше чертячей. Наконец, решил сам проверить. Как-то пришёл к старшему заводскому кузнецу и давай у него проситься, чтобы принял на завод.

— Куда тебе, чорту, на завод!

— Всё сделаю, только окажи милость, пусти поработать, — начал упрашивать кузнеца чорт. А кузнец всё не соглашается. Наконец, сжалился над чортом, принял его на работу и срок назначил.

Сначала давал ему такой урок, чтобы чорт смог выполнить, к делу бы приобык. Смотрит кузнец, чорт по отдельности всякую работу выполняет. И чорт радуется, что ничего особенного в заводской работе нет, — он всё может выполнить.

Вот приходит срок работе чорта, а кузнец «настоящую» работу ему ещё и не показал.

В последний день кузнец и говорит чорту:

— Ну, теперь ты мне так делай, как наши заводские делают: дуй, бей, сыпь углей, беги за водкой, кузницу мети...

И тут такое ещё загнул...

Как чорт услышал это, растерялся и не знает, с чего начать. Видит, что ему с такой работой не управиться, да и бежать из завода-то!

Кузнец увидал и закричал:

— Стой! Стой! Куда ты, чорт?

А чорт удирает и про себя бормочет:

— Да что они дурака-то валяют, будто их работа не лучше нашей, — да в тыщу раз хуже...

И с тех пор не стал удивляться, что рабочие так клянут свою работу на заводе.

Записано 27 сентября 1936 года в гор. Белорецке, Башкирской АССР, от заводского бухгалтера Владимира Фёдоровича Полина, под 50 лет.

* * *

Спородила мамонька
Во чистом во полюшке,
Наделила мамонька
Самой худой долюшкой,
Самой худой долюшкой,
Да курённою работушкой.
Провожала меня мать

До куста ракитова.
Не видать мне мамоньку
До поста великого.
«Где ты, дочка, пропадала?»
«В курене работала;
Работала лето, зимушку,
Надсадила спинушку».

Записано 27 июня 1951 года в гор. Свердловске от 77-летней уроженки Михайловского завода, Свердловской области, Клавдии Степановны Копысовой. Песня заучена ею на родине в детстве.

* * *
Пропьём сестру,
Прогуляем брата,
Мы на то надеемся,
Что баушка богата.
То ли женит нас,

То ли денег даст.
Не женила, не дала,
На работу послала.
На каку такую работу?
На курённые дрова.

Записано в гор. Шадринске в 1936 году со слов бывшей учительницы начальной школы Татьяны Анатольевны Бирюковой. Песню она слышала в селе Антоновском, Зайковского района, Свердловской области, а потом слышала её и в гор. Шадринске.

* * *
Кондрат, Кондрат,
Мы к тебе идём.
Мы к тебе идём,
Все рубли несём,
Все копейки...
От тебя идём,

Как быки орём,
Как коровушки.
Мы домой придём,
Жене бок набьём...
И бока набьём
И по головушке.

Песня составлена в гор. Нижнем Тагиле стариком-рабочим Дмитрием Пылаевым, по прозвищу Черемшанкой, по адресу шинкаря Мартюшева, спившего и обездолившего не одну сотню заводских рабочих до революции («Уральский рабочий», 24 февраля 1935, «Рождение уральского эпоса»).

* * *
Прикатил начальник
В тагильскую пивную.
Эх, и выпил он,
Выпил четвертную.
А потом обходом
Пошёл по заводу.
Эх, и выпить бы

Ещё четвертную!
За лоскут железа
Дадут по закону,
А кто с целым возом,
Того пропускает.
Эх, и выпьет он
Ещё четвертную!

Эта песня получена редакцией «Уральского рабочего», как отклик на статью Е. М. Блиновой об уральском фольклоре от 4 марта 1936 года. Данная песня является сокращённым вариантом сатирической «Песни дозорных», сочинённой крепостным поэтом Василием Кировичем Смольниковым в 1860 году. Вот текст этой «Песни дозорных»:

Ехал наш начальник
На лошадке чалой
В слякоть во такую

В лавочку пивную.
Ехал не в долгуше,
Как велел Карлуша,

Ехал он на дрожках.
Дрожки хоть немножко
Плоховаты были,
Всё ж они служили
Признаком отличья
Для его величья.
Сказал он в конторе:
«Если спросит вскоре
Меня управитель,
«У судьи»,— скажите;
У него же, кстати,
Дело об утрате
Будет, может статься,
Скоро разбираться».
Приехал он в пивную,
Спросил четвертную.
Осушили пиво.
Начал он пытливо
В памяти копать,
Нет ли, может статься,
Кого из служащих,
Хоть самых лядящих,
Иль из дозорных,
Нет, так из амбарных,
К кому бы было можно
Съездить неотложно
Хоть на именины,
Или на крестины.
Даже и к годинам
Или же к родинам
Можно привязаться,
Только б нализаться.
Подумав немного,
Крикнул он вдруг строго
Кучеру своему.
«Поезжай до дому
Кузнечного уставщика.
Он волею трактирщика
Получил награду,
Так его мне надо

Повидать сегодня».
Просидевши с полдня
В доме том до ночи,
Сделавшись, как мощи,
Наш начальник скоро
Отведён в контору.
Облившись водою,
Взяв фонарь с собою,
Пошёл он обходом
По всему заводу.
Увидал кого-то
Шедшим из завода
С лоскутом железа.
Он его теперь же
Отправил в правление
Впредь до разрешения
Дела по закону.
Сам пошёл до дому.
Подходя к воротам,
Встретил с целым возом
Сходного железа.
Увидав, что к возу
Лезет караульный
И кричит он сильно,
Просит накладную
Показать, какую
Возчик тот имеет.
Возчик не робеет,
К начальству подходит
И его отводит
Несколько в сторонку
И ему тихонько
Что-то молвил скоро.
«Пропустить! — без страха
Крикнул наш начальник.
И, отдав фонарик
В руки обходному,
Поехал до дому.
Ура! (три раза) Многая лета!
(три раза).

В обнаруженном подлиннике, писанном рукой автора, песня озаглавлена:

«Бесплатное приложение к «Тагильскому вестнику» (Песня дозорных, обходных и караульщиков).

На голос песни: «Залетная пташечка по полю летала».

(Посвящается И. Ф. Б.)»

Во всём этом есть ряд мест, достойных внимания. С одной стороны, мы узнаём имя автора, творчество которого потом фольклоризировалось, а с другой,— упоминание о каком-то «Тагильском вестнике». Известно, что в 1861 и 1862 гг. издавался рукописный журнал «Шадринский вестник» (издатель, редактор и автор — выдающийся русский математик И. М. Первушин)¹. В те же годы в селе Реутовском, под гор. Камышловом, выпускался «Камышловский вестник». Возможно, такие «вестники» были и в других городах, как тот же Тагил; к сожалению, до нас полностью дошёл только «Шадринский вестник», теперь хранимый в Свердловском областном государственном архиве.

СОКОВЕЕВ

У нас в Златоусте одна гора зовётся Косотур. В старину там лес был прямо непроходимый. Мой дедушка рассказывал, как на Косотуре скрывался один бежавший арестант, по прозвищу Соковеев. Это было в крепостное время. Соковеев был крепостным заводским рабочим.

Он не трогал бедноту, а богачам и чиновникам не давал пощады. Сколько полиция ни старалась, не могла его поймать. Никак не могла и застрелить.

Вот однажды пошла на этот Косотур одна старушка собирать грибы. Собирает, а Соковеев вышел и спрашивает:

— Грибы собираешь, бабушка?

— Собираю, батюшка.

— А не боишься Соковеева?

— И-и, родимый, да что он мне сделает? Он нас не обижает. А кого обижает, так им так и надо.

— А ты, бабуся, видела когда Соковеева?

— Нет, не видела, не знаю...

— А вот если бы он тебя сейчас встретил, да попросил бы принести ему чего-нибудь поесть, что бы ты сказала?

— Принесла бы, непременно принесла бы.

— Ну, так вот, бабуся, ты приди вот к этому пеньку, принеси и положи. Да захвати посудинку: тут будут тебе грибы и ягоды.

— Ладно, батюшка.

— Ну, смотри!

И Соковеев исчез.

На другой день старушка никому ничего не сказала и пошла опять на Косотур, принесла хлеба, яиц, молока. У пенька были грибы и ягоды. Но Соковеев не показывался.

Когда она всё сложила и пошла, услышала свист. Она остановилась. Из кустов вышел тот же человек, подошёл, посмотрел и говорит:

¹ Подробности о журнале и его издателе — в статье К. Рождественской «Рукописный журнал математика Первушина» в альманахе «Уральский современник», № 6, Свердловск, 1942, стр. 140—177.

— Ну, спасибо, бабуся. Ходи сюда за ягодами, но не говори, что ты видела Соковеева.

И опять скрылся в кусты.

Полиция пронюхала, что он появляется у одной вдовы, но поймать его никак не могла. Стреляли, но его и пуля не брала.

Записано 4 декабря 1939 года в гор. Златоусте со слов бывшего заводского рабочего 67-летнего Евгения Петровича Шилова, он слышал это от своего деда, заводского мастера.

* * *

Кто у нас в Тагиле
На славушке живёт?
Кто у нас по улице
Моднёшенько пройдёт?
Шёл да прошёл
Разудалый молодец,
Свет Иван Степанович.
По двору ходит —
Двор веселит;
Ко крыльцу подходит —
Крыльцо зыбнется,
Зыбнется, восколыбнется.
По сеничкам ходит —
Бояр́а встают.
Бояр́а встают,
Ему честь воздают,
Честь воздают,
Низко кланяются,
Величают его:
«Уж ты, свет Иван Степа-
нович,
Где, душа, был,

Где, наде́жа, спобывал?»
«Был я у тестя
У ласкового,
Был я у тёщи
Приветливой,
Был я у шурина —
Ясна соколá,
Был я у своячин —
Белых лебёдушек».
«Чем тебя, душечка,
Тесть-от дарил?»
«Меня тесть-от дарил
Тремя городами,
Тёща дарила
Житьём да бытьем,
Шурин-то дарил
Черкасским седлом.
Сваячина дарила
Шитым браным пологом.
А ты, моя милая,
Ласковым словом,
Ласковым да приветливым».

Воспроизведено по записи учительницы Выйской школы в гор. Нижнем Тагиле С. И. Дичковой, сделанной в середине 1920 г.; запись хранится в архиве Тагильского краеведческого музея.

ЧАСТУШКИ

Собрана котомочка
На лавочке лежит:
«Собирайся, добрый молодец,
В курень дрова рубить».

(гор. Алапаевск)

Не поеду боле сроду
Я в курень дрова рубить:
Дома лёгкая работа —
По вечерочкам ходить.
(гор. Алапаевск)

Купи, тятенька, калоши
Номера десятого...
Хуже нету той работы —
Куреня проклятого.
(Средний Урал)

В дровосеке робили,
По фартуку заробили.
По фартуку по синему,
По милому красивому.
(гор. Ревда)

В Златоусте-городе
Возят девок в коробе,
А вот нас, кусьяночек,
Возят всё на саночках.
(гор. Златоуст)

Понедельник — лёгкий день:
Кто на рудник, кто в курень,
Кто на лёгкую работу —
Во прикащиках сидеть.
(Каменский район)

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

С л о в а р и к

1. Общая терминология

Б р у с я н с к и й к а м е н ь — Тальковый сланец, добываемый около села Брусяны (между гг. Свердловском и Каменском). «Он по огнеупорности своей и по мягкости, позволяющей придавать ему желаемую форму, употребляется на выкладку внутренности плавильных печей и развозится отсюда далеко на расстояние под названием брусянского камня» (Н. Чупин, Географический и статистический словарь Пермской губернии, Пермь, 1873, стр. 224).

Г л а в н ы й р а с ч ё т ч и к. Главный кассир завода.

Ж е л ё з к о м п о б р я к и в а т ь. Вообще вырабатывать на заводе железо. «Ну, в Северной тоже железком побрякивали» (П. П. Бажов. Две ящерки).

Ж ж е н о п я т и к и. Клички рабочих-металлургов, которые в старое время, в виду плохой охраны труда, постоянно обжигали себе ноги. «Отражались иногда и разногласия производственного порядка, хотя бы в

обидных кличках: жженопятики (фабричные), кроты и пескомой (горнорабочие и старатели), лесовики (углежоги) и «несчастный подряд» (возчики)...» (П. П. Бажов, У старого рудника, гл. 4).

К а р а ў ш к а. Заводская караулка, караульное помещение при заводе.

О б у ш н и к и. Прозвище жителей гор. Верхнейвинска, возникшее после того, как один из местных «мастеровых» (заводских рабочих) Пузанов в начале XIX столетия обухом топора убил заводского управителя Зотова, родственника «известного» управляющего Верх-Исетскими заводами. Причина убийства — крайне жестокое обращение Зотова с рабочими, которых он бил кишкой, набитой песком.

О г н е п о с т о я н н ы й. Огнестойкий, огнеупорный. «Также в заводском деле другая новость замечена мною на Сусане: жесткий серпентин начали употреблять в строение горнов, вместо огнестоянного камня» (П. А. Словцов, Письма из Сибири, «Московский телеграф», 1830, III, стр. 307).

П е р е ж о г. Излишний расход топлива при заводском действии.

П е ч н о й. Рабочий у заводских печей, заводский кочегар.

П л á в е н ь. Измельчённая горная порода, добавляемая к руде и вообще в плавильную печь, чтобы облегчить плавку. «На то не надейтесь, что хитрость с медью показали. Теперь лучше плавень знаем» (П. П. Бажов, Две ящерки).

Р а с х о д ч и к. Кассир на заводе «Даже официальное лицо — «собака-расходчик», как его звали рабочие, при месячной выплате кричал: «Эй, Протча, огребай бабки!» (П. П. Бажов, У старого рудника).

Т а г и л ь с к и й м а с т е р к ó. Значение из выдержки: «Тагильского мастера вы узнаете из тысячи, это совершенно особенный тип, выработавшийся на бойком промысловом месте. Одним словом — настоящая рабочая гвардия — народ всё рослый, здоровый... Вы их встретите и невольно залюбуетесь. Других таких молодцов не найти. Лица смыслённые, движения уверенные» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Платина. «Северный вестник», 1891, № 10).

У с т а в щ и к. В старину главный мастер на металлургическом заводе.

Ф а б р и к а. Огнедействующие цехи старого металлургического завода; тогда же — отдельный цех этого завода. «Которые в медной горе робили, шибко ровно худые были, а сила у них в руках и ногах большая. Фабричным супротив их неохота неустойку оказать. А тоже у них, у фабричных-то, силка была». (П. П. Бажов, Марков камень).

Ч у г у н щ и к. Одна из специальностей на металлургическом заводе в Златоусте. «С нагребки его перебросили к горну, в качестве чугунищика и насекальщика» (газ. «Сталинец». Златоуст, 7 ноября 1932).

Ш у р о в щ и к. Тот, кто шурует печь на заводе, кочегар.

2. Доменное производство

Б а к л у ш а. Короткое, расколотое пополам (то есть полуцилиндрическое) полено с просверленной посредине дырой для вставки в неё длинного металлического стержня — рукоятки, чтобы удалять (сгребать) шлак с поверхности расплавленного металла.

Г о в ó р н а я т р у б к а. Трубка для разговора на известном удалении друг от друга разговаривающих.

Ж а р к и й х о д д о м н ы. Работа доменной печи при особенно высоко развитой в ней температуре.

З а д у т ь д о м н у. Разогреть домну, начав её действие.

З а д ё м к а. Первоначальный запуск домны в действие.

Заморозить печь. Допустить остывание плавки в домне, то же, что и «посадить козла». «Ну, вот, так и уверились в него, а он тогда исхитрился да и посадил козлов сразу в две печи. Да так, слышь-ко, ловко заморозил, что крепче нельзя» (П. П. Бажов, Две ящерицы).

Ковш. Котлообразная металлическая посуда, выстланная огнеупорным материалом, для приёма из домны расплавленного чугуна, чтобы затем разлить его по изложницам. «Отворили отдушину. Рабочий ломом пробил загустевшую в отдушине массу металла. В сарае было темно, но как только в отверстии показалось огненное жало расплавленной массы, всё кругом осветилось им. Густая струя жидкого металла, жёлтая, слепящая глаза, полилась в котёл, или ковш, как его называют здесь (в Чёрмозе), разбрасывая при падении тысячи огненных брызг, от быстрого вращения принимавших форму звезды» (В. И. Немирович-Данченко, Река лесных пустынь, «Исторический вестник», 1882, декабрь, стр. 536).

Коробщик. Рабочий, доставлявший в коробьях на колошник домны материал для колош.

Люлька. Клеть для подъёма ча колошник сырых материалов.

Навеска. Отмеривание путём взвешивания порций руды и флюсов, идущих в колошу.

Настыль. Накипь на стенках доменной печи.

Проплавочный журнал. Журнал для записи хода плавки металла в домне.

Светоносчик. Тот, кто ходит и светит. «...я на работе в доменном цехе всего 56 лет. Спервоначалу был светоносчиком: щепал лучину, светил; горновой пойдёт за фурмами — ему под ноги светил» (Нижний Тагил, 5 ноября 1947, со слов Семёна Семёновича Дружинина, род. в 1877 г.).

Сок. Доменный шлак.

Холостая колоша. Порция засыпаемой в домну плавильной смеси, но без какой-либо важной составной её части.

3. Кричное производство

Варить кричонку. Обработать крицу, чтобы получить из неё железо.

Жук. Несовершенный кричный шлак обыкновенного чугуна бурого цвета, содержащий вместе с землянистыми частями и металлические.

Крица. Сплавленная из чугуна масса, которая обжимается и рубится на куски под молотом, из коих и тянется различных сортов железо. Рыхлая, губчатая, пропитанная шлаком, так называемым «кричным соком», железная масса, из которой посредством разных обработок получалось кричное железо или сталь. На уральских заводах кричное производство просуществовало до начала XX столетия.

Крична. Кричный цех металлургического завода; переносно — рабочие этого цеха. «Гора, конечно, в обиде, что крична большинство берёт» (П. П. Бажов, Марков камень).

Кричный мастер. «Этим словом не только определялась профессия, но и атлетическое сложение и большая физическая сила. Кричный подмастерье был всегда синонимом молодого, сильного человека, которого ставили к опытному, но уже старому мастеру, потерявшему силу» (П. П. Бажов, Малахитовая шкатулка, Свердловск, 1949, стр. 446—447).

Самосадка. Крица, преждевременно севшая на дно горна, не отделённая совершенно от землянистых и других посторонних частей.

Сокол. Орудие, обыкновенно чугунное, употребляемое для разбития клиньев.

4. Пудлинговое производство

Паленьгóвый. Пудлинговый, относящийся к пудлинговому производству. «Я не раз бывал в Каслях, робил там на заводе, клал паленьговые печи» (село Юго-Конёвское, Багарякского района, 24 октября 1932, старик за 70 лет).

Паленьгóвская плаха. Полено длиной несколько больше метра, заготавливавшееся для пудлинговых печей.

Паленьговска плаха — охнешь,
А получечка легка,
Поту выпустишь полпуда,
Не получишь ни черта...

(Сысерть, 1880 г.)

Рабочее окно. Отверстие, ведущее в пудлинговую печь.

Сварочная печь. Заводская печь для накаливания кусков разрезанного пудлингового железа, которые прокатываются для получения однородности продукта.

5. Мартеновское производство

Гнездо. Часть мартеновской печи, куда вставляется шестигранная проводка.

Канав а. Жолоб с отвесными стенками, по которому движется ковш с расплавленным металлом.

Канавный рабочий. Рабочий, обслуживающий канаву.

Мартын. На языке старых рабочих — мартеновская печь.

Остывка. Остывание отлитого из металла изделия. «...опока, объятая облаком голубого пламени, лебёдушкой поплыла на другой конец цеха, на остывку». (Вл. Гравишкис, В стахановском пролёте, «Челябинский рабочий», 9 августа 1948).

Самозакалка. Особый сорт углеродистой стали с примесью вольфрамита, выпускаемый сталелитейным цехом инструментального завода; сталь эта обладает свойством закаливаться сама на воздухе; называется она также быстрорежущей (Златоуст, 1926).

6. Ваграночное производство

Ваграночный подмастерье. Старший рабочий при вагранке.

Варганка. То же, что и вагранка.

Лётка. Отверстие, через которое выпускается из вагранки расплавленный металл.

Ложка. Железный ковш для переноски расплавленного чугуна на Каслинском заводе до переоборудования его в советское время. «Вагранки находились в самом конце литейного цеха. Заливальщики, таская за собой насаженный на длинную ручку железный ковш — «ложку», подходили к вагранке и, наполнив ковш жидким расплавленным чугуном, быстрым шагом, почти бегом, пробирались по цеху между полков и опок, мимо куч песка и готовых отлитых горшков» (М. Е. Репин. Касли. Челябингиз, 1937, стр. 178).

7. Прокат

Волосóвина. Один из видов брака прокатанного металла, когда в прокатку попадает не сплошной металл, а с пустотой или надрывом. После прокатки получается нечто вроде трещины, но с очень тонким, как волос, промежутком.

Кабинка. Огороженное мелкой сеткой пространство с дверьми и потолком; по стенкам все время льется вода, а в потолке действует сильный вентилятор — то и другое для охлаждения перегревшихся рабочих-прокатчиков (Верх-Исетский завод).

Листокатальный. Относящийся к прокатке (раскатке) листов железа; листокатальный цех на металлургическом заводе.

Оттаскивальщик. Рабочий-металлопрокатчик, оттаскивающий или отодвигающий прокатанный металл.

Подмусоривание. Значение из выдержки: «Показывая свой цех, он говорил о прокате, как о большом старинном искусстве: «Раньше кровельный-то лист катали, бывало, «подмусориваньем» — между листами насыпали горячую древесину, угольную пыль, — и получался хороший глянцевый лист, долговечное железо» (Мариэтта Шагинян, Урал в обороне, М., 1944, стр. 90).

Рвотина. Разрыв. Рваное место в листе кровельного железа при его прокатке.

Ручей. Пространство, по которому движется прокатываемый или вообще обрабатываемый на станах металл.

Сортокатальная. Цех металлургического завода для прокатки листового железа.

Черновой стан. Устройство с вращающимся валком для прокатки металла.

СТАРАТЕЛИ

Русские люди, отыскивая руды, натолкнулись в некоторых местах Урала и на камни-самоцветы. О первой известной нам находке камней-самоцветов известно в отношении окрестностей Мурзинской слободы, в современном Петрокаменском районе, Свердловской области. Здесь в 1668 году рудознатец Д. Д. Тумашёв нашёл топазы и рубины. Потом самоцветы были найдены и в других местах Урала.

В XVIII столетии зарегистрированы первые заявки на открытие золота на Урале. Так, в 1734 году о наличии золота в окрестностях Миасского завода было сообщено Главному управлению Уральских горных заводов молотовыми мастерами Лопатниковыми. Затем в 1745 году кержак Ерофей Марков, шарташский житель, нашёл золото у Берёзовского завода.

Постепенно золото стали находить в разных местах Урала.

До 1901 года рассыпное золото добывалось самым примитивным способом, пока, наконец, на Косье не были собраны первые в России драги, которые теперь применяются всеми государственными предприятиями. Имя механика, собравшего первые в России драги, — Николай Власович Сибиряков; он и по сие время здравствует и живёт в гор. Нижнем Тагиле. От него мы записали ряд интересных рассказов о прошлом Урала.

Каково было положение людей, работавших на добыче золота, рассказывают многочисленные песни и сказы, пословицы и поговорки, приведённые в нашей книге.

О былой золотой промышленности на Урале и о современном её состоянии рассказывает интересный сборник «Золото», изданный Свердловским областным издательством в 1946 году в связи с 200-летием открытия в России первого золота Ерофеем Марковым.

Мы «по собственной охоте»
 Были в каторжной работе
 В северной тайге.
 Там пески мы промывали,
 Людям золото искали,
 Себе не нашли.
 Приисковые порядки
 Для одних хозяев сладки,
 А для нас — беда!
 Как исправник с ревизором
 По тайге пойдут с дозором,
 Ну, смотри тогда!
 Один спьяну, другой сдуру
 Так отлупят тебе шкуру,
 Что только держись!
 Щи хлебали с тухлым мясом,
 Запивали жидким квасом,
 Мутною водой.
 А бывало, хлеба корка
 Станет в горле, как распорка,
 Ничем не пропихнёшь!
 Много денег нам сулили,
 Только мало получили, —
 Вычет одолел!
 Выпьем с горя на остатки,
 Поберём мы все задатки
 И опять в тайгу!

Впервые опубликована в «Календаре и справочной книжке Пермской губернии» в 1907 году под заглавием «Песня, распеваемая на золотых приисках», часть неофициальная, стр. 157.

ЗОЛОТО МЫТЬ — ГОЛОДОМ БЫТЬ

Поговорка сказана не даром: когда есть золото, а когда и нет его. Бывало и нередко, дома свои продавали, — всё никак не найдут золота. Раньше кооперации не было, так старателей поддерживали богатые торговые. Их много было. Давали сот до трёх, до четырёх. Ну, конечно, обдирали. Такие товары, как табак, чай, сахар, — цены были всем известны, а там ма-нуфактура или другое что, кто его знает, почём оно было, — тут они и наживались.

Бывало, человек ходит, ищет золото месяц, два, три и больше. По году другой ходит, а ничего не найдёт. Дойдёт до того, что всё с себя продаст и даже дом.

У меня был вот какой случай. Здесь на Нагорной площади начали мы вертеть дудочки. Семнадцать дудочек сделали. Сильно прожились. Мать слезами плачет:

— Пошли бы на хозяйские работы...

А отец, как старатель, боялся хозяйских работ:

— Нет, мы ещё пробьём дудочку около Пышмы...

Раньше с великого четверга все работы уж бросали.

— Нынче не будем говеть, будем работать. Давайте, ребята, здесь начинайте...

Часам к двенадцати почти мы дошли до «песков». В среду утром пробу мыть. Встаём рано, чтобы что-нибудь заработать.

В первом часу пришли домой, а в четыре часа соскочили пробу мыть. У меня тогда младший брат был, — погиб потом в Китае в девятисотом или девятьсот первом году. Так мы с ним.

Отец говорит:

— Ну-ко, давай я промою.

Я наложил в ковш песку и высылаю кверху. Сам сижу. Закурил.

В то время таяло, везде была вода. Ну, известно, где лывка, там и промывка. Пока я курил, отец уж в то время промыл. Кричит.

— Алексейко, смотри-ко, золота-то сколько!

Он болтнул, а золота — желто. Я еще копнул, а вскоре пошла коренная порода. Песков набрали только один возпалубок. Первый воз повёз на промывку. В день собрали песков только четыре палубка.

Конечно, можно было тут нажиться, ну, а отец был совестливый — ничего не утаил. Когда пришёл баночник, отец стал проравнивать, чтобы сполоснуть отнosity. Смотрим, золота там желто. Иные золотины, как тараканы, даже больше. С четырёх палубков намыли семьдесят два золотника.

Мать со слезами встречает, думает, олять ни с чем. А отец ей:

— Ну, мать, говори «слава богу»...

Записано 12 июня 1936 года в гор. Берёзовске, Свердловской области, со слов 62-летнего старателя Алексея Фёдоровича Цибина.

Пески — вообще рассыпная порода, содержащая золото или платину.

* * *

Располным полна коробушка
Золочёного песка.

А как вспомнишь про зазнобушку,
Так сгрызёт тебя тоска.

С ночи выйдешь в гору дальнюю,
Проработаешь весь день,
А домой пойдёшь печальный
И голодный, словно тень.
Хоть полна моя коробочка,
Да ведь пломбочка крепка.
Нехватишь для зазнобушки
Золочёного песка.
Только как придёшь с работушки,
Вмиг ко сдатчику спешишь.
Сразу сдашь ему коробочку
И один домой спешишь.
Без копейки горе мыкаешь,
Нет наживы никакой,
За старательску работушку
Наживался окружной.
Я ведь силы клал немалые,
Как песочек добывал.
А потом все эти денежки
Наш хозяин пропивал.
Хоть полна моя коробушка,
А мне пользы ни гроша.
Будет век ходить зазнобушка
Без узорного платка.
Сам я буду век старателем,
Мне нехватит на винцо,
Станет век ласкать зазнобушка
Моё грустное лицо.

Запись Ю. А. Самарина со слов старика-старателя в деревне Синячиха, около Алапаевска, летом 1931 года (Ю. М. Соколов, «Русский фольклор», вып. 1932 г., стр. 85).

ЦАРСКИЕ ДЕНЬГИ

Когда я служил, мне часто приходилось бывать в Миассе. Там на мельнице конюхом работал старик — дедушко Пахом. Ох, и занятный был старикан: говорун такой, знал много всяких историй и хорошо так рассказывал. Всё больше из жизни на золотых приисках, — дедушко Пахом прежде-то там долго работал. Я любил его слушать. Когда куплю косушку, сам выпью разве что с напёрсток, а остальное Пахому. Как он подвыпьет, тут не переслушаешь.

Рассказывал, например, про приисковых парней. Как если, бывало, попадёт им богатое золото, денег получают кучу, не знают, куда деть и ни во что ценят их. Возьмёт один, например, четвертную и подаёт другому, говорит:

— Дери!

Тот отдирает от кредитки полоску. А на кредитке-то царь Николай...

— Сейчас царю нос деру, а потом царём... подотрём...

Это ведь не просто так, из озорства. Стало быть, верили, что будет время, когда царя сбросят.

Скажу по правде я сначала-то не верил, чтобы так деньги рвали. Потом вспомнил, как в Четкариной на мельницу ездил один мужичок. Тоже прежде-то на приисках работал. Другой такой же, бывало, спросит у него:

— А помнишь, как на приисках четвертные да пятидесятки рвали на ленточки да цыгарки из них делали?

— Помню; как не помнить...

Мне в то время было лет так сорок, как я слышал этот разговор в Четкариной.

Записано 1 сентября 1950 года от уроженца села Колчедан, Каменского района, бывшего паровозного машиниста, а потом мастера мукомольного производства Георгия Георгиевича Шаброва (1874 г.), живущего в гор. Свердловске.

ЛОЖКИ

Тут стоят-то ложки да зелёные;

Что никто по ложкám да не проходит.

Что никто по ложкám да не проходит.

Старатели шли-ко, прошли-ко старатели,

Старатели да далёкие,

Старатели да далёкие.

Да нашли-ко, нашли-ко старатели

Местечко да богатимое,

Местечко да богатимое.

Пришли за ними кавалерушки,

Пришли за ними да разбаские,

Кудреватенькие да разбаские.

Долго ль, коротко ль они робили.

Долго ль, коротко ль они робили,

Со девчонками распрощались.

Со девчонками распрощались,

Одну-то девчонку прослезили.

Во слезах-то девчонка говорила:

«Уж как вам-то, девчонки, да тёмна ночка,

Уж как вам-то, девчонки, да тёмна ночка,

Уж как мне-то молодой, бел денёчек,

Уж как мне-то молодой, бел денёчек,

Всю я ноченьку да не сыпала,

Всю я ноченьку да не сыпала —
У тесовой-то кровати простояла.
У тесовой-то кровати простояла,
Колыбелюшку прокачала.
Колыбелюшку прокачала,
Всё детёныша да утешала:
«Уж ты спи-ко, усни, да мой детёныш.
Уж ты спи-ко, усни, да мой детёныш,
Уж ты, миленький мой, да найдёныш.
Уж ты, миленький мой, да найдёныш —
На вечёрочках да на весёлых,
На вечёрочках да на весёлых,
Под кустиком да под зелёным,
Под кустиком да под зелёным.
Подрастёшь ты большим да несчастным,
Подрастёшь ты большим да несчастным.
Что пойдёшь ты искать да свою долю,
Что пойдёшь ты искать да свою долю,
Что наплачешься да, бедный, вволю.
Уж ты станешь разбойником да вором,
Уж ты станешь разбойником да вором,
Что головушку сложишь в неволе».

Записано в декабре 1935 года в гор. Берёзовске, Свердловской области, от старателей братьев Кожуриных — Алексея, 58 лет, и Петра, 49 лет.

ИЗ-ЗА ЗОЛОТА В ПЕТЛЮ

Я помню, когда был ещё маленьким, в Берёзовске жил Пантуев. Так он выбирал золотины столь велики, как курины яйца. Раньше золото было дешёвое, его тащили, продавали, скупщиков было много.

Раз Пантуев на Успенской горе набрал золота полное ведро. В нём всё-таки фунтов тридцать было, — золотины не сплошные, а с рудой. Набрал он и принёс. У нас тут кулачок один был, Погадаев. Тот увидал, что золота много и денег за него много надо дать, взял, поставил графин водки и говорит:

— Давай пей, а я пока не при деньгах, так съезжу, займу тем временем.

А Пантуев был любитель выпить и давай пить. Напился и свалился. Погадаев приехал, вытолкнул Пантуева за ворота, а в карман сунул ему трёшку на похмелье.

Когда Пантуев проснулся да вспомнил, какое у него золото было, прямо сдурел. Взял верёвку и повесился. Его баба увидала и давай не своим голосом кричать. Кричит, а толком понять не можно. Только когда увидали, поняли. Ну, всё-таки

рано захватили. Я его из петли вынимал, верёвку пересёк топором.

Ну, потом Пантуев ходил к Погадаеву, просил, да тот ему одно отвечает:

— Ты сам, Иван Егорыч, виноват. Я тебе полный расчёт выдал. Ты пьян был, деньги потерял, значит.

Записано 12 июня 1936 года в гор. Берёзовске, Свердловской области, со слов 62-летнего старателя Алексея Фёдоровича Цибина.

ПРИИСКОВЫЕ ЧАСТУШКИ

Мои ноженьки дрожат,
У станочков не стоят,
Мои рученьки устали,

Промывать пески не стали,
Нас хозяин покори́л,
На работе проморил.

(Андреевский прииск около гор. Миасса)

Ох, ты, милушка баска,
Не ходи на прииска,
Там тяжёлая работушка,
Немытые песка.

Там немытые песка,
Да одолит тебя тоска,
Одолит тебя тоска,
С тоски не будешь ты баска.

(Средний Урал)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Золото на ломоть сыпалось. Воспоминание о тех временах, когда в каком-либо месте только что было открыто золото и добыча его была богатой (Надеждинск, теперь гор. Серов, Свердловской области).

Я каждый день на сто рублей выхожу. Поговорка берёзовских старателей, надеявшихся каждый день натолкнуться на богатое золото,— по поговорке: «Қолотись, бейся, а всё надейся».

Золото потерял — пески пересматривает. В шутку о старателях (Полевской завод).

Где лывка — там и промывка. То есть где только есть лужа воды, как старатель сейчас же пробует промыть «пески», нет ли в них золота (Берёзовск).

Золото мыть — голодом быть (или: *жить*). О неверности заработка на добыче золота (там же).

Золото моем, голосом воем. Тот же смысл (там же и село Шарташ под гор. Свердловском).

Золото добываем — себе могилу копаем. Тот же смысл (окрестности Свердловска).

Добивайся до золота молотом, не будешь жить голодом. То есть золото требует огромных и тяжёлых усилий (Берёзовск).

За золотом пойдёшь — корку хлеба найдёшь. То есть заработок старателя по золоту так ничтожен, что еле обеспечивает пропитание (Средний Урал).

Золото поит, кормит, обувает, одевает, голодом, нагишом и босиком водит. Всё о той же превратности судьбы старателя по золоту (Березовск).

Не было фарту, залез в долг к Уркварту. О необходимости пойти на заем в контору английского концессионера Уркварта на Южном Урале.

СЛОВАРИК СТАРАТЕЛЯ

Добыча золота и платины

Баночник. Служащий приисковой конторы, ходивший, обычно вечером, собирать с промывательных станков намытое за день золото в особую посудину, называвшуюся банкой. Придя к старателю, баночник прежде всего снимал со станка печать, делал сполоск золота, а потом собирал в бумажный капсюль, ставил на нем надпись о принадлежности золота такому-то старателю и опускал капсюль в банку (окрестности бывшего гор. Екатеринбург).

Бешеное золото. Очень богатая добыча золота, вызывавшая прежде огромный приток старателей и скупщиков золота. «Машины повернули на юг, на большой Кочкарский тракт, и по прекрасной степной дороге понесли нас к прежней столице золотого дела Кочкарю, где ещё 50—60 лет назад добывали «бешеное золото», где слепая фортуна превращала в богачей одних и разоряла других, где с каждым золотым прииском была связана легенда о сказочных богатствах» (А. Е. Ферсман и В. И. Крыжановский, Наш автопробег по Южному Уралу, Москва, 1936, стр. 16—17).

Бутара. Бочкообразный станок для промывки содержащей золото горной породы. «Перебуторивать — перерывать песок, землю, промывать пески; вероятно, от слова бутара — промывальный станок» (П. П. Бажов, Малахитовая шкатулка, Свердловск, 1949, стр. 449).

На железной на бутаре
Голубой огонь горит.
Не скажу родимой маменьке
О ком сердце болит.

(гор. Нижний Тагил, 1936 г.)

Верховое золото. Рассыпное золото, встречающееся в верхних пластах, вскоре после почвы и даже в ней самой. «Тогда, слышь-ко, по Рябиновке верховое золото сильно попадать стало» (П. П. Бажов. Про великого полоза).

Волк. Каменный жёрнов, бегун на золотопромывательном заведении. «Мимо нас измученные гонщики подвозят каждую тележку к люку. Там уж стоят двое приставников. В одно и то же время тележка опрокидывается и люк открывается. Масса золотоносного песку валится вниз. Приставники сгребают всё, что осталось на краю, и закрывают люк. На той же платформе — провал, в провале чашка, по которой бегают волки, то есть жернова, размельчающие камни» (В. И. Немирович-Данченко. Колыбель миллионов, Исторический вестник, 1884, VII, стр. 104).

Вольный старатель. Добытчик золота по своей воле, не от хозяина, с одним условием — сдавать добытое золото в казну или земле-владельцу по обусловленной, существующей цене. «Вот и пошли наши

вольные старатели. Отец еле ноги передвигает, а ребяташки — мал мала меньше — за ним поспешают» (П. П. Бажов, Про великого Полоза).

Гнездовое золото. Высокий процент содержания рассыпного золота в породе на сравнительно ограниченном участке. «К счастью, в начале августа месяца наткнулись на гнездовое золото, — это его (хозяина прииска) несколько ободрило и он сделался веселее» (М. Малахов, На золотом прииске, Исторический вестник, 1880, VIII, стр. 737).

Золотая девка. Сказочное существо, по мнению приисковиков Урала, — хранительница месторождений.

Золотая жужелка. Образно — золото, как нечто притягательное, живое, влекущее к себе. «Ну, кому золотая жужелка нечаянно в карман залетела, тому тоже на Иткуль дорога» (П. П. Бажов, Демидовские кафтаны).

Золотая крупка. Самородное рассыпное золото. «В артёлке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал» (П. П. Бажов, Огневушка-поскакушка).

Золотишко. В дореволюционное время население приисковых районов, сознавая пагубные последствия неразумного увлечения или пользования золотом, относилось к нему иронически-пренебрежительно. «Хитро ведь с золотишком-то! На все стороны оглядывайся» (П. П. Бажов, Змеиный след).

Золотовеска. Помещение, где происходило взвешивание добытого на прииске золота. «Илья на прииске вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его, золото-то, весят». (П. П. Бажов, Синюшкин колодец).

Золотом стрелять. Стрелять в землю из ружья, заряженного природным золотоносным песком, чтобы обмануть, будто данная земельная площадь содержит в себе золото. «Дорогие пески пустяком заваливают, в пустые пески золотом стреляют, породу, где не надо, побрасывают и протча тако». (П. П. Бажов, Травяная западёнка).

Золотые таракашки. Крупницы самородного золота, видом и величиной напоминающие тараканов. «Принёс дедко Ефим лопатку да и углядел: по ржавчине золотые таракашки насажены» (П. П. Бажов, Огневушка-поскакушка).

Контрашный. Законтрактованный, нанятый работать по контракту. «Рано весной агенты (подрядчики) владельцев приисков отправляются в башкирские посёлки, где вербуют для работы на приисках башкир, выдавая им задатки и заключая контракт, обычно с апреля по октябрь. Находясь в нужде, башкиры за 15 коп. подённой платы заключают условие и на шесть месяцев закрепощают себя. Живут они на приисках в невероятных условиях. Казармы набиты до отказа такими контрашными, медицинской помощи абсолютно никакой, о санитарных условиях казарм никто не думает. Мордобитие штейгеров, надсмотрщиков и просто пьяных старателей — дело обыкновенное и обычное. Бесправнее контрашного не было существа на приисках» (М. Уралов, Самодуры, «Маховик», Златоуст, 25 августа 1925 г., № 7—8, стр. 10—13).

Медведка. Вал со втулками, на котором насажена пара бегунов на бегуной мельнице золотого прииска.

Олёкминец. Приисковый рабочий, вернувшийся с Олёкмы (Восточная Сибирь); переносно: буйный, отчаянный человек, озорник.

Отводить золото. По поверью старых старателей, исчезание золота в месторождении объясняется тем, что золото отвёл какой-либо из сказочных «хранителей» подземельных богатств. «Оттого вот и бывает — найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это значит, Полоз побывал тут и отвёл золото» (П. П. Бажов, Про великого Полоза).

Пески. Пески, то есть рассыпная золотоносная порода, хотя и вовсе не пески.

Песковоз. Рабочий, занятый на возке «песков», то есть рассыпной золотосодержащей горной породы. «По сиротству этот парнишко давно в песковозах ходил» (П. П. Бажов, Жабреев ходок).

Пескомой. Иронически о старателе на золоте в Сысертском горном округе до революции. «Отражались иногда и разногласия производственного порядка, хотя бы в обидных кличках: жженопятики (фабричные), кроты и пескомой (горнорабочие и старатели)» (П. П. Бажов, У старого рудника, гл. 4, 1940, стр. 190).

Платинёшка. Такое же отношение к платине, как и к золоту, которое старатели называют золотишком. «По нашим местам ремесло, известно, разное. Золото моют, платинёшку выковыривают, бутовой да горновой камень ломают». (П. П. Бажов, Живинка в деле).

Пофунтйт. Быть удаче: золото пойдёт — фунт на определенную меру золотиносной породы.

Припой. Медная стружка, выдаваемая за рассыпное золото. «Берёзовские старатели не остаются в долгу перед свердловскими спекулянтами. Они продают им мелкую медную стружку за золото, жёлтый песок — «желтик» за золотой песок; они искусно производят «припой» — золочёную медь, которая вводит в обман неискушённых любителей золотых самородков» (Е. Полонская, Поездка на Урал, Ленинград, 1927, стр. 81).

Прямок. Неглубокая ямка, нечто вроде колодца в шахте или шурфе для стока отсасываемой затем воды.

Рубашка. Оболочка из пустой, малоценной породы, внутри которой содержится золото.

Самородочек. Уменьшительно-ласкательное от самородок, то есть кусочек, глыбка самородного, нетронутого обделкой золота.

Девки по лесу ходили,
Самородочек нашли.
Шали шёлковы купили,
Шиковать тогда позли.

(Окрестности гор. Невьянска, 1936 год).

Сломок. Место разрушения какой-либо горной породы. «Другой раз на охоту я ходил и на Ельничной речке натолкнулся на старинный шурф. Возле него, гляжу, кварц не наш, не с рудника. Коренной, ельничный. Отбил я его прикладом — и опять к геологу. Что ты думаешь? Пошли с того шурфа и нашли сломок богатой жилы» (П. Фефелов, Почин старателей Монетки, «Уральский рабочий», 13 марта 1947).

Сносы. Снесённый водой верхний измельченный слой какой-либо горной породы из её коренного месторождения.

Старатель. Тот, кто по своей охоте работает на добыче золота. Во время крепостного права на уральских заводах беглые нередко делались «старателями, занимавшимися тайной разработкой золотых песков, с большим мастерством и знанием дела отыскиваемых в горных покатоках, долинах и на дне горных речек и ручьёв» (П. П. Падучев, Уральская Швейцария. «Исторический вестник», ноябрь, 1892, стр. 472—473).

Столбопромышленник. Лицо, занимавшееся перепродажей своих прав на заявленные (занятые) им площади с содержанием полезных ископаемых, но никогда само не занимавшееся их добычей. Этот вид спекуляции был весьма распространён в районах месторождений нефти, золота, платины, драгоценных камней. Он и сейчас существует во всех капиталистических странах. «Ушёл в невозвратное прошлое старый Урал с его богатыми заводчиками, золото- и столбопромышленниками, английскими, французскими, бельгийскими и всякими другими компаниями, с

его демидовскими и расторгуевскими повадками и традициями, с его беспробудным пьянством, темнотой и бескультурьем». (А. Е. Ферсман и В. И. Крыжановский, Наш автопробег по Южному Уралу, 1936, стр. 13).

Тайный купец. Тайный скупщик золота. «Никто, понятно, не видал, откуда те деньги Никите приходили, а по народу разговор шёл, что он тайным купцом по золотому делу самородки сдавал» (П. П. Бажов, Жабреев ходок).

Убогое золото. Малое содержание золота в горных породах, преимущественно рассыпных.

Хлебнуть из первого ковшичка. Воспользоваться первыми ковшами, лопатами и другими мерами на вновь разрабатываемом месторождении. «Всё-таки ему удалось немного хлебнуть из первого ковшичка» (Сысертский район, до революции).

Шальные деньги. Легко, случайно доставшееся богатство благодаря находке «богатого золота», золотого самородка, драгоценного камня и пр. «В Берёзовске вам и сейчас покажут «фасонистые дома», когда-то выстроенные скупщиками на «шальные деньги». (Е. Полонская, Поездка на Урал, Ленинград, 1927, стр. 74).

ПОИСКИ КАМНЕЙ-САМОЦВЕТОВ

Аметистишко. Уничижительно-уменьшительное от аметист. «Лучше, поди-ка, это, чем полтинничные аметистишки по одному из горы выковыривать», (П. П. Бажов, Далевое глядельце).

Весёлая галечка. Камень-самоцвет. «Кто руду добывает, кто её до дела доводит... Кто опять весёлые галечки выскивает да в огранку пускает» (П. П. Бажов, Живинка в деле).

Дурмашик. Малоценный камень-кристалл горного хрусталя. «...потом достала пуговку маленькую. То ли она из стекла, то ли из дурмашика на простую грань обделана» (П. П. Бажов, Малахитовая шка-тулка).

Занорыш. Некоторое расширение пегматитовой жилы с нахождением «куста» — скопления кристаллов-самоцветов. «К тому времени как раз яма их позабавила: нашли хороший занорыш, и у всех на гуле-вые маленько осталось» (П. П. Бажов, Далевое глядельце).

К руке слышать. Узнавать наощупь, на взвешивание на руке. «Я всякий камень к руке слышу», — говаривал знаменитый горщик из деревни Колташи, Режевского района, Д. К. Зверев, 1934 г.).

Куст. Камень-самоцвет, как носитель игры цветов в его естественных гранях, часто окрашен неравномерно; место наибольшего сгущения окраски — его куст. «Купят у тебя камешок и при тебе же половину отшибут и в сор бросят. Это, — говорят, — только делу помеха: куст темнит» (П. П. Бажов, Ключ земли).

Пособничёк. Сказочный помощник удачливого старателя-поисковика камней-самоцветов. «Пособничков, видно, имеет да нам не ска-зывает» (П. П. Бажов, У старого рудника, гл. 3).

Самосвет. Население Среднего Урала вместо звука «ц» часто говорит «с»; как раз горщики всё народ «сокающий», почему слово «самоцвет» звучит как «самосвет», что не раз подмечал знаток уральских самоцветов академик А. Е. Ферсман, говоря, что это звучит не-плохо: камни сами светятся.

Хит. Хищение, хищническая добыча камней-самоцветов, золота.

Ящерица. Её образ из сказов «как воплощение «Хозяйки горы», достаточно ясен для всякого, кому случалось видеть открытый выход углекислой меди или её разлом. По цвету, а иногда и по форме, здесь сходство очевидное. Можно думать, что подвижность и весёлый вид яще-рицы получили отражение в образе «Хозяйки горы» (П. П. Бажов, У старого рудника).

КАМНЕРЕЗЫ

Обработка камня известна на Урале с начала XVIII столетия. Возможно, конечно, что архивные данные, при обнаружении их, могут указать и на более раннее время, коль скоро первые дошедшие до нас сведения о находке самоцветов относятся к 1668 году.

В 1726 году в Екатеринбурге организуется нечто вроде гранильной мастерской. Впоследствии здесь возникает целая гранильная фабрика. Люди, работавшие в мастерской, а потом на фабрике, постепенно начинают заниматься камнерезным делом у себя на дому, и таким образом возникает кустарный камнерезный промысел. Точки его распространения: Екатеринбург (теперь Свердловск), Берёзовский завод, Сысерть, Кунгур, Златоуст и некоторые другие места.

Камнерезному делу посвящен ряд книг, изданных как до, так и после революции. Из старых изданий упомянем два:

П. Н. Зверев. Гранильный промысел, «Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии», Екатеринбург, 1889.

Гранильный и каменно-резный кустарные промыслы в Екатеринбургском уезде, Екатеринбург, 1909.

Из пореволюционных укажем три книги:

В. А. Попов, составитель, Самоцветы Урала, Очерки и рассказы, Свердловск, 1937 (в серии «Уральская библиотека занимательного краеведения»).

Счастливые камни, Рассказы гранильщиков и камнерезов, Челябинск, 1937.

Н. Попова, К. Рождественская Живители камня, Свердловск, 1950.

Об уральских драгоценных камнях и обработке их много говорится в ряде работ академика А. Е. Ферсмана, как «Драгоценные и цветные камни в России» (Петроград, 1922 г.), «Занимательная минералогия» и др.

«КАМЕННЫЕ ДУШИ»

Ну, кто бы мог подумать, что камнем можно заинтересоваться, для камня забыть всё. Я этого совершенно не понимала, даже не знала, пока замуж не вышла. Я — из Сысерти: у нас там не было этого, чтобы камнем интересоваться, как, скажем в Колташах, в Сизиковой, в Южаковой. А как вышла за Дионида Даниловича, так сама увлеклась. И ещё как! Без камней и жить не могу, — чтобы у меня камни хоть на полу да были разложены. Сама сделалась «каменной душой».

А и верно, что каменные души. Как же они любят, знают камень! Вот хоть дедушка Данила Кондратьевич, свёкор-то мой: ах, как он знал, как любил камень... Недаром, друзья-то какие у него были: академик Ферсман Александр Евгеньевич, профессора...

Ай, сколько дедушка-то знал! Места, где какие камни есть, где золото. Но больше всего любил камни-самоцветы.

Мы с ним ездили в Москву. Он камни продавать возил. Выберет, даст мне, чтобы я продавала. Продам, а не всё, часть камней себе оставляю — жалко с ними расставаться. Продам с выгодой, не продешевлю. Принесу ему выручку.

— Ну ты себе поди сколько-то оставила?

— Оставила.

— Знаю уж... На, возьми это.

Подаёт мне в награду из выручки. И камни, которые я выбрала, оставит.

Ох, и любил же он камень. Да кто из них не любил! И после смерти не хотели расставаться с камнями. Вот Рафаилыч был. Сколько у него было прекрасных камней, а ведь после смерти ничего не нашлось — всё куда-то закопал. Как умирать стал, только и сказал:

— Поищите там под девятым столбом, — может, на похороны хватит...

Наш дедушка много прекрасных камней передал в музей: Академии наук, горного института, в свой уральский музей... Какая-то гордость была у этих каменных людей! И обходиться с ними надо умеючи.

Вот хотя бы Василия Владимировича возьмите. Потомственный ведь горщик, гранильщик. Прямо, золотые руки! Сидеть бы ему в тепле и свете, гранить бы в каком-нибудь учреждении, — все его зовут к себе, — так нет: живёт в какой-то клетушке, нуждается, патентик на стене висит. Да с патентом ли ему, такому большому специалисту. А всё гордость! Чуть что не по нему, уйдёт.

Ему говорят:

— Возьмите деньги!

Заворотится и уйдёт: ничего не надо! А всё потому, что не так сказали, не поняли его.

Вот какие это гордые люди!

Записано 20 октября 1952 года в гор. Свердловске от выдающейся горщицы Федосьи Алексеевны Зверевой, 58 лет, снохи знаменитого горщика Д. К. Зверева.

СЧАСТЛИВЫЕ КАМНИ •

Раньше, до революции, люди говорили, что самоцветы счастье приносят. В магазинах, где продавались драгоценные камни, покупателям предлагали небольшую книжечку печатную, в которой подробно излагались волшебные свойства камней-самоцветов.

У меня тоже была такая памятка. В ней разное было напечатано. Однако я полагаю, что всё это чепуха.

Вот тут жил в Свердловске, при царском положении, гранильщик один. То есть жило-то их тут много, но расскажу про одного. Звали его Ефим Дмитриевич. Яковлев по фамилии. За жизнь свою он переимал в руках разные камни: и гранаты, и цирконы, и сапфиры, и изумруды, и фенакиты... Одним словом, не было на Урале такого камня, который мимо рук Яковлева прошёл. Ну, и скажите пожалуйста, видел он счастье? И не дожил до него. Лет двадцать пять времени как скончался.

Давнишнее было время; в ученики меня по контракту отдали к хозяину Липину. В те годы гранильная фабрика, — так рассказывали старики, — распродала все самоцветы после уничтожения крепостного права и работала больше по яш-моделию. Для увеселения царей работала: вазы делала, саркофаги и другие тяжёлые предметы. Оплата рабочих была слабая — семнадцать рублей в месяц платили. Люди, которые потолковее насчет камня, те дела по своим рукам на фабрике не имели. Гранильщики, ювелиры, гравёры, — на предпринимателей-хозяев в тот момент работали.

Вот отдали меня в ученики к Липину. Определил Липин меня к гранильщику. Тут я увидел Яковлева. Высокий, худой, как этот Дон-Кихот на картине. Борода черноватая. Развитие гражданское имел слабое. Высказывался всегда медленно, гордо, а говорил неизвестно что и к каждому слову добавлял: «Совершенно что...»

Вот спросят его:

— Ефим Митрич, война-то чем кончилась?

Тогда китайская война была.

А Яковлев сделает рукой такой неопределённый жест — по воздуху проведёт, и отвечает:

— Война... Совершенно что... Постреляли, постреляли... совершенно что, переходи на нашу сторону.

Вот такой был в гражданском развитии Яковлев. Но по камню имел он большое уменье. Все свойства и капризы камней знал. Вот хозяин Липин даёт ему аметист. Камень весь белый, хуже стекляшки. Только капелька одна лиловая в боку. Словно в стекляшку кто внутрь химических чернил капнул. По-нашему, куст краски. Куда камень такой годится? На взгляд — хуже некуда.

Покрутит в руках тот камень Ефим Митрич и так и этак посмотрит его. Молча всё это и начнёт огранку вести. Спервоначала придаст ему приблизительную форму, дальше — больше, и в конце работы, глядишь, отдаёт хозяину, вместо стекляшки белой, камень дорогой самоцветный. Камень горит, переливается. Дело-то в том, что Яковлев знал, как гранильщик,

что куст краски надо поместить в самый испод. Испод — это слово уральское, наше. Помню, как меня Яковлев учил этому слову. Положит камень, сделает неопределённый жест и говорит:

— Вот лежит камень, совершенно что, а под ним вода текёт? Из-под камня... Из-под, совершенно что... Понимаешь: из-под. Испод — это значит самый испод камня... совершенно что...

Яковлев знал, что ежели в правильно огранённый камень куст в самый испод направить, тогда весь камень цветом зальётся, как водой самоцветной... Оттого и говорят: камень чистой воды... Тут, конечно, нужно уменье. Ежели куст чуть-чуть в бок пошёл, ну и все пропало. Одна грань лиловая, густая, а остальные белые. Обесцененный камень. Больше полтинника не стоит.

И ни за что в жизни, бывало, не держит при заправке Ефим Дмитриевич аметисты над самым огнём. Нельзя. Аметист имеет природу выгорать от огня. Краску теряет.

Ефим Дмитриевич и гранил и шлифовал камни, как полагается. Вот, например, фенакит. Этот камень имеет свои свойства, свой каприз. Торцовая сторона не даётся огранке ни на сухом, ни на мокром. Надо впросух. То есть надобно, чтобы на трепловом кругу, на котором происходит огранка, было ни сухо, ни мокро, а когда просыхает. Здесь надо большое уменье и знание дела.

Одним словом, Яковлев был, если говорить по-теперешнему, мастер большой квалификации, и камней он передержал в своих руках на своём веку многое множество. А счастье-то он имел, я вас спрошу? Принёс ли ему счастье, удачу камень какой-нибудь? Скажу прямо, — нет. При всем своём уменьи Яковлев жил плохо, бедно. Прямо говорить, — хуже нищего. И в пьянстве. Редко он был в трезвом виде и состоянии.

— Я, — говорил он, — когда трезвый, злой очень на хозяев, совершенно что. А для моего организма это вредно... совершенно что...

Ну, и пил. И утром, и в полдень, и в полночь. И жена его тоже пила. Бывало, даёт он ей тридцать копеек и говорит:

— Иди, Наташа, совершенно что, принеси сороковку.

Это значит, полбутылки.

А она обижается:

— Сороковку! А мне не надо? Чего же это я буду по грязи два раза бегать... На бутылку давай.

Он вздохнёт и даст. А как напьются, сейчас у них драка. Не из-за чего, прямо по пьяному делу.

А то, бывало, зайдёт к Яковлеву кто-нибудь из гранильщи-

ков. То ли камень показать, который достал по шмуку... Шмук — это так называлось воровство от хозяина... То ли просто так. Посидит гость, о делах поговорят. Конечно, водка на столе. Сначала пьют за деньги, а потом одежонку в кабаке понесут. И до тех пор, пока голыми не предстанут. И гость и хозяин — в чём мать родила.

В общем Яковлев одевался плохо. Хуже нищего — в отрепьях да заплатах.

А пил он, прямо удивляться можно: сверх всякой возможности. Утром возьмёт у хозяина два дешёвеньких аметиста для огранки. Посидит за ними до обеда, огранит, отшлифует. Получит по четвертаку за камень — полтинник. И сейчас своей старухе:

— Наташа, ступай за водкой, совершенно что...

Выпьет и обратно идёт за двумя камешками. А к вечеру их огранит, отшлифует и снова:

— Ступай, совершенно что, за водкой.

И это каждый божий день, хоть в будни, хоть в праздник, хоть в пост, хоть в пасху. Одну бутылку кончил, за другой тянется.

Надо прямо сказать: при всём своём пьянстве, при всей своей бедности — честный и гордый был человек. Чужой даже искорки не возьмёт... Искорка — камень такой мелкий, осыпь. И шмука не делал.

Тяжёлая, в общем, была жизнь его. Детей он имел четверых. Но дома они не жили. Порастыканы были по чужим людям, в прислугах жили.

Сам Ефим Дмитриевич Яковлев верил в эти самые предания насчёт камней. И всё, бывало, камня счастливого дожидался. И в бога верил. Как ложиться спать, всё крестится да молится... Хоть трезвый, хоть пьяный, стоит и поклоны бьёт... Видно, у бога счастливого камня просил.

А умер в самой нищете. В гроб не в чём было положить, хоть у соседей бельё занимай.

А ведь за жизнь свою много камней передержал он в руках: и изумруд, и аквамарин, и александрит. Все камни имел он. А счастливого не нашёл.

И кто это счастье видел из рабочих при царском положении?

Вот вроде Яковлева был у нас Чеканцев. Тоже мастер по камню — гранильщик. И у этого счастье было, как у Яковлева. И этот тоже пил. Ненависть у него была к тем, на кого работал. Этот допился до горячки. Он бросился под поезд. И много таких было гранильщиков.

А хозяину, конечно, выгодно было иметь дело с пьяными мастерами. Легче было в кабале держать. И обсчитать

можно, и недодать. И я так полагаю: предание насчёт счастливых камней — чепуха это, затемнение мозгов. Дурман, как говорится.

*Записано в 1935 году в гор. Свердловске
от гранильщика и гравёра А. П. Подкорытова.*

ШКАТУЛКА

Совсем маленьким был я, а уж работал по гранильному делу. Отец мой гранил камушки. Бусы делал. Из яшмы, из аметиста, из малахита. Оплата труда была ничтожная. Работала вся наша семья. Отец, мать, три сестрёнки, трое братьевъёв.

Скупщиков тогда в Екатеринбурге ещё не было. Один был магазин по сбыту каменных изделий. Держал его Лагутяев. Сам он ничего в деле не понимал. Морфинист был и пьяница. В магазине торговал доверенный Лагутяева — Михаил Дмитриевич.

Обычай был такой: принесёт мастер в магазин работу, Михаил Дмитриевич говорит:

— Денег нет. Сиди, жди, может будут, тогда куплю...

Мастер сидит. Ждёт, куда придёт покупатель. Иной раз полдня просидит. Иной раз и целый день. Ушёл бы, да некуда. Базар в те годы бывал один раз в неделю — в воскресенье. Два часа продажа разрешалась: от двенадцати до двух часов. Покупателей на каменные вещи на базаре было ничтожное количество.

Вот мастера и несли Михаилу Дмитриевичу. Тот, конечно, случаем пользовался и всегда задёшево покупал все изделия.

Гранильщики жили бедно. Немного их в Екатеринбурге.

Однажды Михаил Дмитриевич заказал отцу шкатулку сделать для перчаток.

— Сделай, — говорит, — хорошую, изящную. Заплачу двадцать пять рублей.

Обрадовался отец. Двадцать пять рублей — большие деньги. Достал отец яшмы орской. Достал яшмы калканской. Вся семья за работу села. Один плитки пилит, другой полирует, третий каркас делает. Всем работа нашлась.

Через неделю несёт отец шкатулку в магазин. Шкатулка вышла хорошая. Верх и бока сделали мы из орской яшмы. Весёлую подобрали расцветку. Кантики, кромки сработали из калканской яшмы. Большая шкатулка. Двенадцать вершков длины. Для женских перчаток, которые на бал одевают.

Следом за отцом пошла мать. И меня с собой взяли. Так уж повелось у нас. Отец любил выпить. Чтобы он не всё пропил, мать всегда ходила за ним, когда он сдавал работу. И деньги у него забирала.

Зашёл отец в магазин. Мы с матерью сидим на ступеньках, дожидаясь. Долго отец был в магазине. Мне сидеть надоело. Пошёл на улицу. Играю возле крыльца.

Выходит отец, и шкатулка у него в руках.

Мать спрашивает:

— Что же это?

Отец выругался:

— Он, подлец, говорит, что шкатулка неприглядная... Десять рублей даёт.

Мать от огорчения снова на ступеньки лестницы опустилась. И я стою.

А отец посмотрел на меня, на мать, на шкатулку, а потом как вдруг кинет шкатулку об землю. Шкатулка так и рассыпалась.

— Пропади ты пропадом, подлец!

И пошёл от магазина.

Мать собрала осколки. На наше счастье только углышки у камня отломались. Каркас целым остался. Пришли мы домой и давай лепить шкатулку.

Через неделю снова понесли её к Михаилу Дмитриевичу. Он заплатил отцу двенадцать рублей. Отец и не торговался.

Записано по рассказу старого свердловского гранильщика М. И. Туришева в середине 1930 года (по книжке «Счастливые камни», Челябинск 1937, стр. 172—174).

СЛОВАРИК КАМНЕРЕЗА

Алмазная ступка. Делалась из чугуна или стали; назначение — получать необходимый для полировки твёрдых сортов камня алмазный порошок.

Баженовская пещера. Песчаник из окрестностей станции Баженово, вблизи Свердловска; употреблялся для шлифовки каменных изделий.

Брильянтовая грань. Огранка камня системой двойных клиньев. Особенность этой грани та, что предмет из огранённого таким образом стекла трудно отличить от каменного. «А ты сделай-ко брильянтовую грань, увидишь, какой получится камень» (Боровских¹).

Вёртел. Рабочий, вращающий своими руками маховое колесо камнерезного станка. Нередко вертелами были мальчики, участь которых складывалась очень печально. Достаточно вспомнить рассказ Мамина-Сибиряка «Вертел».

Вода. Степень густоты окраски камня-самоцвета. «Купят у тебя камешок и при тебе же половину отшибут и в сор бросят. Это,— говорят,— только делу помеха: куст темнит. Из остатка еще половину сточат да и хвалятся: теперь в самый раз вода обозначилась и при огне тухнуть не станет» (П. П. Бажов, Ключ земли).

Гнёздышко. Художественное произведение из камней-самоце-

¹ Потомственный уральский гранильщик, уроженец (1912 г.) Верх-Исетского завода Анатолий Алексеевич Боровских, со слов которого собрана часть материала для словаря.

тов. «Гнездышки с птенчиками делали. Веточка берёзы, а на ней гнездо, и в гнезде птенчики рты пораскрывали» (Свердловск, 1936).

Греческая грань. Вид огранки камня-самоцвета маленькими треугольными плоскостями, сходящимися основаниями с вершинами соседних плоскостей; второе название — «двойные клинья». «Есть фаски: ставится в виде как в ёлку; только греческую грань не всякий гранит; шарики для бус раньше гранили греческой гранью» (Шахмин, 1936¹).

Д а в а л е ц. Торговец-скупщик изделий из камня, цветного или самоцвета; обычно он «давал» работу кустарям, конечно, за ничтожную плату.

Е к а т е р и н б у р г с к а я г р а н ь. Особое сочетание граней, применявшееся только екатеринбургскими кустарями-гранильщиками.

Ж а р е н о е с т е к л о. Бесцветное стекло, будучи закатано в тесто, испеченное затем, приобретает нежно золотистый, топазсвый цвет. «Так и так, ваше немецкое благородие... Печатки-то из жареного стекла вам проданы» (П. П. Бажов, Тараканье мыло.).

И с п о д. Низ, «дно» ограненного камня-самоцвета или цветного стекла. «Ежели камень цветом неравномерной густоты, стараемся самую густую часть его сделать на самую середину испода; от этого камень кажется весь густого цвета» (Свердловск, 1936).

К а р т а и н д у с т р и а л и з а ц и и С С С Р. Изготовлена свердловскими камнерезами и гранильщиками в 1937 году. «С необыкновенной точностью воспроизведены на этой карте все цвета и оттенки. Равнины и низменности набраны из зелёной яшмы различных тонов. Возвышенности — из желтоватой, а хребты гор — из коричневой. Реки и моря сделаны из синего и голубого лазурита. Красная каменная лента очертила границу. Разноцветные камни обозначили районы индустриализации, а самоцветы — города». (Н. Попова, Мастера цветного камня, «Живители камня», Свердловск, 1950). Карта эта была на всемирных выставках в Париже и в Нью-Йорке, а теперь хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

К р о к у с. Тончайшая минеральная пыль, в смоченном виде употребляемая для полировки и шлифовки камней; бывает двух родов: зелёный — из хромпика и горючей серы, красный — из жёлтого купороса и щавелевой кислоты. «Кончил бы работу, да как на зло, весь крокус вышел» (Шахмин, 1936).

К у с т. Наибольшее сгущение естественной окраски прозрачного кристалла, например, аметиста. «Надо так огранить камень, чтобы куст пришёлся на самый испод, дно камня, тогда он заиграет» (Свердловск, 1936).

М о р о з. Заметная на глаз трещиноватость в камне-самоцвете, подлежащем огранке. «Как хорошо ни ограни, а с морозом камень ценится дешевле».

О т р е з и с т а я г р а н ь. Прекрасно исполненная грань, точно ножом отрезанная. «— Гляди, у природного камня какая отрезистая грань...» (Сборник «Живители камня»). «При отрезистой грани камень горит светло и твёрдо» (там же).

П е ч ё н ы й т о п а з. Кристалл дымчатого горного хрусталя, побывавший некоторое время в печи для придания ему золотистого вида. «Прежде камень просто клали в мелко просеянную горячую золу; но этот способ ненадёжный, и предпочитают запекать камень в тесто» (ВИЗ, Боровских).

Р о з а. То же, что и греческая грань. «Вскоре они ознакомились с

¹ Василий Владимирович Шахмин, уроженец (1888 г.) гор. Екатеринбурга, потомственный гранильщик и прекрасный мастер по выработке оптического камня.

новой гранью — «греческой», или «розой». Она редко применяется на Урале, но мастера её знают хорошо.

Один старый гранильщик Ковалёв Валериан Александрович говорит о ней:

— Греческую, или розу, надо умеючи делать. При этой грани низ у камня вроде яблока или грецкого ореха — выпуклый. А верх делается так: сперва шесть клиньев, под ними ещё шесть, дальше по двенадцати. И выходит, весь камень в клинышках» (Сборник «Живители камня», стр. 95).

С а м о с в е т ч и к. От местного произношения слова «самоцвет» — мастер-гранильщик, работающий по огранке камней-самоцветов, в отличие от малахитчиков, яшмоделов, мраморщиков и др.

С к р и п у н. Полевой хвощ, применяемый для шлифования изделий из камня-ангидрита в гор. Кунгуре (Сообщил А. А. Боровских).

Т ё п л а я г р а н ь. Значение из выдержки: «Есть у нас на Урале дорогой минерал — изумруд. Самым хорошим образцом у старых гранильщиков считается камень, имеющий так называемую тёплую грань. Достигнуть этого считается большим искусством. Мастер стремится сделать так, чтобы каждая грань камня была на строго одинаковом расстоянии от так называемого «куста» краски. Тогда создаётся исключительно удачный узел преломления света, и камень, как говорят, «играет». (В. Сафонов, Тёплая грань, «Известия» 3 декабря 1946).

Ф р а н ц у з с к а я к а р т а. Карта Франции, изготовленная екатеринбургской гранильной фабрикой при Николае II. «Царское правительство не заботилось о них (камнерезах). Они жили и работали в очень трудной обстановке. Только одна большая работа сделана в то время: карта Франции, которую изготовили для Парижской Всемирной выставки. На выставке эту карту признали «чудом искусства». Суша и горы сделаны были из яшмы, цвета которой соответствовали раскраске географической карты. На месте морей простирались пласты ляпис-лазури. Линии рек и границы департаментов блестели на солнце, потому что они были сделаны из платины и золота. Искрились города, сделанные гранильщиками из рубинов, изумрудов и сапфиров» (Н. Попова, Мастера цветного камня, «Живители камня», Свердловск, 1950).

Ш а л и м о в с к а я я ш м а. Новое название яшмы, прежде называвшейся «николаевской» (в честь царя Николая), ее нашёл яшмодел Шалимов.

Ш к а т у л к а. Один из основных видов художественных изделий из камня разных пород: малахита, селенита, яшмы и многих других. Достаточно вспомнить «Малахитовую шкатулку» — сказ П. П. Бажова, чтобы получить представление о подобного рода произведениях.

Ш м у к. Кража драгоценного камня или в копи или в мастерской у владельцев.

Я ш м о д е л. Кустарь или рабочий гранильной фабрики по выработке художественных изделий из яшмы.

П р и м е ч а н и е. Этим словариком далеко не исчерпаны все слова и речения о камнерезном деле на Урале, только из нашего собрания мы дали меньше трети всего записанного.

ДЕМИДОВЩИНА

Демидовы являлись хозяевами несметных уральских богатств.

Земли, которыми они владели, были огромны. Недаром на карте Урала 1730-х гг. жирной линией в красках было очерчено особое «ведомство Демидова», как какое-то государство. И на самом деле, это

было государство в государстве. Предание упорно говорит, что Демидов из найденного золота на его землях чеканил даже монету, которая по внешнему виду ничем не отличалась от царской.

В публикуемом в этом сборнике сказе о купце-Семигоре, который владел горами, добывал в них золото, но рабочих не кормил, и те умирали от голода, безусловно, подразумевается один из Демидовых.

На демидовских предприятиях трудились работные люди всех положений: и собственно крепостные, и посессионные, и беглые, и приписные крестьяне, и «вольные люди».

Особенно тяжело жилось приписным, о чём говорится в песне «Ай, заводы, заводы».

Самодурством, которое буржуазные историки называли чудачеством, отличались многие из Демидовых. В Нижнем Тагиле старики расскажут вам, как летом по улицам один из Демидовых вздумал покататься на тройке в санях, точно зимой. Для этого была взята из складов соль и ею посыпана дорога, а чтобы дополнить «зимний пейзаж», с деревьев был оборван лист...

«Демидовщине» посвящена большая часть устного творчества рабочих демидовских заводов. После первой революции появляются песни рабочих, призывающие бороться с демидовщиной.

* * *

Ох, Демидов, уж умён, умён, умён!
И за это он начальством отличён.
Получил он званья итальянские;
Отнял он леса крестьянские.
Обзавелся гувернантками,
Мамзелями-итальянками.
На гроши наши рабочие
Шьёт наряды им хорошие.
Он кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
А на приисках рабочие
Пески моют дни и ночи.
Щи хлебают с тухлым мясом,
Запивают кислым квасом.
Заработают какие-то гроши
И снесут в кабак свои четвертаки.

* * *

Вы скажите ради бога,
Где демидовска дорога?
Она строилась три года,
Шириною в три аршина,

По ней бегают машина.
Не сама машина ходит,
Машинист машину водит,
Я стояла на пороге,
Милку видела в вагоне.
Управитель его схапал
И отправил во солдаты.
Там достался первый номер,
Он со страху чуть не помер.

Записано 15 июля 1937 года в гор. Шад-ринске от уроженки (1874 г.) села Ново-Петропавловского, Уксянского района, Курганской области, Елизаветы Петровны Ляпустиной. Песню она заучила в Нижне-Салдинском заводе, где долго служил её муж.

ПРО ДЕМИДОВСКИЕ САМОДУРСТВА

Странствовавшие портные из крепостных, каких господ, не знаю, отпущенные на оброк, работали в Нижнем Тагиле, в том числе на семью Демидова. Пришлось им шить салоп для дочери Демидова к пасхе. Материал был выписан из Москвы или Петербурга и получен поздно. Демидов приказал, чтобы салоп был готов, если уж не к заутрени пасхальной, то обязательно к обедне. Швейных машин не было, материал дорогой, заказчик важный и строгий.

Шили портные последние дни перед пасхой и ночью и всё-таки не кончили шить. Отошла заутрени, все вышли из церкви, ждут звона к обедне. Звона нет.

Только в двенадцать часов дня был окончен салоп, и Демидов отдал приказ звонить к обедне.

Этот рассказ я слышала от своих матери и бабушки, у которых в доме квартировали эти портные.

Этот ли Демидов, по приказу которого звонили к обедне в пасху в двенадцать часов дня, не могу сказать, — выдавал свою дочь замуж. Рассердился за что-то на неё и сказал:

— Чтобы ты не забыла, что твои предки — лапотники, такой и подвенечный наряд у тебя будет.

И сделали такой наряд: одна половина из дорогой шёлковой материи, другая — из рогожи; на одной ноге — дорогой красивый башмачок, а на другой — лапоть.

Так и венчалась демидовская дочь.

Сообщено в июле 1936 года в гор. Камышлове, Свердловской области, учительницей-пенсионеркой Анной Ивановной Зеленцовой, в возрасте свыше 70 лет.

ДЕМИДОВУ ВСЁ МОЖНО

Я работал штейгером на демидовских платиновых приисках. Однажды видел самого Демидова, его, кажется, звали Павлом. Это было в 1907 году в 90 километрах от Нижнего Тагила. Мы вели там разведку. Платина пошла богатая, но месторождение уходило под государственные леса. А Демидов получил в свое пользование землю на сто вёрст от Тагила, кругом от своей резиденции. Богатая платина оказалась на самой границе с государственной землей.

Приезжает к нам Демидов, спрашивает:

— Ну, как дела?

— Вот, богатая платина, только она уходит под государственные леса...

Когда Демидову сказали, что платина уходит под государственные леса, он повернулся на одном каблучке и махнул рукой:

— Сня-ять!..

Мужика или рабочего тянули к ответу за одно срубленное самовольно дерево, а тут безнаказанно уничтожались целых пятнадцать десятин.

Записано 14 сентября 1949 года в селе Багаряк, Челябинской области, от уроженца (1890 г.) гор. Верхневинска, Свердловской области, директора средней школы, дважды орденноносца Константина Степановича Григорьева.

ПЕСНЯ ПРИПИСНЫХ

Я мальчишкой был. У нас в Шутиной была старушка Овдотья Петровна Окулова. От неё я научился многим песням. Вот одну помню, только как скраю (с начала), забыл уж:

Не твои, Демид, заводы,
Парчемидихины.

Парчемидиха по заводу
Похаживает,

Нам, крестьянам,

Работу налаживает:

Из-под пеньев, кореньев,

Из-под гор да руда.

Из-под гор да руда,
Там работа худа!

«Крестьянушки, работайте,
Работайте, не лытайте,

На меня, на барина.

У меня, у барина,

Работа способная,

Солдатам покорная».

Старуха всё говорила: «У нас эту песню всё мастеровые пели. А это, что в песне сказано: «Солдатам покорная» — значит, видно, их держали, как всё равно, на солдатском положении».

Записано 15 мая 1946 года в селе Шутинском, Катайского района, Курганской области, от местного уроженца Василия Фёдоровича Окулова (1878 г.), сторожа на конном дворе колхоза «Освобождённый труд».

Распроклятый Турчанин
Со заводом со своим!
Жерди из лесу возили,
Огороды городили.
Огороды городили
И заводы становили.

Уголь жгли, руду копали,
Свою силушку теряли.
Свою силушку теряли,
Турчанина проклинали:
«Распроклятый Турчанин
Со заводом со своим!»

*Записано 28 августа 1949 года в деревне
Усть-Караболка, Багарякского района, Челябин-
ской области, от колхозника Николая Михайло-
вича Пулькина, 69 лет.*

Знает эту песню также местный колхозник Максим Осипович Хрущов, 61 года, слышавший её от своего покойного отца; в 1890—1900 гг. песню пели в деревне многие другие пожилые люди.

Турчанин — заводчик Турчанинов, владелец Сысертских заводов, к которым приписаны были крестьяне сёл и деревень Багарякского района в XVIII и в начале XIX столетий.

КУПЕЦ СЕМИГОР

В одном большом городе собрались на мосту парни, которые нигде не работали. Стояли и ждали, не наймёт ли кто-нибудь хотя бы в работники. Ждали они, ждали. Вдруг видят, едет купец Семигор. Человек он был очень богатый — имел семь гор, на которых добывал золото. Увидали парни и все, кроме одного, разбежались, потому что знали Семигора за жестокого человека, который отправлял своих работников в горы и там морил голодом. Который остался, был нанят Семигором. Не убежал парень потому, что уж давно не мог нигде найти себе другой работы, жил впроголодь.

Привёз Семигор парня к себе домой. Парень прожил у купца две недели. За это время познакомился с дочерью купца. Она была очень хорошая девушка и к тому же красавица. Вскоре они полюбили друг друга, парень также был хорош с виду.

Через две недели купец призвал к себе работника и велел ему запрячь самую плохую лошадь и ехать в горы на работу. Дочь купца очень опечалилась, как узнала об этом, и на прощанье дала парню скатерть-самобранку и сказала:

— Как захочешь есть, разостели эту скатерть и скажи: «Скатерть-самобранка, накорми и напои молодца!» — и тогда появится тебе обед.

Прошло около года. За это время кобыла у парня сдохла. Купец Семигор думал, что работник давно уже помер. Всё-таки поехал в горы попроведать и страшно удивился, как увидел, что парень жив-здоров. Давай спрашивать у него:

— Чем же ты питался здесь?

— Кобылятинкой питался, — отвечал парень.

Задумался купец. Был он человеком очень скупым. Решил, как придет домой, тоже станет питаться кобылятиной. Так и сделал. Только в пользу кобылятина не пошла: купец начал с неё болеть. Вскоре совсем расхворался и помер.

Дочь осталась одна, послала за работником и вскоре же вышла за него замуж. Так этот парень неожиданно для себя стал таким богачом, каких ещё на свете до того не было.

Записано в 1935 году от Лариссы Николаевны Бирюковой, родившейся в 1888 году; сказку она слышала в детстве на родине в селе Каргопольском, Шадринского уезда, Курганской области.

ДЕМИДОВСКИЙ ПОСЛЕДЫШ

Демидовых было три брата: Елим, Павел и Анатолий. С последним я был знаком и вот как.

В 1897 году в Париже была всемирная выставка. Для неё у нас на заводе вязали из холодного железа узлы. Я их полировал, около сорока штук. Как раз в это время приезжает в Тагил Анатолий Демидов. Заходит он в механический цех. И сразу — ко мне:

— Вы работаете на Париж?

— Да.

— А нельзя ли сделать мне тросточку из железа?

— Если механик разрешит, так почему не сделать.

Ну, механик как не разрешит! Сделал я тросточку: стержень на шесть граней; на конус, узел завязал, сверху — молоточек...

После того Демидов позвал меня с собой на охоту.

Есть Керкина гора. Там никого охотиться не пускали, а когда Демидовы приезжали, там они охотились.

Дело было в субботу. Я едва успел сходить в баню, как за мной от Демидова приехали. Собрался. Поехали. На месте охоты был такой дачный домик. Лесообъездчик нас на дичь должен вести. Когда приехали туда, — с Анатолием всегда был англичанин Карл, — стали закусывать.

Мы говорим:

— Пойдёмте под вечер.

— Нет, лучше завтра разбудите. Хоть я буду ругаться, а вы будите.

Утром я встал и давай будить Анатолия. Посадил даже его, а он опять лёг. Меня зло взяло: да что я, нянька, что ли! Пусть себе дрыхнет! А англичанин говорит:

— Будите, будите, а то весь день ругаться будет.

Ну, тут я решил действовать по-своему. Пошёл набрал муравьев и за рубаху Анатолию вытряхнул. Как они начали его грызть, он и соскочил:

— Карл! Карл! Да тут клопов развели.

— Тут, барин, не клопы...

Анатолий сдёрнул рубашку, мураши бегают...

Карл ему объяснил, что это я хотел разбудить его на охоту.

— А-а, вы так-то меня будите! А если я заболею?

— Да ничего не будет.

Встал-таки...

Потом он мне говорит:

— Больше никогда на меня эту гадость не сыпьте, а только скажите, я сам соскочу.

Помню ещё случай. Раз Анатолий вышел к собору и стал стрелять галок, сидевших на крестах, а сам велел себя в это время фотографировать...

Анатолий говаривал:

— Я учился в одиннадцати училищах и из всех меня великолепно выгнали...

Потом он поступил в лейб-гвардии гусарский полк и однажды был в клубе. Получив замечание командира полка, выхватил шашку и отсек командиру ухо. Анатолия тут же арестовали. Арестованный, он застрелился.

*Записано 30 июня 1936 года в гор. Нижнем
Тагиле со слов слесаря Николая Власовича Си-
бирякова (1874 г.).*

* * *

Благословляй, сударь-хозяин,

Благословляй-ко, господин.

У тебя ли во дому,

Во высоком терему

Поскакать, поплясать,

Во все города скакать,

Во все демидовые.

У Демидова в заводе

Работушка тяжела,

Работушка тяжела,

Да сударушка нажита.

Сударушка-девушка,

Ближняя соседушка,

Ближняя, недалняя,

Своя деревенская.

Своя деревенская,

Тамошня крайнская.
Белится, румянится...
«Ты не белься, не румянся,
Я ведь так тебя люблю.
Я ведь так тебя люблю,
Да наглядеться не могу,
Наглядеться, насмотреться
На твоё бело лицо,
Личико беленькое,
Щёчки аленькие».

Записано 30 апреля 1936 года в гор. Свердловске от крестьянки деревни Трубиной, Сысковского сельского совета, Пышминского района, Свердловской области, Афанасьи Павловны Теплоуховой (1875 г.).

Песня, видимо, родилась на демидовских заводах во времена так называемого разбойничества; вариант песни помещён в 1780 году в «Новом и полном собрании российских песен». К нашему времени значительную часть социальных черт песня уже утратила и превратилась почти в любовную.

КРЕПОСТНОЙ ТРУД

(Словарик)

Б е с п р е м е н щ и н а. Состояние непременности — обязательной работы на горнозаводском предприятии. «Ране-то у нас здесь беспременщина была, в Сысерть ставили коробьями уголь» (деревня Белопащенко, Багарякского района, июль, 1928).

Г о д о в а я и з б у ш к а. Значение из выдержки: «Вновь прибежавших на завод, особенно солдат, Демидов тотчас отправлял в так называемую «годовую избушку», из которой беглые не выпускались до тех пор, пока расейский лик не превращался в невьянский — не вырастали волосы и борода... Следы от этой годовой избушки и по настоящее время есть. Она находилась на Ялупанове острове, близ Чистого болота, от Невьянского завода в верстах 7 поюжнее тагильской дороги» (В. Шишонко, Пермская летопись, Период V, Пермь, 1889, стр. 48—49).

Г о л о с и с т ы й с л е с а р ё к. Насмешливое прозвище, которым челябинские рабочие в 1900 году называли своего же брата рабочего, «прилежавшего» к церкви, певшего на клиросе.

К р е п о с т ь. Крепостная пора, крепостничество. «Известно, какое время было, — крепость. Всяко галились над человеком» (П. П. Бажов, Медной горы хозяйка).

М а т р ё н к а. Орудие для наказания горнозаводских рабочих во время крепостного права: два железных полукольца, соединённые шарнирами и запиравшиеся сзади на замок, а спереди висящая гиля весом фунтов пять. «Обычным орудием наказания служили: розги и «матрёнка», надевавшаяся на шею» (И. Сигов, На старом Урале, Молотов, 1944, стр. 121—122).

М е с я ч и н а. Продовольственный паек на месяц, получавшийся крепостным рабочим. «А приказчик наказал: «Ты им месячину выдавай, как полагается, и вели девке, чтоб обиходила избу» (П. П. Бажов, Шёлковая горка).

Непременный работник. В начале XIX века институт «приписных» крестьян был уничтожен, но с выделением из их числа для обслуживания заводов по 58 человек на тысячу так называемых «непременных работников» и с освобождением остальных крестьян от обязательных для заводов работ. «Однако, термин «непременных работников» долгое время был в употреблении только в официальных документах, крестьяне новой категории надолго сохранили старое название приписных» (И. Сигов, На старом Урале, Молотов, 1944, стр. 97).

Окладчик. До освобождения рабочих от обязательной на заводах работы жители села Аннинского принадлежали к сословию урочных работников округа Пермских казённых заводов. По сравнительному излишеству рабочих рук в том округе желающие могли поступать в так называемые окладчики, то есть вместо личной работы за умеренную плату поставлять на завод какие-либо материалы, чтобы потом свободно располагать временем для своих нужд.

Приписной. В петровское время в необжитых местах Урала стали строиться горные заводы, на которых, однако, работать было некому. В виду этого по просьбе Демидова крестьяне очень многих ближайших, а потом и отдалённых, селений были приписаны для обязательной работы как на частных, так и казённых заводах в течение определённого времени в году и ряда лет.

Урок. Задание крепостному рабочему, полученное от заводчика или его приставников, как противопоставляемое оброку. «Прикажите на уроках его оставить, али, как Прокопыча, на оброк отпустить?» (П. П. Бажов, Каменный цветок).

ПЕСНИ «РАСЕЙСКОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ

До революции жители Урала, и особенно Зауралья, считали, что они живут не в «Расее», которая находится на запад от Урала. И «Расея» — это прежде всего Москва, Питер, иногда Киев. Служить в солдаты ходили большей частью в «Расею». Из «Расеи» приходили кустари-пимокаты, портные, шерстобиты и другие бродячие мастера. Из «Расеи» гнали по Сибирскому тракту каторжников. В «Расею» шли бродяги — беглые с каторги, с поселения.

Несмотря на удалённость этой «Расеи», уральцы всё время то непосредственно, то через посредство общались с ней и хозяйственно и культурно, в том числе и в отношении устного творчества.

В песнях «расейского» происхождения особенно часты упоминания Москвы, Питера, Костромы и Ярославля.

Уход и возвращение из солдат — главнейший источник получения «расейских» песен. Один старый шадринский маляр вспоминал, что во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. формировался какой-то полк, и солдаты, прибывшие с ним, научили этого маляра, тогда маленького ещё мальчика, целому ряду рабочих песен.

Непрекращавшийся приток переселенцев — второй путь приноса «расейских» песен. В числе таких переселенцев были и бродячие кустари, которые, посещая наш край из года в год, так сроднялись с ним, что потом оседали здесь навсегда.

В заводские посёлки до реформы 1861 года то и дело притекали массы вновь купленных заводчиками крепостных из «расейских губерний».

Вот пути общения уральцев с «Расеей» на почве устного творчества, в котором чем ближе к нашему времени, тем всё больше и больше начинают появляться мотивы протеста против существовавшего тогда социального строя, а потом и прямой призыв к борьбе с ним.

* * *

Бежит речка по песку
Прямо в город, во Москву,
Прямо в город, во Москву,
Ко фабричному двору.

К нам!

Как фабричные ребята
Голы, удалы у нас.

Что голы, удалы,

Люди мудрёные

У нас!

Люди мудреные,

Кудри пудренные

У нас!

Для чего кудри пудрили,

Чтобы девушки любили

Нас!

Кудри пудриться не стали,

Любить девки перестали

Нас!

Девки сукна ткут

На двенадцать рук

Вдруг!

Девки сукон наткали,

Нам шинелей нашивали,

Шьют!

Нам не дороги шинели,

Лишь бы денежки шумели

У нас!

Во полночь деньги гремят,

Во кабак идти велят

Нам!

Мы подходим к кабаку,

Кабак заперт на крюку

От нас!

Кабак заперт на крюку,

Целовальник на боку

Спит!

Целовальник на боку,

Курит трубку табаку

Махорку!

Мы берём сороковуху,

Целовальника по уху

Бьём!

Целовальника по уху:

«Не люби нашу Катюху!»

Раз!

Записано учителем Колчеданского начально-го училища, теперь Каменского района, Свердловской области, Иваном Яковлевичем Стяжким в селе Колчедане до первой мировой войны; запись хранится в Свердловском областном государственном архиве.

Вариант этой песни, записанный в промышленной приволжской части Костромской губернии, помещён Вл. Михневичем под заглавием «Извращение народного песнетворчества» в журнале «Исторический вестник» за 1880 г., XII, стр. 772. Заглавие публикации говорит о том отношении буржуазных фольклористов к рабочему творчеству, какое было в России до Октябрьской революции.

* * *

Как по матушке по Волге
Лёгка лодочка плывёт,
За собой лодка ведёт
Да девяносто кораблей.

Как на каждом на кораблике
По пять гребцов гребут.
По пяти гребцов гребут,
Да огребаются, плывут.

Огребаются, плывут,
 Баски писенки поют.
 Баски писенки поют
 Да разговоры говорят.
 Разговоры говорят,
 Всё Ракчеева бранят.
 Что рассукин сын Ракчеев,
 Раздурацкий господин!
 Раздурацкий господин
 За столом сидит один.
 За столом сидит один,
 Графин водки перед им.
 Запивает, заедает
 Наше жалованье.
 Перво пивом,
 Друго винно,
 Третье денежное.

Что на эти больши деньги
 Будем домик заводить.
 Мы построили дома
 Да дома каменные,
 Стены марменные,
 Лавки медны,
 Пол железный,
 Из хрусталоу потолок.
 Во Москве один домок,
 Он не хуже и не лучше
 Государева дворца.
 Разве тем-то он похуже,
 Нет золотого орла.
 Много денег накоплю
 Да во Шадрин-город пошлю,
 Золотой орёл солью
 И на стену приколочу.

Записано в начале 1935 года в гор. Свердловске со слов уроженки села Першинского, Далматовского района, Курганской области, Степаниды Фёдоровны Помазкиной, под 60 лет. По словам сказительницы, эта песня известна очень давно и исполнялась во время свадебных гулянок; и теперь-де песню поют старухи на родине сказительницы, где ею она заучена в детстве.

Данная песня историческая, про временщика Аракчеева. Одновременно она является и рабочей: от лица рабочих высказывается недовольство, что на деньги, принадлежащие рабочим, граф «заводы заводил, палатки становил».

* * *

В шестьдесят четвёртом годе
 У Брюханова в заводе
 Машинист рано вставал,
 Нас на сменушку сзывал.
 Нам не хочется вставать,
 С полуночи работáть.
 Я нарочно упаду,

Под машину попаду,
 Белу ручку оборву.
 За прикащиком пошлют...
 Вот прикащики идут,
 Да стальные ключи несут.
 Белу рученьку найдут,
 Во больницу унесут.

Записано 14 сентября 1937 года в Нижне-Исетске от бывшего заводского рабочего Николая Ивановича Рожкова; родился он в 1866 году в деревне Вохренивой, Верхнейской волости, Макарьевского уезда, Костромской губернии.

Закончив песню, сказитель прибавил: «Лучше руки лишиться, только бы тяжёлой работы не работать».

Песня — несомненный вариант напечатанной в «Русских ведомостях» за 1888 год, № 21; записана она в Московском уезде. Это образец ран-

них рабочих песен с пассивным протестом против капиталистического гнёта. Нужно было совершиться революции 1905 года, чтобы рабочий класс окончательно прозрел и понял, что его истинный враг — не машины, а капиталистическая система.

* * *

Встань, проклятая машина,
Дай хоть раз мне отдохнуть,
Дай хоть раз усталой грудью
Посвободнее вздохнуть!
Но не слушает машина,
Знай, стучит себе, стучит.
«Отдохнёшь в сырой могиле» —
Этот стук мне говорит.

Записано 7 октября 1936 года в гор. Верхне-уральске от местного уроженца (1890 г.), бухгалтера театра Павла Ивановича Федосеева, слышавшего песню в годы первой русской революции.

* * *

«Посоветуй, Лизавета,
Как же лучше, друг, нам жить?»
«А не лучше ли, друг Катя,
С мешком по миру ходить?
Соберём с миру по гривне,
Будем весело мы жить:
Мы найдём себе квартиру
В роще Марьиных кустов,
Мы на мягкой на перине,
На осиновых листьях,
На высоком на зголовье —
Ладно, кочка в зголовях».

Записано 30 января 1940 года в гор. Шадринске от 65-летнего маляра и жестянщика Сергея Семёновича Каргополова.

* * *

Надоела кузница,
Надоел свисток,
Надоело зубило,
Надоел молоток.

Нас хозяин плохо кормит,
Как скотину на убой:
Каша пшенная немыта,
Хлеб чёрный да черствой.

Записано 28 сентября 1938 года в гор. Шадринске от плотника Василия Константиновича Лесных, 58 лет.

ЗИМОГОРСКАЯ

До чего ж я, милка, дожил:
Всё распродал, измотал,
Хлеба, соли не купил,
На работу не ходил.
А хозяин бедной хаты
За квартиру просит плату:
«Деньги, деньги, эй, болван,
Выворачивай карман!»
А в желудке непорядки —
Тошнота и лихорадка.
На дворе-то уж зима,
А голь-то без ума:
Ноги босы, без лаптей
И кафтанчик без локтей.
Если хочешь, песни пой,
А не хочешь, волком вой.
Иди с богом по дворам —
Сядни здесь, а завтра — там.

Записано 23 июня 1940 года в рабочем поселке Чебаркуль, Челябинской области, от бывшего казака Алексея Ивановича Любимова, 67 лет. Песню он заучил в 1891 году от «зимогоров» — рабочих-сезонников, строивших полотно железной дороги от Златоуста на Челябинск.

* * *

Как на месте на пустом
Выростал огромный дом.
Во гостиный ряд зайдём,
Мы не то ещё найдём.
Там чугунная дорога,
Она строилась три года.
Шириною три аршина,
По ней бегают машина.
Не качает, не трясёт,

Вроде вихорю несёт.
И воды-то пьёт помногу,
За то стонет и пищит,
За собой много тащит.
Отдал денежки на месте,
Укатился вёрст за двести.
Отдал деньги все я вдруг,
Укатился в Петербург.

Записано 14 декабря 1941 года от уроженца (1879 г.) села Чудняковского, Уксянского района, Курганской области, бывшего крестьянина, а потом советского служащего Алексея Павловича Мотовилова.

* * *

Пойду, выйду на ту горку,
Посмотрю я в ту сторонку,
Где железная дорога.

Она строилась три года.
Она песком-то усыпалась,
И чугуном-то улевалась.

По краям железны шинья,
По ей бегают машина.
Бежит первая машина —
Провожает отец сына,
Бежит вторая паровая —
Провожает мать родная.
Бежит третья пассажирка —
Провожает да меня милка.
Бежит четвёртая
Да с красным флагом.
Я, мальчишко,

Да слёзно сплакал.
Как на машину я садился,
Со всем миром распростился.
Со всем миром распростился,
Да с тобой, мамонька,
Да спозабылся.
«Вы позвольте мне
воротиться
Да мне со маменькой
Да распроститься».

*Записано в гор. Шадринске 22 декабря
1939 года от жены рабочего горлесхоза, урожен-
ки села Песчано-Колядинского, Уксянского рай-
она, Курганской области, Анны Исаевны Глазы-
риной, 48 лет.*

ПЕСЕНКА ТОРФУШЕК

На болоте маялась,
На хороших зарилась.
Лучше бы не зариться
И от них избавиться.

На болоте мы живём,
По карьерам ходим,
Годовые праздники
Во слезах проводим.

Очень трудно нагибаться
За черною торфиной,
А еще того труднее
Походить с корзиной.

«Уж вы, милые торфушечки,
Поедьте домой —
На родимой на сторонке,
Скоро праздник годовой».

Просвистел свисток на смену,
Закипела во мне кровь.
Закипела во мне кровь,
С милым кончилась любовь.

«Эх, ты, милая моя,
Какая горемычная,
Надоела нам с тобой
Работушка фабричная».

*Извлечено из рукописного песенника, состав-
ленного крестьянином, уроженцем (около 1900 г.)
села Кресты, Шадринского района, Дмитрием
Михайловичем Тороповым; записано около
1918 года (собрание В. П. Бирюкова);*

Столбы ставили
Да вплоть до рёчушки.
Вплоть до рёчушки
Да вплоть до быстрою.
Унесла речка
Да дружка милого.
Унесла его
Да во своих волнах.

Мне-ка милый друг,
Да он наказывал,
Да не один он раз
Да мне говаривал:
«Ты не плачь, не плачь,
Баска, хорошая,
Ты не лей слёзы
Вдоль по белому лицу».

Записано 13 сентября 1949 года в селе Огневском, Багарякского района, Челябинской области, от 90-летнего крестьянина, большого любителя петь песни, Никандра Карповича Филинкова.

По всем признакам, песня местного происхождения: до революции здесь то и дело были земельные тяжбы и сюда выезжали межевые работники, что и дало повод ввести образ землемеров в эту песню.

* * *

Уж вы, братцы, вы, товарищи мои,
Не с одной ли вы сторонухи со мной?
Не скоро ли поедете домой?
Вы скажите моей мамоньке поклон,
Разлапушке на особицу одной:
Не ждала бы по теплу лету домой,
Дожидалась по студёной по зиме,
Когда травонька спосохнет на земле,
Алы цветики поблекнут на траве,
Когда реченьки закроются ледком,
Западут пути-дороженьки снежком.
Ах, ты, девица, красавица моя!
Сызмалёшенька приметил я тебя.
Подрастать стала — влюбился я в тебя.
Вечор был я в Колчедане-слободе,
Очутился на почтовом на дворе,
Получил письмо от милой от своей.
Получивши, на белые руки брал,
Распечатал, головушкой покачал.
Прочитавши, полились слёзы из глаз,
Будто Сашенька неверна больше мне,
Будто Сашенька другому отдана.

Записано 31 октября 1937 года в гор. Свердловске со слов вдовы учителя Александры Михайловны Вавиловой (1871 г.). Песню она слышала в возрасте 13 лет от мельника Колосова (на Исети).

Там за речкой, за рекой,
За Дунайкой широкой,

Припев:

Ели, ели, ель фарфор,
За Дунайкой широкой.

Там мальчишко гуляет,
Сам девчонке моргает:

Припев:

«Скажи моей Лизоньке,
Во чёрненькой юбочке

Припев:

Пусть она меня не ждёт,
А пущай замуж идёт.

Припев:

Уж я парень молодой,
Ну, при том, что богатой:

Припев:

Тройка коней вороных,
Две кареты золотых.

Припев:

Колесочки кованы,
Подрезочки собраны».

Припев:

Пойду с горя во лесок,
Паду грудью на песок.

Припев:

Паду грудью на песок,
Выкопаю корешок.

Припев:

Выкопаю корешок,
Я прямою на реке.

Припев:

Я прямою на реке,
Вскипачу я в молоке.

Припев:

Корешок мой не кипит,
Мил на двор мой не глядит.

Припев:

Корешок мой закипел,
Мил на двор мой прилетел.

Припев:

«Ты зачем сюда летишь,
Когда знать нас не хочешь?»

Припев:

«Прости, душа-виноград,
Сказал слово, сам не рад».

Припев:

По записи ученика начальной школы села Сычевского, Курганского округа, в 1880 году; из архива учителя К. Я. Маляревского (собрание В. П. Бирюкова).

Там за речкой за Брезгой
Девка мылась водой.
Она мылась, умывалась,
Белым платьем утиралась.
Белым платицем утёрлась,
За хорошим погналась.
Крутым бережком бежала
И сустигчи не могла,

Громким голосом кричала,
Докричаться не могла.
Тяжелёшенько вздохнула,
Мой-от милый услышал.
Мой-от миленький услышал,
Взял товарищам сказал:
«Вы, товарищи-ребята,
Содержите лошадей!

Судержите тройку коней,
Мы отправимся назадь.
Мы отправимся назадь,
Будем девушке пенять:
«Эх, ты, глупая девчонка,
Зачем гонишься за мной?
Зачем гонишься за мной,
Я топерича не твой.
Я топерича не твой,
Я хожу не за тобой».

Перстень на руку надену,
Сама голосом реву,
Ещё плачу и рыдаю,
Из семьи никто не знат.
Что ни то что из семьи,
Все подруженьки мои.
Задушевная подружка
Про всё горе моё знат.
Про всё горе моё знат,
Горевать не пособлят.

Записано 5 апреля 1939 года в гор. Шад-ринске со слов 45-летнего уроженца деревни Смирновой, Далматовского района, Курганской области, Ильи Фёдоровича Харламова; песня заучена им у себя на родине в молодых годах.

ЧАСТУШКИ

На моём-то на сердечке
Ледешок да камешок.
Ледень тает, камень давит,
Грудь болит, тоска долит.

Насадилa грядку луку,
Думала, не горький.
Полюбила милого,
Думала, не бойкий.

Я одна, я одна
Речку смирила до дна.
Никто болечку не любит,
Я насмелилась одна.

Я свою-то шаль пухову,
Все в платочке берегла.
На своего на матаню
Наглядеться не могла.

Эх, подружка, лес с травой,
Подружка, любят нас
с тобой,
Что тебя — за красоту,
Меня — за ум, за ласкоту.

Что ты, боля, редко ходишь, —
На неделе один раз.
Твой товарищ, удалина,
Постояннечко у нас.

Дай, бог, снежку,
Гладеньку дорожку,
Ко мне миленький придёт
К самому окошку.

Попой повеселее
Ты, моя болиночка,
От сердечка отвалися
Горя половиночка.

На горе стоит берёза,
А я думала, Серёжа.
Я с берёзой обнялась
И слезами улилась.

Милый пишет мне письмо:
«Милка, носишь ли кольцо?»
Я ответ ему пишу:
«Распаялось, не ношу».

Ох, колечко пало в речку,
Перстенёк пошёл ко дну.
Скажи, миленький, по
совести,
Любишь двух али одну.

Гори бор, гори сырой,
Гори в бору сосёнка.
Отнимают у меня
Последнего милёнка.

Это что это за рынок:
Нет базару коинного.
Это что это за боля:
Нет пальта суконного.

На крылечке две дощечки
Ветром перекинуло.
Мы с милёнком не
видались —
Два годочка минуло.

Дай, подруга, карандаш,
Напишу, так передашь.
Если спит, так не тревожь,
На белу грудь ему положь.

Хорошо любить духанечку
Богатого отца:
На бутылку не достанет —
Он утащит пуд овса.

Гори бор, гори сырой,
Гори в бору сосёночка;
Полюбила богача
Бедная девчоночка.

Не люби, милой богатой,
Если бедна по душе.
Не строй каменно строенье,
Проживём мы в шалаше.

Тоже, тоже я задуну
Перед богом две свечи.
Отставать, подружки, надо,
Задаются богачи.

Никогда не изломаю
Медну трость гранатую.
Никогда не променяю
Бедну на богатую.

Ты играй, играй, гармошка,
Коленкоровы края,
Уж последнюю милашку
Отбивают у меня,

Отбивают кулаки,
Сговорили у реки.
За высокие хоромы,
Тятенька, не выдавай.
Человек дороже денег, —
Человека выбирай.

На окошечке герань,
Широколистая, не вянь.
Задумевшая подруженька,
Прошу, не грубеянь¹.

У моей-то грубейки²
Двадцать два сударика:
Два женатых, два седых,
Восемнадцать холостых.

Сеял репу и корепу³,
Ни котора не взошла;
Любил бедну и богату,
Ни котора не пошла.

Неужели конь вороный
От куста отвяжется?
Неужели моя милка
От меня откажется?

Моя милка — богомолка.
У заутрени была,
Шубу нову промолила,
Шаль пухову пропила.

Знаю писню про Анисью,
Как блины она пекла:
Сковородочку на полочку,
Сама плясать пошла.

У меня милёнка два:
В том краю и в этом.
Одного люблю зимой,
А другого летом.

Все ребята в дипломатах,
Мой-от милый в зипуне.

¹ Не соперничай.

² Соперница.

³ Брюква.

Мой-от милый в зипуне
Да семь заплаток на спине.

Меня милый разлюбил,
Что же я поделаю?
Пойду к речке к проруби,
Вокруг её побегаю.

Мы с милёночком расстались
И пошли по сторонам.
Он запел, а я заплакала —
Легко ли было нам?

Мамонька родимая —
Свеча неугасимая.
Мамонька неродная —
Похлебочка холодная.
Кабы родная была,
Щей горячих налила.

Хорошо тому гулять,
У кого родима мать.
У меня, у мальчика, —
Зла лихая мачеха.

Сяду я на табуреточку,
На самый уголок.
Кабы был родимый тятенька,
Обул и оболук.

Травонька-муравонька,
Косила не мамонька.
Я по этой травоньке
Пойду к родимой мамоньке,
Я по этому овсу
Пойду к родимому отцу.

На углу фонарь болтался,
Я прикуривал табак.
Я просил отца жениться,
Он сказал: «Гоняй собак!»

Моей милке — светлый день,
Мне — тёмная ночка,
Породила меня мать,
Несчастливого сыночка.

Меня дома бьют, ругают,
Что помногу хлеба ем.
Шейте белую котомочку,
Уйду, не надоем.

Породила меня мамка
На высокой на горе.
Довелось пошататься
По чужой по стороне.

Без меня меня женили,
Я на мельнице был.
Без меня стол столовали,
Я в овине молотил.

В поле качкая берёза,
Пойду покачаюсь.
На примете есть девчонка,
С нею обвенчаюсь.

Мы о масленке катались,
Троечку замучили,
Задушевную подружку
Замуж заporучили.

Разбудила утром мамонька
Младёшеньку меня:
«Ты вставай, родима
доченька,
Просватала тебя!»

Мамонька косматенька,
Зачем меня просватала?
Все подруженьки запели,
Я одна заплакала.

Мамонька, не бай, не вой,
Сердечко не расстраивай,
Дом плохой, жених баской,
Уйду, не разговаривай!

На дороге круглый дом,
Через годик буду в нём,
Через годик, через два
Большухой в доме буду я.

Записаны в разное время в различных районах Урала.

2. СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ ЦАРСКОЙ АРМИИ

* * *

Расскажу вам своё горе:
Во солдатушки берут.
Царь-мучитель,
Царь-гонитель
На шестнадцать лет берёт.
На шестнадцать лет берёт,

Меня горюшко берёт.
Мамку старую оставил,
Свою милку дорогу,—
На кого я их покину?
Ни на брата родного,
Ни на друга своего.

Записано 13 июля 1937 года в гор. Шадринске от уроженки села Ново-Петропавловского, Уксянского района, Курганской области, Елизаветы Петровны Ляпустиной. (1874 г.).

* * *

Нам пришёл указ,
Да нерадостный:
Из троих сыновей
Во солдаты сдать.
Отец с матерью
За столом сидят,
Думу думают:
«Из троих кого
Во солдаты сдать:
Уж нам сдать ли
Сына большего? —
У большого сына детей
много.

Уж нам сдать ли не сдать
Сына среднего?
У среднего сына
Жена умна.
Сдать ли, не сдать
Сына младшего,
Сына младшего,
Неженатого?»
Тут и малый сын расплакался,

Отцу-матери
Разжаловался:
«Уж вы, тятенька,
Уж вы, маменька,
Разве я вам —
Не кормильщик ваш?»
«Сыновья вы,
Наши сыночки,
Выходите-ка
На широкий двор,
Выходите-ка
Да во сырой бор,
Срубите-ка
Да по кустику,
Вырубьте
Да по жребию:
Которому в солдатах
быть?»
Во солдатах быть
Сыну малому,
Сыну малому,
Неженатому.

Записано в бывшем Златоустовском округе в ноябре 1935 года.

* * *

Отправляюсь в путь-дороженьку,
В путь-дороженьку незнамую.
Шириною она неширокая,

Долинóю она конца краю нет.
Никто-то по ней не прохаживал,
Никто следичка не прокладывал.
Только гнали по ней один табун коней;
Наперёд-от идёт свет чубарый конь,
На коне-то сидит добрый молодец.
Он не пьяный сидит, сам шатается,
И слезами он заливается,
На все стороны низко кланяется:
«Прощай, тятенька, родная мамонька!
Прощайте, дом-семья, молода жена,
Молода жена, малы детоньки!»

*Записано 11 августа 1937 года в гор. Ка-
менск-Уральском от вдовы заводского рабочего
Марии Евдокимовны Надеиной (1870 г.).*

*По её словам, песню эту пели при проводах
рекрутов.*

* * *

Во солдатушки, братцы, снарядился.
Я солдатчины, братцы, не боюсь —
Я на денежки, братцы, откуплюся...

Нынче денежки, братцы, не помога —
Доброму молодцу путь-дорога.

Запрягайте-ка, братцы, пару коней,
Пару коней, да вороную
Во кошёвку да в голубую.

Вы везите-ка, братцы, в Шадрин-город,
В Шадрин-город, да во приёмну.

Как во этой во приёмной да стоят стулья,
Как на этих стульях да сидят судьи...

(Конец забылся)

*Записано в гор. Шадринске 30 октября
1945 года со слов уроженца (1921 г.) деревни
Квашниной, Боборыкинского сельского совета,
Шадринского района, Курганской области, — сту-
дента Шадринского педагогического института
Михаила Александровича Колмогорцева. Песню
он слышал в селе Грязновском, Богдановичского
района, Свердловской области, от Е. Топорковой.*

* * *

Зима лютая проходит,
Весна красна настаёт,
У солдата сердце мрёт.
Солдат дома не живёт,

Летом в лагери пойдёт:
Поутру рано встаёт,
Черный мундир надяёт,
На занятию идёт.

*Записано 1 июля 1937 года от уроженца
села Уксянского, того же района, Курганской
области, Василия Максимовича Зайкова, около
50 лет.*

* * *

Богаты мужики — настоящи дураки:
Пальцы режут, зубы рвут,
Во солдаты жить нейдут,
А солдатам завидуют:
«Хорошо в солдатах жить —
Есть что пить и что поесть...»
А что поставят, то и ешь,
А что заставят, работай,
А куда пошлют, беги скорой...
Я маленько загузался —
С красной девкой застоялся.
Оглянулся я назад,
Два ефрейтора стоят...
Уж я начал тут божиться —
Приказали становиться.
Уж я начал тут правдаться —
Приказали раздеваться.
Не успел я сказать речь,
Исстегали спину с плеч.
Хоть и спинушка избита,
Так сударушка нажита.
Хоть побили меня больно,
Так погуляно довольно.

*Записано в декабре 1934 года в деревне
Батлашово, Пермско-Сергинского района, Моло-
товской области, от колхозника Гордея Михай-
ловича Улитина, 63 лет.*

* * *

Летала павá
Да через сини моря.
Уронила павá

С крыла пёрышко.
Мне не жалко крыла,
Жалко сизого пера.

Мне не жаль мать-отца,
Жалко молодца.
Как за тем молодцом

Да служба царская,
Служба царская,
Государская.

Сообщила в 1935 году в гор. Чердынь служащая Юлия Васильевна Засухина, уроженка (около 1895 г.) села Осинская Дуброва, Молотовской области; песню заучила в 1911 году.

Ой, по дороженьке было
Да по широкой,
Тут шла-прошла
Да силушка-армия.
Сила-армия,
Да конно-гвардия:
Три полка солдат,
Да всё молодые.
Всё молодые
Да безбородые.
Среди полка
Да знаменá несут.
Знаменá несут,
В барабаны бьют.
Во поход идут,

Да во дорожечку.
Во дорожечку
Да во печальную.
«Братцы-молодцы,
Где нам день-то дневать,
Где нам день-то дневать
Да ночьку коротать?»
Во сыром бору,
Да во тёмном лесу.
Мать сыра земля —
Ты постелюшка,
Злато кореньице —
Наше зголовьице,
Буйны ветры выют —
Наше одеялышко.

Получено 30 июля 1951 года от учительницы гор. Троицка, Челябинской области, Марии Шевченко, записавшей песню от местной жительницы Марии Алексеевны Ильиной, 65 лет.

Мимо лесуку, мимо тёмного,
Мимо садику, мимо зелёного
Тутó шли-прошли три полка солдат,
Три полка солдат да новобранные.
Нынче набраны да в поход высланы.
В поход высланы в Еруслан-город.
Что охотнички на гору взошли.
На гору взошли, ружьём сбрякнули,
А полковнички песню грянули,
Что невольнички слёзно сплакали,
Свою сторонушку вспомянули:
Наша сторонушка — дороженька торная,
Уж ты торная да не пробитая,

Что никто по ней не проезживал,
Никто следичку не прокладывал —
Только шли-прошли три полка солдат.

Записано 20 июня 1946 года в гор. Первоуральске (бывший Васильево-Шайтанский завод), Свердловской области, от местной уроженки (1863 г.) Александры Ильинишны Злоказовой — дочери и вдовы заводского рабочего; вспоминать песню помогала её дочь Таисья Ивановна Демидова, 57 лет.

* * *

Ой, да ты, дорожка ли моя, дороженька,
Дорожка широка.
Ой, да никто-то по этой дороженьке,
Никто-то не проедет.
Ой, да только шли-прошли по той дороженьке
Обозы казённые.
Ой, да за обозами, да за казёнными
Молоды солдаты.
Ой, да размолоденьки братцы-солдатушки
Во круг становились.
Ой, да они думали братцы-солдатушки,
Думу за едино:
«Ой, да ещё где-то нам, братцы-солдатушки,
Зиму зимовати?
Ой, да что по сёлам-то, по деревням-то,
По разным фатерам».
Ой, да одному из них братцу-солдатушку
Фатерушки нету.
Ой, да нашёл-то, нашёл молодой солдат
Фатерушку нову.
Ой, да как фатерную хозяйку —
Вдову молодую.
Ой, да как прошла-то, прошла про эту вдовушку,
Прошла худая слава.
«Ой, да ты сойди-ка, сойди, да молодой солдат,
Сойди со фатеры,
Ой, да сними-ка, сними, да молодой солдат,
Сними худу славу».

Сообщила нижнетагильская уроженка, дочь рабочего Васса Демьяновна Кулешова, лет 52—53, слышавшая песню в раннем детстве от своих близких; сообщено 10 марта 1937 года.

Увелька — река восточного склона Южного Урала, протекающая по Челябинской области и в районе гор. Троицка впадающая в реку Уй (левый приток реки Тобола).

* * *

Шёл служивенький из армии,
Заходил в село богатое.
У ворот стоит девчоночка.
«Что ты, девица, задумалась,
Ты не чешешь буйну голову,
Не плетешь ты косу русую?»
«Я, служивенький, не девушка,
Не вдова и не молодушка.
У меня мужа дома нету-ка —
Он ушёл на службу царскую.
Когда шесть лет исполнится,
Мой муж назад воротится
И моё сердце успокоится».
«Саша милая, взгляды ты в меня!
Я — твой муж, солдатик раненый».
Саша пала на грудь милого
И заплакала.

*Записано в гор. Первоуральске 20 июня
1946 года, со слов местной уроженки (1863 г.),
вдовы рабочего Александры Ильинишны Злока-
зовой.*

ЧАСТУШКИ

1. Солдатские

Вы гуляйте, рекрута,
Забритые головушки —
Может, вечно не видать
Родимые сторонушки.

Нас погонят,
Как овец.

Неужели нас потащат,
Неужели поведут,
Прямо в саночки посадят,
До приёмны повезут?

Нас в солдаты записали,
Дали волю погулять.
Можно раньше догадаться,
Что нам дома не бывать.

Думал, думал, не забреют,
Думал, мать не заревёт,
Как приехал из Уксянки —
Мать катается, ревёт.

Ты не плачь, моя милая,
У приёмного окна,
Всё равно меня забреют,
Ты останешься одна.

Вы не плачьте,
Мать, отец,

Вы не плачьте, красны
девушки,
По нам, по молодцам,

Ведь не ваши косы режут—
Горе нашим волосам.

Ты, милашка, светик мой,
Погляди в окошко.
Во солдаты повезут—
Пореви немножко.

Прощай, матушка Исеть,
С крутыми горами!
Прощай, милочка моя,
С горячими слезами!

Ох, милка моя
При великом горе:
Во солдаты отдадут,
Не видаться боле.

Неужели ты повянешь
На горе, зелёный сад?
Неужели, милка, бросишь,
Не дождёшься из солдат?

Бреют, бреют, не жалеют,
Во солдаты нас сдадут.
Во солдаты нас сдадут,
Нам оружия выдадут,
Вместо милочки моей
Дадут серую шинель.

Женят, женят нас,
                    молодчиков,
Во нынешнем году.
И дадут нам по невесте—
По казённому ружью.

Вы гуляйте, молодцы,
Забритые головушки.
Нас забреют, увезут
На чужу сторонушку:
Царю на руки сдадут,
По винтовочке дадут.

Не вино меня шатает—
Меня горюшко берёт.
Я не сам иду в солдаты—
Меня староста ведёт.

Всё надеялся, надеялся,
Работал до конца.
Теперь не на что надеяться—
В солдаты молодца!

Привыкайте, серы гуси,
Ко студёной ко воде.
Привыкайте, новобранцы,
К чужой-дальней стороне.

Как солдатик горе мыкал
Хуже лапотного лыка;
Принимай, солдат, пинки
За горячие блинны,
Принимай, солдат, лутошки
За горячие лепёшки.

Ох, ты, мамонька, не вой,
Я теперича не твой—
Я теперь казённый сын,
Под начальством под
                    большим.

Я — не пахарь, тятка, твой,
Не рачитель домовой.
Не рачитель домовой,
Я — солдатик рядовой.

2. Девичьи

Милый мой, хороший мой,
Я водичку выпью.
Пока служишь ты в
                    солдатах,
Я в годочки выйду.

Посмотрела бы теперь,
Что мой милый делает:
Шинелку серую надел,
По казарме бегаёт.

Ой, далёко мил стоит,
В городе Казани;
Не с кем весточку послать
Дорогому Ване.

Износила кофточку,
Починю заплаточкой.
Я во нонешнем году
Осталась солдаточкой.

Хорошо коню вороному
По табору бежать.
Тяжело моёму милому
Винтовочку держать.

Девки-матки, прошли святки,
Всё весёлы вечера.
Поглядеть бы на милёнка,
Как он служит у царя.

Возле берег плывет лебедь,
Под себя воду гребёт.
На кого была надежда,
Тот в солдатики уйдёт.

Эх, ну, калину гну,
Калина нагибается.
Ох, последний миленький
В солдаты собирается.

Мне сказали, гуси пали —
Гуси по мосту идут;
Мне сказали, Ваньку
женят —
Ваньку в рекруты берут.

Не от радости гармошка
Заиграла во руках.
Не от радости милёночек
Гуляет в некрутах.

Полно, милый, пить-кутить,
Нам не долго с тобой жить:
Тебя в солдаты заберут,
Меня замуж отдадут.

Вышел милый из приёмны,
На колени прямо пал:
«Плохо, милочка, моли-
лась —
Я в солдатики попал!»

Отворяй-ка, мама, двери,
Мама, едет становой,
Подаёт он мне записочку:
Забритый милый мой!

Алапаевска дороженька
Слезами улита —
Вся слезами улита,
По ней катились некрута.

Сдали мальчиков в солдаты
По большой неволюшке,
Стало некому работать
Во широком полюшке.

Записаны в разных районах Урала.

3. ПЕСНИ ХОРОВОДНЫЕ, ПЯСОВЫЕ, ШУТОЧНЫЕ

* * *

На что, милый, огородик городишь,
На что белую капустку садишь?
Огород не городится,
Белая капуста не родится.
Лучше с миленьким по садичку пройдем
Да за белы ручки схватимся.
Коло Маши женихи бьются,
Они бьются, Машу сватают.
«Уж вы сватайте, не сватайте меня —
Есть большая, есть середняя дочь,

Я у тятеньки последняя дочь».
Есть у Машеньки русая коса,
Во причёсочку убраны волоса.
Я за эти волоса, волоса
Поцелую молодца три раза.

Под эту песню молодые люди ходили парочками, а по окончании её целовали друг друга.

Записано 25 августа 1938 года в гор. Каменск-Уральском от вдовы рабочего Марии Евдокимовны Надеиной (1870 г.).

* * *

Заставляет меня милый
Банюшу топить.
Подле баню хожу, баю,
Будто банюшу топлю.
Заставляет меня милый
Водушку носить.
Возле воду хожу, вою,
Будто водушку ношу.
Заставляет меня милый
Веничек искать.

Возле веник хожу, вою,
Будто веничек ищу.
Заставляет меня милый
Мылочко искать.
Подле мыла хожу, мылю,
Будто мылочко ищу.
Заставляет меня милый
Щёлок щелочить.
Уж я щёлок щелочу,
Сама надселась, хохочу.

Записано 16 декабря 1937 года в гор. Каменск-Уральском от технической работницы Каменской районной библиотеки Евдокии Наумовны Козловой, 55 лет. Песня хороводная.

* * *

Ну, где это видано,
Где это слыхано:
Поросёнок яичко снёс,
Перепёлка жеребёнка принесла,
На печи петух объягнулся,
Сковородник нарумянился,
На базаре сын отца продаёт,
На оборотке поваживает,
Полтора ста запрашивает, —
Полтора рубли — набитая цена.
Старичонко поскакивает,
Бородёнкой потряхивает.

Записано во второй половине 1936 года в гор. Свердловске от уроженца села Першинского, Далматовского района, Курганской области, Мелетия Афанасьевича Пауесова, 55 лет; сказитель — большой любитель пения. Плясовая.

* * *
 Уж ты, коваль, ковалёчек,
 Коваль, миленький дружочек!
 Что коваль, что коваль,
     Ковалёчек.
 Скуй-ка, ковалёк,
 Топорок, топорок,
     Топорочек.
 Мы поедем во лесок,
 Срубим серенький дубок.
 Что дубок, что дубок,
     Что дубочек.
 Срубим серенький дубок
 Под самый корешок,

Корешок, корешок,
     Корешочек.
 Мы поставим Дуне
 Таганок, таганок,
 Таганок, таганок,
     Таганочек.
 Мы поедем в городок,
 Купим Дуне положок,
 Положок, положок,
     Положочек.
 Мы покроем Дуне
 Таганок, таганок,
 Таганок, таганок, таганочек.

Записано 13 сентября 1939 года в г.р. Тро-
 ицке от 50-летней казачки поселка Катенинского,
 Варненского района, Челябинской области, Ека-
 терины Гавриловны Шадских. Плясовая.

* * *
 Мимо рощицы дороженька торна,
 Что торным торна, пробита до песка.
 Знаю, знаю, кто дороженьку торил —
 Добрый молодец ко девице ходил,
 Много злата, много серебра носил.
 Шаль атласную на белую на грудь,
 На праву́ руку — брильянтово кольцо.
 Повела дружка в гостину горницу,
 Наливала стакан Горского вина,
 На закусочку конфетик поднесла.
 Поднесла, сама выпрашивала:
 «Ты, любитель ли, любитель дорогой,
 Не одну ли ты сушишь, крушишь меня?»
 «Я сушу, крушу семь девушек,
 А восьму-то солдатку молодую,
 А девятую — чужую мужнюю жену.
 А десятую-то, разлапушка, тебя».
 «Отойди ты прочь, мерзавец, от меня!»
 Вот пошёл, пошёл любитель дорогой...
 «Ты прости, прощай, гостина горница!
 Ты прости, прощай, кроватька тесовá!
 Ты прости, прощай, перина перовá!
 Ты прости, прощай, подушка пуховá!
 Вы прощайте, столбы то́ченые,
 Подворотенка чистого хрусталя!»

Замешала Марьюшка
 квашёнку на дрожжах —
 Не удержишь на вожжах.
 Замешала на опаре —
 Не удержишь на аркане.
 Положила соли —
 Стала квашня боле.
 Положила гущи —
 Стала квашня гуще.
 Поставила на чело,
 Три недели процвело.
 На четвёртую неделю стала
 пениться.
 На пятую неделю стала
 мягоньки катать,
 На пороге затигать,
 В пече поджаривать.
 Уж я мягких добывала,
 Три лопаты изломала,
 Кочергой скребла,
 Кулаки сожгла.
 Стала плакать, горевать:
 Куда мягоньки девать?
 Положу я в коробок,
 Повезу я в городок,
 Стану в калачный ряд.
 Никто мягоньки не купит,
 Никто даром не берёт.

Шли, прошли черноусы
 молодцы,
 Обценили по три денежки
 коврижку,
 По копейке каравай,
 Куда хошь его девай,
 Хоть собакам раздавай.
 Стала стряпка горевать:
 Куда мягоньки девать?
 Положу я в коробок,
 Повезу я в городок.
 У попа была свинья,
 Тупорыла госпожа,
 Она есть-то не поела,
 Только рюшку замарала,
 Три недели прохворала,
 На четвертую пропала.
 Стала стряпка горевать;
 Куда свинушку девать?
 Положу её на дровни,
 Повезу её я в горы.
 По лошадушке стегнула,
 Со дровней свинью
 столкнула.
 Стали свинку погребать,
 Стали стряпку проклинять:
 «Будь ты трою проклята!»

Записано в ноябре 1944 года в гор. Шадринске от домохозяйки Галины Семёновны Волковой, 48 лет.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

До Октябрьской социалистической революции женщина в России была существом бесправным и в политическом отношении и в семейном быту. В сельской общине женщины были не в счёт: хоть десять дочерей будь в семье и ни одного сына, хозяйство получало землю только на одну «душу» — на самого хозяина и, наоборот, при наличии множества мальчиков-малолеток количество «душ» исчислялось по числу мальчиков.

Конечно, никакими избирательными правами женщина не пользовалась. Больше того, почти до первой мировой войны женщина не имела права поступать на государственную службу, или это было связано с множеством ограничений.

О положении женщины в семье говорить не приходится. Большая часть обряда крестьянской свадьбы — оплакивание девичьей воли, с которой надо было прощаться при выходе замуж.

* * *

Калину с малиной
Вода подняла.
На ту пору матушка,
Не спросившись разума,
Меня замуж отдала
За неровнюшку,
В чужу сторонушку.
Чужая сторонушка
Без ветра сушит,
Чужой отец с матерью
Безвинно крушит.
Посылают молодую
Во полночь по воду.
Зябнут, зябнут ноженьки
У ключа стоять,
Прищипало рученьки
К коромыслицу,
Текут, текут слёзыньки
По белу лицу.
Утираю слёзыньки
Белым я платком.

Не буду я у матушки
Ровно три годка,
На четвёртый к матушке,
Пташечкой полечу —
Горемычной пташечкой,
Кукушечкою.
Сяду я у матушки
В зелёном саду,
Своим кукованьем
Весь сад иссушу,
Слезам горючими
Весь сад потоплю.
Старшая невестка
Велит застрелить,
Младшая невестка
Велит погодить.
Родная сестрица,
Зальётся слезьми:
«Не наша ли горюша
Прилетела пташечкой
С чужой сторонушки?»

Записано в 1935 году в гор. Шадринске от уроженки села Шутинского, Катайского района, Курганской области, Клавдии Степановны Боголеповой (1865 г.).

* * *

Я родилась в новой бане на полке,
Пеленалась в огороде в борозде.
Стара бабушка¹ догадлива была:
По три гривенки с родименьки взяла,
А попу-батюшке десять алтын,
Попадье-мати — коровушку,
Целовальнику — тиковы штаны,
Целовальнице — кукишечки в шары².

Сообщила 25 июля 1952 года учительница села Топорищево, Ольховского района, Курганской области, Анна Архиповна Васильева, заучившая песню от своей матери Марфы Фёдоровны.

¹ Повивальная бабка.

² В глаза.

Песня по своему назначению плясовая, но рассказывает о былом положении рожениц, которых обирали все, начиная от повитухи и кончая целовальником, не говоря уже о том, что родить приходилось в самых неподходящих местах, как баня, хлев.

* * *

Во лузях было, во зелёных лузях,
Там вырастала травонька шёлковая,
Шёлковая, полушёлковая.
Я на этой траве выкормлю коня.
Уж я выкормлю, выглажу его,
Снаряжу коня во золоту узду,
Хвост и гриву алой лентой перевью.
Запрягу коня в карету золоту,
Поведу коня ко батюшке,
Привяжу коня ко столбичку,
Ко витому ко колечушку.
Я сама, млада, ко батюшке пойду,
Я сама, млада, словечушко скажу:
«Уж ты, батюшка, отец ты мой родной,
Восприми-ка слово ласковое,
Слово ласково, приветливое:
Не отдай меня за старого замуж.
Старый муж он неровня мне,
Неровнюша, не отпустит погулять.
Хоть отпустит, сам на лавочке сидит,
На лавочке сидит, на окошечко глядит:
Не стоит ли молодая жена с кем,
Всё не бает ли про старое житьё,
Про старое житьё, про прежнюю любовь».
Я стояла с молодым парнём часок
И роняла горьки слёзы во платок,
Из платочка — во кисейный рукавок.
Рукавом машу, намахиваю,
Комаров с лица соганиваю:
«Кышьте, мушки, комарики, с лица,
Не кусайте моё белое лицо».
Мое личико разгорчивое
Разгорится, не уймётся.
Приду домой, догадаются,
С чего лицо разгорается:
То ли с вина, то ли с водочки,
Толь со сладкие наливочки.
Мне сказали все про Дунюшку,
Мне сказали про голубушку.
«Будто ты, Дуняша, замуж идёшь,

Будто, Дунюшка, дары пасёшь,
Ещё белишься, румянишься,
Хорошо, бодро сряжаешься,
Будто замуж собираешься».

Записано 7 января 1935 года в гор. Свердловске от крестьянки деревни Трубиной, Сысковского сельского совета, Пышминского района, Свердловской области, Афанасьи Павловны Теплоуховой (1875 г.).

По определению сказительницы, песня эта «луговская», то есть пелась во время гуляний на лугу.

* * *

На заре, на зорьке овин молотил,
Выше соломы пелёво летит.
Муж-от по сеням похаживает,
Молодую жёнку побуживает:
«Встань-ко, проснися, сходи за водой».
«Нет, я не встану, нейду за водой:
Вёдра большие, вода не легка,
Берега крутые, вода далека».
На заре, на зорьке овин молотил,
Выше соломы пелёво летит.
Муж-от по сеням похаживает,
Молодую жёнку побуживает:
«Встань-ко, проснися, сходи за водой».
«Сейчас я встану, пойду за водой:
Вёдра малые, вода мне легка,
Берега низкие, вода мне близка».

Записано 28 июня 1936 года в гор. Нижнем Тагиле со слов работницы Высокогорского железного рудника Марии Фёдоровны Коряковой.

* * *

Под яблонью, под кудрявою,
Под грушею, под зеленою,
Сею, вею конопёлышко.
Я сею конопёлышко,
Приговариваю:
«Ты взойди-ка, взрости,
Конопёлышко,
Не низко, не высоко
В саду с вершиньем ровно
И со грушей зеленою».
Все мои кумушки

Гулять ушли,
Меня, младёшеньку,
Свёкор не отпускает.
Заставил свёкор-тятенька
Работу работать.
Он — тяжёлую работушку —
Овин сушить.
Я во сердце войду,
Овин сожгу.
Овин сожгу,
Сама гулять уйду.

Под яблонью, под кудрявою,
 Под грушею, под зеленою
 Сею, вею конопёлышко.
 Я сею конопёлышко,
 Приговариваю:
 «Ты взойди, изрости,
 Конопёлышко,
 Не низко, не высоко,
 В саду с вершиньем ровно
 И со грушею зелёною».
 Все мои кумушки
 Гулять ушли,
 Меня, младёшеньку,
 Свекровушка не отпускает.
 Заставила свекровушка
 Работу работатъ,
 Тяжелую работушку —
 Кросёнца ткать.
 Я во сердце войду
 И кросна изорву,
 Кросна изорву,
 Сама гулять пойду.

Под яблонью, под кудрявою,
 Под грушею, под зеленою
 Сею, вею конопёлышко.
 Я сею конопёлышко,
 Приговариваю:
 «Ты взойди-ка, изрости,
 Конопёлышко,
 Не низко, не высоко

В саду с вершиньем ровно».
 Все мои кумушки
 Гулять ушли.
 Меня, младёшеньку,
 Деверь не отпускает.
 Заставил деверь-брателко
 Коня седлать.
 Я во сердце войду,
 Коня в поле отпущу.
 Коня в поле отпущу,
 Сама гулять пойду.

Под яблонью, под кудрявою,
 Под грушею, под зеленою
 Сею, вею конопёлышко.
 Я сею конопёлышко
 Приговариваю:
 «Ты взойди, изрости,
 Конопёлышко,
 Не низко, не высоко
 В саду с вершиньем ровно».
 Все мои кумушки
 Гулять ушли.
 Меня, младёшеньку,
 Золовушка не отпускает.
 Заставила золовушка
 Русу косу расплетать.
 Я во сердце войду,
 Русу косу оторву.
 Русу косу оторву,
 Сама гулять пойду.

Сообщила 23 декабря 1934 года в рабочем посёлке Верхние Чусовские Городки, Молотовской области, местная уроженка Анна Фёдоровна Ермакова, под 60 лет.

* * *

Понапрасну я женился,
 Только деньги издержал.

Припев:

Дельно, дельно, дельно,
 Только деньги издержал.
 Только деньги издержал,
 Не по мыслям жёнку взял.

Припев:

Не по мыслям, не корыстно,
 Не по совести своей.

Припев.

Я не стал жену любить —
 На жену смерти молить.

Припев.

«Уж ты, смертонька
прекрасна,
Заведися ты в дому.

Припев.

Заведися ты в дому,
Умори мою жену».

Припев.

Не успел я слово молвить,
Стала жёнка часовать.

Припев.

Принакрыл белым платком,
Под святые поволоок.

Припев.

Под святые поволоок,
Взял бандуру и гудок.

Припев.

Взял бандуру и гудок,
Пошёл к девкам на лужок.

Припев.

Одна девица не пляшет,
Она песен не поёт.

Припев.

Она песен не поёт
И в кружок плясать нейдёт.

Припев.

Тут я, мальчик, догадался,
Что своячина была.

Припев.

Записано 26 февраля 1937 года в гор. Шадринске от местного уроженца, прежде рабочего-печатника, а потом кустаря-шапочника Ефима Васильевича Бархатова (1868 г.); песню он научил лет 50 тому назад.

ОБОРОТЕНЬ

Если девушку хотели взять и обвенчать убегом, то есть силой, без ведома её родителей, да она сбежит от венца, то такую называли оборотнем. И считалось это позором для девушки.

Вот раз в Верхнем Яру, теперь Далматовского района, вышла такая история. Схватили девку на вечорках. Схватили и потащили. Когда она узнала, что её хотят обвенчать силой, и говорит:

— Да вы хоть жениха-то мне покажите!

Ну, показали, да не жениха, а его брата. Брат-от был красивый, такой видный парень. И девка ничего, смирилась. Вот привезли в церковь, девка-то видит, что женихом-то ставят не того, кого ей показали, а брата, а он такой маленький, чёрненький.

Вот стали венчать. Венчали — всё ничего. Скоро уж венцы надевать. Девка как заревёт:

— Не пойду! Не хочу!

А венчал Александр Павлович Сильвестров, священник. Он, раз такое дело, остановился, не стал дальше венчать.

Между родней-то невесты и жениха — драка: одни тянут

девку к себе, другие к себе. И так чисто все на ней прирвали. Прямо ремки (лохмотья) одни только остались. Ну, свадьба, значит, расстроилась.

Я говорила, что таких девок звали оборотнями, и считалось это позором. А она всё-таки говорила:

— Пусть я буду оборотнем, а только не пойду!

Потом, слышим, она скоро вышла замуж. Не посмотрели, что была оборотнем. Постарались скорее и родители сбыть её с рук.

Записано 21 мая 1938 года в гор. Шадринске со слов 60-летней уроженки села Ново-Петропавловского, Курганской области, Елизаветы Петровны Колчиной, дочери волостного писаря.

* * *

У ключика, у холодного
Тутто молодец
Да он коня поил.
Он коня поил,
Коня сивого,
Сивогривого.
Тут не молодец был,
Не коня поил —
Тутто муж жену бил.
Жена-то мужу говорила:
«Ты не бей-ка меня
Да середь бела дня,
Ты убей-ка меня
Да поздно вечером,
Поздно вечером,
Со полуночи,
Когда детоньки
Да спать улягутся,
Все суседушки
Да приразоспятся.
Милы детоньки
Утром хватятся,
Утром хватятся,
Станут спрашивать:
«Что ты, наш тятенька,
Да где-ка наша маменька?»

«Ваша маменька
Да в зелёном саду.
Да в зелёном саду
Она берёт ягодки,
Она да малым детонькам...»
«Уж ты, тятенька наш,
Да не обманывай нас!
Наша маменька
Да во дубровушке,
Она под сосёнкой
Лежит убитая.
Голова-то её
Да испроломана,
Русы волосы
В землю втоптаны».
«Уж вы, детоньки,
Да не печальтесь:
Я женюсь, возьму
Да молодую жену,
Молодую жену,
Да вам маменьку».
«Уж ты, тятенька,
Да нам не надобно:
Тебе она — молода жена,
А нам да злая мачеха».

Записано 23 декабря 1934 года в рабочем посёлке Верхние Чусовские Городки, Молотовской области, от местной уроженки Анны Фёдоровны Ермаковой (1884 г.).

Уж ты, молодость моя,
 Молодецкая!
 Ты когда же прошла,
 Прокатилась?
 Навязалась на меня
 Да зла-лиха жена.
 Я не знаю, как мне быть
 Да как жену избыть.
 Я пойду же, молодец,
 На лесной базар,
 Закажу я, молодец,
 Нов тесов корабль.
 Уберу этот кораблик
 Плисом, бархатом,
 Усажу я тот кораблик
 Светлым жемчугом.
 Нагружу я тот корабль
 Златом-серебром.
 Посажу в тот кораблик
 Злу-лиху жену,
 Отпущу этот кораблик

По синю морю.
 Я пойду же, молодец,
 На крутой берег,
 Посмотрю я, молодец,
 Как корабль плывёт,
 Погляжу я, молодец,
 Как жена плачет...
 А жена моя плачет,
 Как река течёт.
 «Воротись, жена, назад,
 Жена-барыня!
 Поживём мы с тобой
 Лучше старого,
 Лучше старого, старóго,
 Лучше прежнего».
 «Не цветут в поле цветы
 Да два расцветика,
 Не живать нам с тобой
 Лучше старого,
 Лучше старого, старóго,
 Лучше прежнего».

Записано 12 декабря 1939 года в гор. Шад-ринске со слов местного старожилы, сторожа складов Заготзерно Никифора Павловича Табуева, 72 лет.

ДИКОЕ СТАРОЕ

Муж у меня был злой. И мать у него была злая. Сын весь в мать. Мы поедem на поле, свекровка отворяет ворота и кричит:

— Васька, бей её по голове, как змею!

И муж меня бил, косы выдирал. А свекровка, как утонула курушка (индюшка) в колодце, отвозила меня по щекам. И муж стал бить. Вытащил меня из избы на улицу за косы.

Тут соседка услышала, старушка. Услышала, в дырочку в заборе смотрит и кричит моему-то мужу:

— Брось, Василий Андреевич, потом выучишь!

Пожалела меня.

Потом я расплела косы, одна коса совсем отвалилась.

Двадцать лет я с ним промаялась, пока он не умер.

Вот какая у нас, у женщин, прежде жизнь была!

Когда я первым сыном ходила, до того меня доби́ли, я ушла к своим родителям в баню, петлю надела... Вытащили!

Я тогда ругала ту женщину, которая меня вытасила. Просто была свекровке родственница. Пришла она к ней:

— А где у вас молодушка?

— А не бывала...

Тут она кинулась в баню, ровно чуяла, и меня из петли вынула.

Записано 21 июня 1940 года в селе Чебаркуль, Челябинской области, со слов колхозницы Елены Петровны Пановой (1878 г.).

* * *

На печке сижу
И заплатки плач^у,
Заплатки плач^у
И приплачиваю,
Мужа браню
И прибраниваю:
«Продай, муж, корову
С лошадушкою,
Купи мне обнову
Хорошенькую.
Надену обнову,
Я в гости пойду».
Продай муж корову
С лошадушкою,
Купил мне обновку
Хорошенькую.
Надела обновку,
Я в гости пошла.
Иду из гостей,
Муж навстречу ид^{ёт},
Навстречу ид^{ёт}
И хомутик нес^{ёт}:
«Давай-ка, жена,
Запрягайся сама,

Запрягайся сама,
Поезжай по дрова».
Запряг муж меня,
Едет в лес по дрова.
Заехал в ельник,
Наклат воз велик.
Воз-от велик,
Он везти мне велит.
Везти мне велит
Да и сам-от сидит.
В гору он едет,
Нахлыстывает,
А под гору едет,
Насвистывает.
В деревню заехал,
Ребят насадил:
«Садитесь, ребята,
Лошадка добра.
Лошадка добра
Довезёт до двора».
«Продай, муж, обнову
Хорошенькую,
Купи мне корову
Бесхвостенькую».

Записано 1 января 1952 года в гор. Нижнем Тагиле от ученицы 7-го класса Вали Антоновской, а она заучила песню от гальянской старушки, которая слышала песню в гор. Кушве.

НА ВОЛОСТНОЙ СУД

Дело было в Лебяжьем, нашего Шадринского тогда уезда. Жил там один мужичок. Он всё к нам поезживал. Он некрасивый был, а жена у него красавица, прямо писаная. Косы длинные, белые. Ну, конечно, ревновал он её. Начал тиранить и бить.

Однажды он поехал в волость. Взял свою жену, привязал сзади телеги за косы и везёт. А была страшная грязь. Везёт и приговаривает:

— Слушайся мужа! Слушаться не будешь, я тебя всё равно убью.

Идёт она за телегой, шлёпает по грязи. Всё на ней изорвалось: рубашка, юбка...

Приехал в волость и просит волостной суд рассудить...

Судьи стали судить. И рассудили, чтобы ей жить и слушаться своего мужа.

Повёз он её обратно домой...

И никто ничего ему не сказал. Считали, что муж вправе был поступить так со своей женой.

Потом, после суда, уж она не ходила больше никуда. Да куда от мужа-то уйдёшь!..

Записано 13 апреля 1938 года в гор. Шадринске от старушки (1874 г.), дочери волостного писаря из села Ново-Петропавловского, Уксянского района, Елизаветы Петровны Ляпустиной.

ПРО ЕРЁМУ И СВИНЬЮ

Вот Ерёма в кабаке
Водки нализался
И с бутылкою в руке
К дому приближался.

По дороге он идёт,
Водку выпивает,
Сам с собою речь ведёт,
Головой мотает:

«Я сегодня загулял,
Хорошо, на славу...»
Тут Ерёма наш упал
В грязную канаву.

Как начал он величать
Земскую управу:
«Кто позволил накопать
Близ дорог канаву?»

Но напрасно лишь мужик
Долго кипятился,
Наконец, главой поник,
Тут же спать ложился.

По дороге той свинья
За плетнём бродила
И к Ерёме, как жена,
Сбоку подвалила.

А Ерёма-мужичок
Спит и в ус не дуёт
Да спросонок пяточок
У свиньи целует.

А Ерёмина жена
Утро всё ругалась.
Как отстряпалась она,
В розыски помчалась.

Проводила целый день,
Мужа всё искавши.
Глядь, Ерёма спит в грязи,
Со свиньёй обнявшись.

Спит, храпит на все лады,
Только ветер дуёт,
Обнимает он свинью
И опять целует.

Баба сметлива была, «Ах, Ерёма, ах, подлец!
Скоро догадалась, Ты вину скрываешь?
Палку толстую взяла, Ты жену свою, меня,
К свинушке подкралась. На свинью меняешь!..»

Палок сорок, знать, она И с тех пор наша свинья
Честью извозила: К Ерёме не касалась,
«Чтоб ты, грязная свинья, Три недели с половиной
Ерёму не любила!» О забор чесалась.

Бросив, наконец, свинью, И Ерёма-мужичок
К мужу подскочила Тоже напугался,
И за бороду его Аккурат четыре дня
Крепко ухватила. К хлебу не касался.

По записи ученика Свердловского педучилища Миши Токманцева, сделанной около Сысертского завода в конце 1939 года.

МУРАВЕЙНИЦА

Сейчас их нет уже... Жили в Каменске муж с женой. У них было двое детей. Фамилия — Мальцевы, его звали Григорий, а она — Анна Терентьевна.

Он был собой мужик необрядный, вроде как дурачок. Она — красивая, бойкая, а с ним жила. Муж её ревновал.

И вот это было в день сентября на восемнадцатое число. Свёл он её в дремучий сосновый лес. Вот эта у нас... И привязал к сосне нагулю на самое муравьище.

Очень даже было громадное муравьище. Он даже разрыл муравьище и поставил её ногами в середину. Привязал к сосне. С вечера дело было.

На другой день утром, часов в пять, Буйносовы, старик со старухой, искали коров и слышат голос:

— Кто там? Подойдите ко мне...

Они слышат. Сначала думали, что им блазнит. Смотрят, слушают.

— Гляди-ка, старик, там человек...

— Вы не бойтесь, я — человек.

Они подошли.

— Отвяжите меня...

Утренник был холодный, холодный. Она вся опрутела. Даже вот как есть вся окоченела, как ровно мёртвая, только что говорит.

Старики отвязать-то отвязали, а не поддержали, — она и упала. Старик со старухой долго оттирали её, руки-то мяли, — уж тогда они отошли. Старуха сняла с себя нижнюю кофточку, нижнюю юбку, платок сняла, — и одели её.

Повели в волость.

Его, мужа-то, туда же нарядили.

— Зачем ты это сделал?

— У ней дусеська есть...

«Дусеська», значит, душечка.

Их судили в нашем суде, а потом на окружной возили. Вот сейчас не знаю, что ему присудили.

Муж её потом умер, а она ещё после него оставалась, жила сколько-то. Сама была такая молодая, бойкая, а тут, после-то, все хворала. Так и померла.

Записано 4 ноября 1937 года в гор. Каменск-Уральском со слов вдовы заводского рабочего Марии Евдокимовны Надеиной (1870 г.).

ОТРАВА

Что думаете, ведь и у нас любовь-то была! А выдавали замуж всё силой, не спрашивали тебя, — «стерпится, слюбится!» Постоянно за неровню: то он, то она старше.

Ну, и отрав-то было! Много отравляли мужей. Прежде были спички с красными головками. Их об стекло да и обо всё зажигали. Эти спички больше шли на отраву-то.

Я помню, у нас, в Каменске, одна тоже травила своего мужа. Муж её бил. Страшно бил. Не вытерпела и давай травить.

Тоже вот наскоблила со спичек красного-то, намешала в творог и подала. Муж-то пришёл с работы поздно вечером. Темно было. Ничего не видал и наелся. Ну, его и завертело... Умер.

Следствие было. Дознались, конечно, что отравы была. Созналась баба-то. Осудили её, куда-то сослали.

Записано 24 июня 1938 года в гор. Каменск-Уральском со слов вдовы заводского рабочего Марии Евдокимовны Надеиной.

* * *

Отдает меня тятенька замуж.

Не подумает тятенька судьбину.

Ещё как я с недоростком буду жити:

Мне на краешек положить — уронити,

Праву рученьку накинута — задавити.

Я пойду же с недоростком в лес гуляти.

Привяжу я недоростка ко берёзке,

Сама девять дней прогуляю,

На десятый день побываю.

Я спрошу же у своего недоростка:
«Каково те, недоростку, у берёзки?»
«Мне пичужечки головку расклевали,
Комарочки белы рученьки съели...»

Записано в конце декабря 1934 года в деревне Ватлашово, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, от колхозника Гордея Михайловича Улитина (63 лет).

Я вечер-то, млада,
Во пиру была.
Эх, во пиру-то была,
Да во беседушке.
Я не мед-то пила,
Я не патоку,
Эх, я пила-то, млада,
Да сладкую водочку.
Сладку водочку
Да все вишнебочку.
А пила-то, млада,
Я не рюмочкой.
Я не рюмочкой,
Да не стаканчиком —
Эх, пила-то, млада,
Из полуведра.
Из полуведра
Да через край до дна.
Уж я полем-то шла
Да не шаталася,
Уж я лесом-то шла

Не боялася.
По двору-то я шла
Да пошатилася.
По двору-то я шла,
Пошатилася,
За вереюшку да
Ухватилося:
«Верея ль ты моя,
Ты, вереюшка,
Поддержи-ка ты меня,
Да бабу пьяную,
Бабу пьяную
Да бабу хмельную.
Эх, и муж-от у меня
Да горька пьяница.
Эх, он вина не пьёт,
Да с воды пьян живёт.
С воды пьян-то живёт,
Да с квасу бесится,
Надо мной-то, молодой,
Да насмехается».

Записано составителем по памяти, как изучено в детстве от своей матери, уроженки села Колчедан, Каменского района, Свердловской области, Александры Егоровны Шабровой (1865 г.).

КАК ВОЗНИКЛА ПЕСНЯ «Я ВЕЧОР, МЛАДА, ВО ПИРУ БЫЛА»...

В песне есть слова: «Эх, и муж-от у меня... с воды пьян живёт...» Вот почему их поют, по какому поводу.

Приходит муж домой обедать. Помолился и говорит жене:
— Ну-ка, жена, принеси мне кваску...

Она ему и говорит:

— Ну, ещё тебе и кваску! Ладно, лопаешь и воду...

— Да я воды-то выпью, смотри, пьяным напьюсь.

— Ну, представляйся — напьёшься ты пьяным...

Мужик берёт ковшик, идёт в сени к кадушке. Почерпнул, выпил. Немного постоял, ещё выпил. Начал после этого поговаривать. А баба смотрит:

— Да ты что, представляюха!

Он значит, снова почерпнул, опять выпил.

Тут же запекает...

— Ну-ка, ещё третий ковшик выпью, — говорит.

Выпил третий ковшик, совсем запел. Бросил ковшик, заходит в избу, берёт бабу за воротки и зачинает её кружать. Откружал и сам — на кровать. Спать улёгся.

На другой день утром встал, пошёл на работу. В обед приходит, значит, также, как раньше было, пообедал.

— Ну-ка, — говорит, — пойти водички попить.

А баба живо уцепилась...

— Погоди, погоди, варнак, опять глаза-то нальёшь... Я пойду квасу принесу.

Записано в феврале 1940 года в гор. Шадринске от бывшего почтового работника Степана Степановича Войтехова (1884 г.).

Пред нами — редкий анекдот, объясняющий происхождение песни из цикла анекдотов о «ленивой бабе».

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

О д е т я х

Бедна на беду: два ребёнка на году.

Что год, то ребёнок, худой год — два.

Не заревутся... А заревутся, так другие заведутся (об оставленных дома без присмотра маленьких детей).

Маленькие детки — маленькие бедки.

Семеро подле меня, восьмой на руках (о большом числе маленьких детей).

Семеро по лавкам — все седуны (то есть ребята мал-мала меньше).

С маленьким не поводишься, большого не увидишь.

Ох, и чадушко!

Тогда учи, пока поперёк лавки лежит, а как вдоль ляжет, уж поздно будет.

Учи детей без людей, жену — без детей.

Дети малы, так спать не дают, а вырастут, так сам не уснешь.

Вырастут детки, доспеют и сметки (то есть вырастут и опыт приобретут).

«Хороша дочь Аннушка», — хвалят мать да бабушка.

Кривой, да свой.

Дитя криво, да отцу, матери мило.

Удобрилась мачеха до пасынка: велела в чистый понедельник щи выхлебать (то есть съесть то, что в данное время не полагается, и съедобное нужно выбрасывать).

Женитьба и замужество

Жених по плечу, так сама полечу.

Как-нибудь, да не в девках.

Бабы каются, девки замуж собираются.

Шла бы наперёд, да никто не берёт (не находится женихов).

Худой жених едет, доброму путь кажет.

Брать зазнамо, держать за благо (о выборе жены, зная её изъяны).

Не ходи сорок за двадцать! (о неравных годах брачной пары).

Запрягай в дровни, да поезжай по ровню.

К бедному — по человека, к богатому — по уроду (о сватовстве).

Богатому и за быка невесту дадут.

По наши-то рубцы не приедут купцы.

Не по себе дерево рубит (о возрастном, материальном и ином неравенстве жениха и невесты).

Придано — ведро погано (о бедном приданом).

Муж и жена

Хорошая жена, как хорошая пчела; худая жена хуже змеи.

С доброй женой дома наживаются, а с худой последнее проживают.

С умным-то мужем и лягушка проживёт.

Сам-то голова, а жена — шея: куда повернёт, туда и пойдёшь.

Муж-от за гуж, жена за другой (о дружной супружеской паре).

Любит муж жену здоровую, брат сестру богатую.

Что жена не любит, того и мужу не есть.

Лучше сгореть, чем овдоветь.

Близкие родственники

Зять любит взять.

С сыном бранись — на печку гребись, с зятем бранись — за скобку берись (сын не имеет права выгнать мать, а зятю не указать, когда будет гнать тещу из дому).

Тесть любит честь.

Зять да шури́н — лешак их судит (трудно судить, кто прав, кто виноват: зять или шури́н, когда они спорят, ссорятся).

Делуха невестка: и в церковь с чулком! (не упускает даже неподходящего случая для работы).

Не в большу сноху, — не упряма (не похожа на жену старшего сына, которая чувствует себя полновластной хозяйкой в доме).

Из-за одной сношки не протянешь ножки (когда в семье только одна сноха, свекровке не приходится отдыхать, сидеть сложа руки).

Семейная каша всегда гуще.

Дальние родственники

Родни много, а пообедать не у кого.

Сбоку припёка.

Седьмая вода на киселе.

Нашему огороду двоюродный плетень.

Нашему слесарю двоюродный кузнец.

На одном солнышке онучи сушили.

Гости

Гостей — со всех волостей.

Где пирог, тут и лёг, где кисель, тут и сел (о человеке, который любит гостить).

Не в гости ходят, а по гостей (побывав в гостях, надо и самому быть готовым принять в гости к себе).

Немного гость гостит, да много видит.

Гость как невольник: хочешь — ешь и не хочешь — ешь.

Вслед гостя не употчешь.

Гости до гостей, а травянцы вон (лишь только пришли важные гости, как незнатные должны немедленно убираться; травянцы — крестьяне из села Травянки, Каменского района, Свердловской области, до революции).

Пошла попроведать, осталась обедать.

После гостей, как после свиней (по их уходе всегда сорно и грязно).

Соседи

Не купи дом, купи соседа (при покупке дома подумай, кто у тебя будут соседи).

Добрый сосед, как хлеба сусек.

Друзья

Все други, все приятели до чёрного дня.

В тесноте, да не в обиде.

Где сойдутся, тут и соймутся (схватятся в споре или в драке).

Два брата Кондрата (о неразлучниках).

Для милого дружка и серёжка из ушка.

Друг друга лёжа тянут (помогают своим родным и знакомым всеми способами).

Друг сердечный — таракан запечный.

Друг, друг, да без убытка.

Дружба дружбой, служба службой.

Дружи, дружи, да топор за поясом держи.

Как свиньи — друг за друга держатся.

Наживу дружка лучше старого.

Не в службу, а в дружбу.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

При пире-пирушке все друзья да дружки, а при горе-горюшке нет никого.

Садись в круг, будешь друг!

Свой своему поневоле друг.

Старый друг лучше новых двух.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Мир отверженных на Урале в дореволюционное время был чрезвычайно велик и играл очень заметную роль в местной жизни. На первую линию из отверженных надо поставить «вольных людей», как они сами себя называли, а противниками были окрещены разбойниками за те приемы борьбы с угнетателями, которые применялись вольными людьми.

Если тяжёлый был подневольный труд крепостного крестьянина, то особенно он был тяжёл для крепостного рабочего на горнозаводской работе. Сплошь и рядом для него не было другого выхода, как бросить дом и семью и удариться в бег. А кто убегал, тот примыкал к ватагам вольных людей, которые в то время большей частью вели борьбу со своими притеснителями путём набегов на царских чиновников, помещиков, купцов. Понятно, что они не трогали бедняков, наоборот, всячески тайно помогали им. Благодаря этому «разбойники» имели среди местного населения множество пособников.

Многочисленные произведения устного творчества на Урале на данную тему созданы не только оторванной от остального мира «разбойничьей» средой, но и одновременно являются произведениями миров крестьянского и рабочего. Таковы многочисленные рассказы о «разбойнике» Рыжанке, действовавшем в пределах Васильево-Шайтанского за-

вода и его окрестностей, о таком же «разбойнике» Соковееве в Златоусте, такова песня об усах, созданная на Урале и попавшая в сборник Кирши Данилова в середине XVIII столетия.

Песни или предания, в которых указываются собственные имена людей — героев этих песен и преданий, всегда возбуждают внимание исследователей, стремящихся отыскать исторические прототипы этих героев. Таковы, например, песня о пьянчужке Никанорке Третьякове или тюремная песня про Лонцова. Нам удалось записать интересный сказ про то, что якобы Лонцов был сапожником в Шадринске и что он сам сочинил про себя песню. Возможно, что это так и было на самом деле, но, может быть, что это лишь самовнушение сказителя или же сочинено на основе такого же самовнушения других лиц. Во всяком случае, перед нами интересный сказ. «В основе лежит истинное происшествие, и эта близость к истине и отличает сказ от того, что в народном понимании является сказкой», — говорил П. П. Бажов¹.

ПЕСНЯ «ОБ УСАХ»

Хороша наша деревня,
Только улочка грязна.

Припев:

Вот усы, вот усы,
Вот усы, усы, усы².

Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Мужички с верху глядят,
Всё ворами нас бранят.
Нас ворами называют
И разбойничками.
Мы не плуты, мы не воры,
Не разбойнички —
Мы Волконского князя
Рыболовщички.
Сети-неводы вязали
Полушёлковые,
Живу рыбочку ловили
По сухим берегам.
По сухим берегам —
По амбарам, по клетям.

Изловили осетра
У дяди у Петра.
У дяди у Петра —
Златогривого коня.
Эй, пойдёмте-ко, ребята,
В чисто поле далеко!
В чисто поле далеко,
Там избушечка стоит.
Как во этой во избушке
Богат мужик живёт.
Вы беритесь за забор,
Да мечитесь во двор.
«Здравствуй, брат хозяин,
Нет ли хлеба у тебя?»
Что хозяин-от идёт,
Шесть больших ковриг
несёт.

Что хозяйюшка идёт,
Молока лагун несёт...
«Благодарствуй, брат хозяин,
За хлеб, за соль за твою!
Уж, брат, ты наш хозяин,
Нет ли денег у тебя?»

¹ Некоторые вопросы литературного творчества (Беседы с П. П. Бажовым), «Уральский современник» № 20, Свердловск, 1951, стр. 154.

² Повторяется после каждых двух строк.

Хозяин-от божится:
«Нет у денег у меня!»
Что хозяйюшка божится:
«Нет полушки за душой!»

А маленький Николка
Тут промолвился:
«У них деньги-то в клетке,
Там закопаны в муке».

Записано В. В. Простосердовым в Зауралье, вероятно, в Камышлове или его окрестностях, где записавший содержал частную публичную библиотеку в конце прошлого века. Напечатано в «Этнографическом обозрении» (СПБ, 1864, вып. VI, стр. 12).

Песня «об усах» была чрезвычайно популярной до 1905 года. Слово «ус» — синоним разбойника. Отсюда так часты на Урале фамилии как «Усов», так и «Разбойников», что лишний раз говорит о большой роли разбойничества на старом Урале.

* * *

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Только славушка худа,
Не пускают никуда.
Величают нас ворами
Да разбойниками.
Мы не воры, мы не плуты,
Не разбойнички,
Мы — уральские казаки,
Рыболовщички.
Уж мы рыбочку ловили
По сухим берегам,
По сухим берегам,
По амбарам, по клетям.
По амбарам, по клетям,
По богатым мужикам.
Выбирал нас хозяин
Что ни лучших молодцов.
Посылал нас хозяин
Всё по рыночку гулять.
Мы по рыночку гуляли,
Невода мы закупали,

Уж такие невода,
Что ремённые поводка.
Наловили мы севрюжек —
Что подвязаны хвосты,
У дедушки у Петра
Мы поймали осетра —
Уж такого осетра,
Что гнедого жеребца.
За того-то осетра
Мы попали в кандалы.
Мы попали на неделю,
Просидели круглый год.
Нам в тюрьме сидеть не
скучно,
Только денежкам не вод.
Как пойдёт большой доход,
Как пойдёт доход калачный,
Только брюхо распускай.
Отойдёт доход калачный,
Только спину подставляй.
Как завалят раз пятнадцать,
Так заплывёшь казачка,
Заревёшь, словно телёнок,
Пуше спасского дьячка.

Сообщил 3 февраля 1945 года студент Шадринского педагогического института Анатолий Первухин, записавший её от уроженца села Могильского, Шадринского района, Фёдора Ивановича Суворова, заучившего песню в детстве на родине. Это новый вариант песни «об усах».

За Огапиной есть ложок. Через ложок мостик. За этим ложком еще ложок, поменьше — небольшая ложготинка. Возле этой ложготинки на горке стояла роща. На краю рощи была избушка. Так в этой избушке все стены были порезаны. Тут можно было прочесть: кто, когда, откуда и куда прошёл. Это всё бродяги резали, они всегда в той избушке останавливались.

А я, как маленький был, страсть, как боялся бродяг. Отец мне всё говорил:

— Ну, пошто ты боишься их, — ведь они такие же люди, как мы.

А поди ты, боялся!

У нас один человек ушёл в солдаты, да из солдат-то и убежал. Его поймали и в каторжны работы угнали. Он из каторги-то убежал, прибежал в своё место, в свою деревню. Схоронился, подкараулил, как жена прошла, юркнул в сени, а в сенях-то в углу лестница на вышку. Он по лестнице на вышку залез и там всю ночь просидел. Хотел узнать, как жена его живёт. А у ней мужик был. Здоровый такой. С ним жила.

Ну, значит, он таким же манером опять юркнул и обратно ушёл, да потом зажёг большой зарод соломы. Солома-то и загорела. Страсть, как запластало! А он на высокую берёзу залез и смотрит.

Потом он ушёл, подался в город, тут его и словили. Поймали, значит, и посадили в десятку. Это прежде чем в тюрьму, в десятку садили.

Когда он в десятской сидел, написал моему дедушке записку, чтобы пришёл повидаться. А дедушко-то был псаломщиком в единоверческой церкви. Тут ему бродяга всё и рассказал.

Тоже в нашем же Сосновом был другой человек. Его тоже взяли в солдаты, а он не стал служить, убежал. Его поймали и тоже в каторжны работы. Прежде-то, кто попался без паспорту, сказался непомнящим родства, тех в каторжны работы на десять лет брали. Так вот и его тоже поймали, как непомнящего родства, и угнали на каторгу. Он как прибежал домой, жил на краю деревни в самой бедной избушке. Никому ничего не говорил. Лет через сорок уж домой-то вернулся. Только перед самой смертью моему прадедушке сказал:

— Ну, не дай бог никому быть там, где я был.

И всё. Больше от него ничего не добились. А то всё плакал.

Бродяги всё шли через Барнёвку, плотиной через Исеть-то, а в город они боялись идти, — тут их на мосту ловили.

Шли бродяги всё на Урал. Там, вишь, были золотиискате-

ли; они в народе нуждались, брали на работу всякого, только бы работал. А если кто хорошо работал, тех укрывали, не выдавали начальству.

Да, много шло прежде бродяг-то через наше место. Бывало, их соберётся вместе несколько человек, вот начинают рассказывать. А если выпьют, то уж совсем всё расскажут.

Дальше-то Уралу не шли, боялись, что поймают, а на Урале им было спокойно.

*Записано от уроженца села Сосновское,
Ольховского района, Курганской области, Ивана
Романовича Кораблёва (1875 г.).*

Барнёвка — село на берегу реки Исети, ниже гор. Шадринска.

* * *

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец, сидя в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Не пером пишет, не чернилами —
Пишет грамоту горючими слезами.
Во письме пишет добрый молодец:
«Государь ты мой, родный батюшка,
Государыня, родная матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Своего сына да родимого».
Отец с матерью отказались,
Весь род-племя отрекалося:
«В роде нашем-де воров не было,
Воров не было, ни разбойников».
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец пишет в темнице
Ко душе своей красной девице:
«Ты, душа моя, красна девица,
Моя верная полюбовница,
Выручай меня, добра молодца».
Вдруг возговорит красна девица:
«Ах, вы, нянюшки, мои матушки,
Мои сенные верные девушки!
Принесите вы золоты ключи,
Отпирайте вы ларцы кованы,
Доставайте вы золоту казну,
Выкупайте вы добра молодца,
Друга милого и сердечного».

*Из рукописного песенника, писанного в 1896
году в гор. Шадринске (собрание В. П. Бирю-
кова).*

«Уж ты, дитя ли наше сердешное,
Уж ты как сюда попал?»
«Тебе, тятенька, не дело,
Тебе, мамаша, спросу нет,
Про бродяжеское дело
Вам не нужно рассуждать».

*Записано 13 апреля 1938 года в гор. Шад-
ринске от уроженки села Ново-Петропавлов-
ского, Уксянского района, Курганской области,
домохозяйки Елизаветы Петровны Ляпустиной
(1874 г.).*

СОЖЖЕННЫЕ БРОДЯГИ

Про бродяг-то я много знаю. Вот какой, например, случай помню.

Мне было разве что лет семь так, не больше. Пришли двое бродяг к одной старухе и просят у неё сметаны. Она ни за что не дала.

— Есть,— говорит,— вашего брата...

Ну, те осердились и пригрозили:

— Смотри, пустим красного петуха, тогда вспомнишь нас.

Сказали так и сами ушли по дороге из деревни совсем. А тут случился пожар. Сперва-то тихо было. А сами знаете, как загорит сильно-то, начнётся течение воздуха. И вот тут так же потянуло да потянуло, и стало перебрасывать головёшки-то. Да и пошло. Такой пожарище случился, что ужас: восемьдесят восемь домов сгорело, лучшая часть села.

Ну, значит, как загорело, та старуха и говорит:

— Да ведь это бродяги подожгли. Они вот только что здесь у меня были, сметаны просили, я отказала, так они пригрозили, что красного петуха пустят.

Тут люди вскочили на лошадей и в погоню за бродягами-то. Догнали их и привели в деревню.

— Вы подожгли?

Бродяги божатся:

— Не мы, не мы, не мы...

Тут закричали:

— Да что на них глядеть-то! В огонь их бросить!

Бродяг схватили и бросили в огонь. Те выкатились из огня и говорят:

— Братцы, вот ей-богу, не мы!

А народ озверел и ничего слушать не хочет. Опять схватили и — в огонь.

Бродяги, зная-то, раза два выкатывались из огня и всё говорили, что вовсе не они подожгли. Ну, ничего не помогло, их опять в огонь бросили. Так они там и сгорели.

И что ведь странно-то. Тут на крыльце волостного правления стоял старшина при знаке. Он ведь мог остановить, чтобы не бросали людей в огонь, а не остановил. И тут же священник был, с иконой стоял, значит, чтобы огонь не пустить. И он тоже ничего, ни слова не сказал, а тоже мог бы остановить. Ведь, знаете, какая вера была тогда священникам-то.

Так люди и сгорели.

Записано в гор. Шадринске в середине февраля 1942 года со слов уроженки села Новопетропавловского, Уксянского района, Курганской области, Елизаветы Петровны Ляпустиной (1874 г.).

* * *

Вы, бродяги, вы, бродяги,
Беспаспортны молодцы.
Полно, полно вам, бродягам,
Свое горе горевать.

Наступают злы морозы,
Вы лишаетесь гульбы.
Гарнизон стоит в порядке,
Барабаны по концам.

Спереди на нас грозятся,
Без пощады сзади бьют,
Плечи, спину настегают,
В госпиталь нас отведут.

Здесь деревня близко к лесу,
Она задом к нам стоит,
А в Давыдовой деревне
Посреди кабак стоит.

Мы возьмём вина побольше,
Гарнизонных напоим.
Вы, бродяги, вы, бродяги,
Беспаспортны молодцы,
Полно, полно, вам, бродяги,
Свое горе горевать...

Из рукописного песенника уроженца Крестовской волости, Шадринского уезда, крестьянина Дмитрия Михайловича Торопова; запись около 1918 года.

«Вы, бродяжки, вы,
бродяжки,
Победны головушки,
Вы куда, братцы-бродяжки,
Куда пробираетесь?»
«Пробираемся, бродяжки,
На большу дороженьку,
На большую трахтовую,
На свою сторонущку,
Со большой своей дорожки
На высокий на угор».
На угор-от выходили,
Баски лесенки поют.
Под угором-то бродяжки
Зычный голос подают.
Вас поймают же, бродяжки,
Молодые казаки.
Закуют же вас, бродяжки,

Записано 25 августа 1946 года в деревне Синицкая, Шадринского района, от местного уроженца, плотника и бондаря Якова Афанасьевича Свёрлова (1874 г.).

В трубу он тесную пробрался,
На тот высокий на чердак.
По чердаку он долго шлялся,
Себе верёвочку искал.

Нашёл верёвку, нашёл длинну,
К трубе тюремной привязал,
Перекрестился, стал спускаться.
Его заметил часовой.

По всей тюрьме пошла тревога:
— Лонцов из замка убежал.
Солдат на серенькой лошадке
К царю с докладом поскакал:

«Я к вашей милости с докладом,
Лонцов из замка убежал».
Три года он в лесу скитался,
Чего он пил, чего он ел,
С травы росой он умывался,
Молился богу на восток.
С одной он барышней спознался,
Он всю ей правду рассказал.
Она, неверна, доказала —
Лонцов опять в тюрьму попал.

Записано 11 августа 1937 года В. П. Бирюковым в гор. Каменск-Уральском со слов вдовы заводского рабочего Марии Евдокимовны Надеиной (1870 г.).

ПРО ЛОНЦОВА И ЕГО ПЕСНЮ

Про Лонцова-то песня — шадринская. Лонцов-то при мне был. Человек он был развитый. Я не скажу, конечно, какого он был образования. Сапожник был и хороший. Сам себя вёл аккуратно, одевался хорошо.

Убил он кого-то, а кого, не знаю. И судился он здесь, в Шадрине, на окружном суде. Из здешней тюрьмы он и сбежал. Когда он из тюрьмы-то здесь убежал, весь город узнал про это.

Песню он сложил про себя в тюрьме сам и выпустил её.

Как Лонцова-то судили, я тогда ещё мальчиком был маленьким, может быть, годов десяти, не больше.

Записано 27 апреля 1938 года в гор. Шадринске со слов сапожника из уроженцев села Сосновского, Ольховского района, Курганской области, Ивана Романовича Кораблёва (1875 г.).

СКАЗКИ

Важнейшим жанром среди произведений устного народного творчества являются сказки. В них всегда проводится какая-либо глубокая мысль, отображающая народное отношение к тому или иному явлению, или историческим событиям, или лицам.

Поскольку создателем сказок был трудовой народ, сказки показывают его отношение к своим врагам: к помещикам-барам, попам, полицейским и чиновникам, кулакам и ко всем тем, кто так или иначе угнетал или способствовал угнетению трудовых масс. Ввиду этого сказки в прежнее время были средством и политического воспитания молодежи, воспитания в ней ненависти к угнетателям и стремления бороться с ними.

Сказки всегда оптимистичны: добро побеждает зло, слабосильный вначале герой, чаще всего Иван, нередко с эпитетом «дурак», в конце концов набирается силы, мудрости и других качеств и торжествует над

своими врагами. Через этот и подобные ему образы народ укреплял веру в лучшее будущее.

Сказки, бытующие на Урале, передаются в разных местах по-разному, прежде всего разными говорами, в зависимости от местности и с окраской тех или иных мест сказки в местный колорит. Словом, каждая местность отлагает свой отпечаток на те или иные подробности сказок.

ВОЛШЕБНЫЕ СУМОЧКИ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно том, в котором мы живём, проживали муж с женой. Мужа звали Степаном, а жену Матрёной. Жили они бедно. Работать не могли, уж стариками стали, а детей не имели. По соседству с ними жил брат Степана со своей женой. Они были молодцы и жили очень богато. Всё государство их знало, разные князья да цари съезжались к ним на праздники. Но брат Степану не помогал и даже часто совсем забывал о нём.

Раз лежал, лежал Степан на печке и говорит Матрёне:

— Пойду, жена, авось что-нибудь насбираю поесть...

И вот он пошёл. Вышел за селенье и видит: стоит среди широкого поля избушка. Зашёл он в избушку, а там сидит много молодцов, и все о чём-то спорят, да так громко, что их голоса слышно по всему полю.

Увидали молодцы старика и стали расспрашивать, как и откуда он пришёл. Старик рассказал им о своём житье-бытье, упомянул о брате-богаче, о старухе, которая уж давно ничего не едала, еле жива дома осталась, лежит. И просит Степан, чтобы молодцы помогли чем-нибудь.

Глянули молодцы на старика и говорят:

— Ладно: дадим тебе, старик, сумочку серебряную. Только ты её никому не отдавай и не продавай. А когда придёшь домой, открой её и скажи: «Сумочка, сумочка, полотчуй стариков», и даст она вам есть.

Обрадовался старик и пошёл скорей к старухе. Но дорогой так есть захотел, что не вытерпел, открыл сумочку и попросил есть. И вдруг перед ним накрылась скатерть, и каких только кушаний тут не оказалось: пироги, колбасы и всё, всё... Наелся старик и бежит домой обрадовать свою старуху.

И стали они с тех пор жить хорошо.

Как-то задумал Степан справить свои именины и зовёт младшего брата-богача к себе в гости. Брат удивился этому, а всё же из любопытства пошёл посмотреть на нужду брата. Но когда увидел его богатство, ещё больше удивился и давай допытываться у Степана: отчего он разбогател.

Степан был простой человек и всё рассказал, как получил серебряную сумочку. Тогда богатый брат говорит:

— Степан, продай мне сумочку!

— А мы чем со старухой жить будем?

— А я тебе много хлеба дам.

И так это стал брат упрашивать Степана, что он не устоял и отдал сумочку.

Богатый брат взял у Степана сумочку, принёс домой, а взамен её послал хлеба. Стали Степан со старухой жить, проедать братьев хлеб. Съели его и опять стало нечем жить. А богатый брат попрежнему даже близко к дому не пускал Степана. Сам с князьями жил за счёт сумочки Степана.

Когда стало совсем невмочь, пошёл опять Степан в чистое поле к молодцам. Те давай ругать, зачем он отдал сумочку богатому брату, но всё же смиростивились и дали теперь Степану золотую сумочку.

Обрадовался Степан и пошёл к своей старухе, но дорогой решил опять поесть.

Открыл сумочку и говорит:

— Сумочка, сумочка, попотчуй старика!

А оттуда как выскочат какие-то великаны с палками и нудать старика, но на первый раз осторожно. Старик испугался, насилу слово вымолвил, чтобы великаны обратно в сумочку залезли. Пришёл домой и рассказал старухе про новую сумочку и говорит, что её надо куда-нибудь забросить.

— Зачем забрасывать! — говорит старуха. — Давай-ка лучше сменяем золотую сумочку у брата на серебряную.

Обрадовался Степан и пошёл к брату.

— Не хочешь ли, брат, я тебе сменяю на серебряную сумочку вот эту, золотую — много ли мне богатства нужно?

Брат обрадовался и говорит:

— Давай, давай, — эта мне ещё лучше, чем серебряная!

Получил брат золотую сумочку и решил сделать большой пир. Созвал он на него князей, бояр, даже царя пригласил. Собрались все на широком дворе и ждут, когда он станет угощать их из новой сумочки.

Вышел брат с сумочкой и так это важно открыл её:

— Сумочка золотая, попотчуй моих гостей!

И вот как выскочат великаны с палками и давай бить князей, бояр и царя! Пошли они по деревням, сёлам и городам громить богачей, перебили, поразогнали их и установили свои порядки.

Записано 8 декабря 1945 года в гор. Шадринске со слов студентки местного педагогического института А. Н. Федоровской, а она слышала сказку в районном селе Шатровском, Курганской области.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Он уж состарился и царица была старухой, а детей у них не было. Скоро царь должен был умереть, а кому царство передать? Наследника-то нет. Тогда царь объявил по своему государству, чтобы всякий, кто сможет дать совет в этом деле, шёл бы к царю и высказывал. Советчиков нашлось очень много, только никакой совет не годился. Лишь один старик сказал похожее на дело:

— Вели ты, государь, закинуть в море невод и поймай там рыбину с золотыми перьями, свари её и накорми этой рыбиной свою царицу, и тогда от неё родится сын. Только когда кормить будешь, так чтобы никто бы больше этой рыбы не ел.

Царь приказал собрать всех рыбаков и закинуть сети в море. Вытащили много рыбы, а такой рыбины, чтобы была с золотыми перьями, не нашлось, — сам царь досматривал, как вытаскивали рыбу. И говорит он старику:

— Ты что же это мне наврал! Голову тебе надо оторвать!

— Зачем, ваше царское величество, голову рвать? А ты вели ещё раз закинуть.

Закинули второй раз, и опять той рыбины не нашлось. Велел царь привести старика:

— Голову тебе оторвать! Опять рыбина не попала...

— Надо ещё попробовать, может, и попадёт, — говорит старик.

В третий раз закинули. И в одном неводе среди множества других рыб вдруг оказалась рыба с золотыми перьями. Царь обрадовался, сам бросился вытаскивать рыбину, сам понёс её во дворец, кликнул стряпку и велел ей сварить пойманную рыбу.

Стала стряпка варить рыбу. А когда варят, то обязательно приходится пробовать, уварилась или ещё надо варить. Ну, и стряпка тоже не раз попробовала.

Вот рыба сварилась, и царь сам несёт кормить царицу. Сколько-то там она поела, а остатки царь велел закопать глубоко в яму, чтобы никто больше не ел той рыбины. Даже кости все тоже закопал.

И вот царица забеременела. Забеременела и стряпка. А через девять месяцев у царицы и у стряпки родилось по сыну в один день. Обоих назвали Иванами. Стали они расти и играть вместе. Только стряпкин сын во всём опережает царского сына, бойкий такой растёт. Царь видит, что его сын отстаёт, велит своим слугам приучать его к военному делу. Те дадут царевичу ружье, саблю и всякое там другое оружие и поведут на базар: учись тут воевать! Царевич давай стрелять

в лошадей, в коров, рубить баранам, курицам головы, а людей всех разгонять. Слуги бегают за Иваном, записывают, сколько лошадей, коров застрелил, скольким баранам, курам головы срубил, и приносят царю, вот-де как царский сын успевает в военном деле! Царь доволен успехами сына.

Иван — стряпкин сын рос, рос и решил, что пора дела себе искать. И отправился он в путь-дорогу. Иван — царский сын пожил сколько-то времени без своего друга и тоже решил отправиться путешествовать. Зашёл он в какой-то трактир, где его никто не знал, рассорился там, начал драться, и тут в драке его убили. А стряпкин сын ушёл в другое царство и ходит там по нему. Здесь его увидела царская дочь. Видит, что парень — красавец, лучше жениха и не найти, говорит отцу, что она хотела бы выйти за этого Ивана замуж.

— Ладно, — говорит царь, — если вот он выполнит все задачи, тогда так и быть, отдам тебя за него. Если хочет, пусть приходит свататься.

Иван узнал об этом и стал раздумывать, как ему быть. Со своими думами пошёл походить по базару. Тут к нему подходит один детина и говорит:

— Я умею много есть. Возьми меня с собой.

— Да на что мне тебя? Что из того, что ты умеешь много есть?

— Возьми, вот увидишь, как я тебе могу пригодиться.

— Ну, ладно, пойдём.

Идёт дальше. Опять подходит новый человек и говорит:

— Я могу сколько угодно пить. Возьми меня.

— Да на что мне тебя?

— Возьми, могу очень пригодиться.

— Ну, ступай!

Пошли теперь втроём. Новый опять подходит и говорит:

— Я могу несгораемым сундуком оборачиваться. Возьми меня с собой.

Иван берёт и этого.

Четвёртый подходит и говорит:

— Я могу обернуться щукой и что надо сделать. Возьми меня.

— Пойдём!

Пятый подходит и говорит:

— Я соколом делаюсь. Возьми меня.

Иван взял и этого.

Ещё шестой подошёл и говорит:

— Я делаю невидимкой корабль. Возьми меня, пригожусь.

— Ладно.

Теперь с Иваном стало семеро. И пошли они все вместе к царю сватать его дочь. А вокруг дворца — частокол. На каж-

дом коле по голове. Это все головы женихов, которые не сумели выполнить задач, которые давал им царь.

Зашли во дворец. Царь велел угощать гостей. Подали всяких кушаний. Все уж наелись, а на стол ставят и ставят вновь. Не есть нельзя. А первый детина всё ест и ест. Слуги таскали и таскали на стол, натаскаться не могут и таскать уже стало нечего — первый-то всё съедал.

Тогда стали потчевать пивом. Все попили там сколько-то и больше уж не могут. Только второй детина всё пьёт да пьёт, на него наноситься не могут, и наконец уже всё выпил.

Тогда царь велел проводить гостей помыться в бане. Дали им новую чистую одежду и отправили. Они разделись и стали мыться. Тут вдруг царские слуги захлопнули накрепко двери и ставни у окон так, что выбраться уж из бани и нельзя, и зажгли её со всех сторон.

Третий детина и говорит:

— Не тужите, братцы: я сейчас сделаюсь несгораемым сундуком, вы залезайте в него и сохранитесь.

Ну, они так и сделали. Баня вся сгорела, остались одни головёшки. Царь посылает посмотреть, разрыть косточки сгоревших. Слуги разгребли угли, а под ними стоит сундук. Гости живо открыли его и вылезли целыми, невредимыми.

Царь видит, жених не сдаётся: всё, что ему было задано, выполнил, надо отдавать невесту. И вот снарядили её, дали Ивану корабль, посадили с невестой и друзьями его, и корабль поплыл в Иванову сторону.

Невеста ещё решилась испытать. Вдруг обернулась окунем и нырнула в воду. Тогда четвёртый-то товарищ обернулся щукой и — в воду! Живо настиг окуня и вынырнул с ним на поверхность: опять стал он молодцем, а она — девицей. Подали лодки и вытащили их. Только она вступила на корабль, как обернулась синичкой и полетела к себе домой. Пятый товарищ живо сделался соколом и догнал царевну. Опять она стала девицей.

А тем временем царь снарядил много кораблей и пустил их в погоню за Иваном. Вот уж корабли совсем близко от Иванова корабля, стреляют в него ядрами из пушек, вот-вот настигнут и возьмут в полон. Тогда шестой товарищ живо сделал корабль невидимкой. Царские слуги вернулись ни с чем. Так Иван и спасся от погони и привёз невесту домой.

Заходит он с ней в царский дворец, встречается со стариком-царём и говорит:

— Ну, царь, ты поцарствовал, старик стал, править больше царством не можешь, уступай теперь место мне!

Царь и слышать не хочет.

Тогда Иван срубил царю голову и сам стал править народом.

Записано 23 февраля 1946 года от жителя гор. Свердловска, уроженца села Колчедан, Каменского района, Свердловской области, бывшего паровозного машиниста Георгия Георгиевича Шаброва (1874 г.).

БОГАТАЯ ЖИЗНЬ

Жили мы богато,
Деньги загребали лопатой.
Жили сыто,
Амбары были полны жита:
Два зерна просяных,
Три зерна овсяных,
Пять зёрен гороху
Да пыль от стен до порогу.
А рожь была сыромолочена,
Вся червями источена.
Жена без усмешки
Пекла из года в год лепёшки
С мышинным горошком.
Жили привольно,
Имели всего довольно:
Печь да полати
Сами засевали,
На брису скирды складывали,
Молотить едва успевали.
Сена косили тоже много —
На шестке складали стоги.
Скотом бог тоже не обидел:
Двадцать кошек доёных,
Да двадцать котов опоёных.
Бывало, дедушко примется котов поить,
А бабушка кошек доить.
И до тех пор доит,
Пока спина не заболит.
Много покойница трудилась,
Да одна с ней беда приключилась.
Кот с кошкою заигрались,
С брису скирды посшибали,
Да прямо в лохань поскидали.
Придавило бабушку колосом,
Завопила она диким голосом
И тут же она представилась,

Даже в баньке не попарилась.
Полно, дедушко, горевать,
Пора пиво затирать!
В ложке солод затирали,
А в чану распускали:
Спустили пять хмелин пупырных,
Да склали в двадцать бочек пузырных.
И такое стало пиво,
Что всех пьяных с ног сбило.
А ведь на поминках обычай таков,
Что для гостей напекают блинов.
Напустились на блины соседи,
Как на мед напали медведи.
Первый блин — своим чередом,
Второй стал в горле колом,
А от третьего, — соседи догадались, —
Сами от него отказались.
Идут домой, перхаючись,
От блинов рыкаючись,
Говорят «спасибо»,
Сами давятся,
От угощенья ругаются.

*Записано 3 января 1940 года в Шадринске
от дочери медицинского фельдшера, уроженки
севера Урала Людмилы Фёдоровны Мининой
(1875 г.). Заучила она сказ от своего первого
мужа, сельского писаря.*

НУЖДА

Бедный мужичок в худенькой своей одежонке, в дрянненькой обувёнке на сильном морозе рубит себе, не нагреется, а лицо его разгорается. Едет тут мимо барин и не один — с кучером вдвоём. Остановился и говорит:

— Бог помочь тебе, мужичок!

— А спасибо же, сударь!

— И в какую же ты стужу рубишь?

— Эх, сударь, не я рублю — нужда рубит.

Барин этому делу изумился и спрашивает кучера:

— А что, кучер, какая это нужда? Знаешь ли ты её?

— Я только сейчас слышу, сударь.

Спрашивает барин мужичка:

— Какая же это, мужичок, нужда? Охота бы мне её поглядеть, где она у тебя?

Мужичок и говорит:

— На что тебе, сударь?

— Да просто охота мне её посмотреть.

В это время в чистом поле на бугринке стояла со снегом былина.

— А вот,— сказал мужик,— сударь, на бугре нужда стоит. Вон она как на ветру качается, и никто не догадается.

Барин и говорит:

— Нет ли у тебя времячка нам её показать?

— Пожалуй, можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чистое поле нужду поглядеть. Выехали они на бугрину, проехали эту былинку, а другая-то дальше стоит. И указывает мужик рукой:

— А вон, сударь, она в стороне; нам туда ехать нельзя — снег глубокий.

— Покарауль-ка, — сказал барин, — нашу тройку лошадей, а я схожу погляжу.

Барин слез и пошёл, а кучер-то и говорит:

— Да, сударь, возьмите и меня: и мне охота посмотреть.

И полезли по снегу два дурака. Эту былинку пройдут, другую найдут, а нужды всё не видят. Мужичок же был не промах: выстегнул ихнюю тройку лошадей, сел верхом и полетел. Только его и видели! И не узнали, куда он уехал.

Полазили по снегу дураки, и тут-то их постигла нужда. Оборотились да этим же следом на дорожку вышли, к повозке подошли, а лошадушек и след простыл! Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей нет и повозку-то жалко бросить.

Говорит тогда барин кучеру:

— Впрягайся ты в корень, а я хоть на пристёжку.

Кучер говорит:

— Нет, барин, вы посправнее, немножко посильнее: вы — в корень, а я — в пристёжку.

Ну, делать нечего: запрягся барин в корень. Вот и везут, вот и везут. Повезут да и устанут. А мужичок припрягал лошадей, надел на себя другую одежду и пошёл навстречу.

— Что это, барин, вы повозку на себе везёте?

— Уйди! Это нужда везёт!

— Какая же это нужда?

— Ступай, вон там на бугрине в поле,— смотри её!

А сам везёт да везёт. До села доехал, лошадей нанял и поехал. Приехал домой на троечке, только на чужой. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

Сообщила 28 декабря 1945 года студентка Шадринского учительского института Ираида Ивановна Беленькова. Тот же вариант опубликован в хрестоматии «Русский фольклор» проф. Н. П. Андреева.

Жил в русской земле, в одном воеводстве немудрящий мужичонко Филька. Был Филька мастерко, на все руки дотошен — на всякое мастерство, а больше всего на воровство. Что задумает, то и сделает. Что захочет, то и украдёт. Самый что ни на есть первый вор и гультай по всему своему месту. И концы умел хоронить: сколько ни воровал, а под ответ не попадал. От мала до велика все о Фильке знали и говорили, да вишь, был молодцу не укор.

Потребовал раз воевода Фильку к себе и говорит:

— Ну, Филька, на большой ты славе, на плохом счету. Изможжил бы я тебя, да не пойман — не вор. Не могут тебя добры люди сымать, так я сам словлю и расчёт с тобой произведу... Вот тебе задача: смотри, вот моя воеводская шкатулка денежна, а в ней казна казённа, государева. По три ночи шкатулку ту буду ставить на окно в моих хоромах, у окна сам буду караулить с тесаком, а у ворот моего двора воеводского несменно будут стоять пять служилых гренадёров во всём оруженьи. Сумеешь ты выкрасть шкатулку — твоё счастье. Не сумеешь — быть тебе, молодцу на дыбу да на сибирском волоку¹, а може, и без головы. Сроку тебе три дня и три ночи. Сможешь, валяй и короче.

Пришла Фильке забота. Думает день, думает ночь, как быть, как из беды выбраться. Вдруг утром видит, по улице покойника несут. Как только увидал Филька покойника, сразу надумал, что делать. Дождлся ночи, вырыл мертвяка из могилы и на погреб спрятал. Днём два полштофа вина купил и в один сонного зелья насыпал. Дождлся сумерек, нарядился мужиком-простаком, покойника в мешок да на загорбок взвалил, а два полштофа за пазуху спрятал и к воеводиному двору направился. Идёт, на обе ноги хромает, пот на рыле вытирает, охает, будто шибко устал-уходился...

Добрался до воеводиного двора. Видит: верно, пять гренадёров стоят, у каждого на плече ружьё, в руках топор, а при боке на кушаке сабля вострая и кинжал.

Увидели только мужика гренадёры и закричали на него зычным голосом:

— Куды-ты, такой-сякой, деревенска немочь, лезешь! Ступай, ступай обратно, отколь пришёл! Никому здесь не велено ходить. Втору ночь Фильку-вора дожидаемся, варначину, его караулим. Убирайся, пока жив, не то и тебя в чижевку загабаем.

— Смилуйтесь, братцы православные, воины храбрые! — взмолился Филька. — С утра самого из деревни вышел, весь

¹ В ссылку пешим хождением по Сибирскому тракту.

истомился, к батюшке-воеводе на поклон иду. Вчерась теле-
ночка зарезал, батюшке-воеводе несу. Про Фильку же вора
не думайте: у дяди Егора в кабаке под стойкой другой
день валяется, последние порты пропил,— не до вас ему
сейчас.

— А ты почто в кабаке-то был? — спросили гренадёры.

— Да воеводе же на поклон два полштофика захватил.

— Два полштофика!.. Что ты! Будет ему, толстопузому, и
одного за глаза, а если, говоришь, Филька сегодня без задних
ног, так и нам с устатку да беспокойства не мешает искушать.
Давай-ка лучше второй-то полштоф да угости нас, а утром, чем
свет, мы сами тебя к воеводе представим, а то сегодня на ночь
глядя, какой там воевода!

— Ну-к, что ж, братцы, я завсегда рад удружить добрым
людям, — молвил Филька, — ежели только утречком меня к
воеводе представите. Кушайте на добро здоровье!

И подал гренадёрам полштоф, который с зельем-то сонным.
В одноминутье солдаты вылопали полштоф и где стояли, тут
и повалились и на весь околодок захрапели.

Таким манером управился Филька с гренадёрами, а сам к
воеводиному окну. И хоть ночь, а видать, стоит на окне шка-
тулочка. Попригляделся — видать, и воевода за косяком стоит
в простенке и тесак наизготове поднял на плечо. Притулился
Филька к самой стене, вытащил из мешка мертвяка, оттянул
у него руку и тихонько, ну, толкать её в окно. Воевода видит,
рука тянется, соображает: «Ага, это — Филька!»

Рубанул тесаком, рука прочь отлетела. Удёрнул Филька
мертвяка, а маленько погодя, другую руку толкает. Удивился
воевода, но и эту отхватил, а сам ещё стоит, думает, что Филь-
ка выдумает.

Видит воевода, к шкатулке нога тянется...

— Вот варнак! — молвил воевода. Взял и ногу отхватил.

Глядь, другая нога высовывается!

— Ой, крепок вор! — про себя молвил воевода. Отрубил
и другую ногу. — Ну, значит, теперь конец!

Только видит, голова в окошке показалась, зубами за шка-
тулку ловится.

— С нами крестная сила! — уж испугался воевода. Но
опять же рубанул, — отлетела и голова.

Бросил воевода тесак, бежит в сени, кричит:

— Эй, люди — народ! Подите убирайте Филькино тело.
Всего я его изрубил начисто; нету на свете больше Фильки-
вора. Вот я какой молодец!

Сам опять к окошку посмотреть, как Фильку мёртвого
убирать будут. Глядь, а на подоконнике шкатулки как не бы-
вало, — одно пустое местечко.

— Ох, по-ох! Где шкатулка? Где мои гренадёры? Держите Фильку! — орёт воевода.

Прибежали слуги, докладывают:

— Батюшка воевода, не вели казнить, дай слово вымолвить! Мы — твои дети, а ты — наш отец. Филька-вор из подлецов подлец! Спят твои гренадёры, батюшка, вповалку. Опоил их Филька зельем, а под окошком порубанный мертвец лежит. Фильки-варнака и след простыл!

Целый год в соседнем воеводстве Филька на воеводины деньги пировал, друзей-приятелей, весь кабацкий люд поил, угощал. Через год начисто пропился, без портов в свою сторону объявился, а его уж по всем местам-закоулкам ищут. Сам царь-государь услышал про Филькины проделки и строго-настрого указал своим царским холодам беспременно представить Фильку-вора перед его пресветлые царские очи, а то, — грозит, — все ваши холуйские шкуры напрочь спущу! А потому, как только учули¹, что Филька объявился, зацапали его, раба божьего, приволокли к царю.

Молвил царь-государь Фильке:

— Ну, молодец-удалец, велика про тебя слава, да какой-то выйдет конец: сколько вору ни воровать, а виселицы, должно, не миновать. Ежли да не сумеешь ты без сучка, без задоринки выкрасть из моей царской опочивальни, из-под самого меня с царицей великой нашей царской кровати, точёной, золочёной, с золотыми витыми столбиками-балясинками, с разными заморскими чуждами, с пуховой лебяжьей периной, что от дедов, от прадедов, из рода в род в нашей царской семье переходит, — то будет тебе два столба с перекладиной. Будут караулить опочивальню нашу царскую востры сенны девушки. Вот тебе наш государев сказ, а дале — как сам знашь!

Опять вдарило Фильку в злу думу-кручинушку. Не ест, не пьёт, сидит дома, плачется:

— Нету-ка мне, бедному, житья-бытья на белом свете от злых лютых ворогов...

Страдает Филя, на супружницу не смотрит, милых детушек не ластит. Да не прост только Филя-пёс! Удумал вор и тут. Раздобыл туесок гущи да поросёнка-подсоска изгоенного².

Выбрал время не рано, после того, как во царском во дворце после сытого обеда-столованьица и царя, и царицу, и всю челядь дворскую крепкий сон одолел. Забрался втихомолку в сенну девичью горенку, коя рядом с опочивальной царской, залез ворина под лавку, крыту коврами парчевыми и приту-

¹ Услышали.

² Поросянка-сосунка, очищенного от шерсти.

лился тут в уголке тёмном, пролежал там до ночи. Настала ночь. Царь с царицей в свои покои прошли и спать улеглись. У дверей же впритрут¹ две сенных девушки-караульщицы улеглись.

Выждал Филька, как с полночи все крепко-накрепко заснули, выбрался из своего угла да промеж сенных девушек поросёнка голого и положил, а сам лёг под лавку и ждёт.

Вот одна девушка ото сна разглунулась да рукой поросёнка и ущупала. И совсем очухалась. И покажись ей со сна, что лежит ребеночек мертвенький. Вот она и толкает других сенных девушек да говорит:

— Нюрка, а, Нюрка, это ты, сучка, родила?..

Проснулась Нюрка, тоже ущупала поросёнка и тоже говорит:

— Нет, это ты, Машка, стерва, родила да и заспала младенца, ишь уж холодный.

И почали перепираться. Одна говорит:

— Ты родила!

А другая тоже:

— Нет, ты родила!

Корят друг друга хахалями². Только перекорялись, перекорялись да и испугались: как да застанут их с ребёнком, беда им будет! Сговорились, завернули поросёнка в простынку и побежали в сад захоронить. А Филька то и ждал! Живо забрался в царску опочивальню, подобрался, — духу не переводит — к царской постеле, открыл туесок да в серёдку к царю и к царице и вылил из туеска гушу, а сам под кровать забился.

Разметались царь с царицей в жаркой горнице на пуховой лебяжьей перине, укатались все в гуще. Подмок царь, проснулся. Щупает рукой — сыро, склизко. Понюхал пальчик — вонько. Толкает царицу под бок:

— Мать, а, мать-царица! Ты, слышь, умаралась!

Проснулась царица, тоже рукой в гущу залезла, кричит на царя:

— Что ты, царь, старый сыч, одурел!

Соскочили оба с кровати да бежать девок будить, да в банну палату обмываться. А Филька тут, негорюхом³, выскочил из-под кровати, единым духом всю кровать со всем убором в окошко и сам туда же, — да и был таков!

Пуще прежнего пошла про Фильку молва-слава.

Говорить-говорили про Фильку все, да только все его и по-

---

¹ Вплотную.

² Любовниками.

³ Не долго думая.

баивались и всячески ублажали. Только поп Егор, богатеющий и завидующий старик, страсть не любил, как услышит разговор: какой Филька до́ка! Брала его зависть, что про Фильку говорят, а про его молчат. Ругал Фильку и толмил всем:

— Дурак ваш Филька. Не умом он своим робит, а на дураков наталкивается. Вот ко мне, небось, не подскоблится! Хранюсь я от него и завсегда ухранюсь.

Услыхал про поповы разговоры Филька, осерчал и думает:

— А коли так, погоди, долговолосая порода: удружу я тебе, жеребцу.

И почал он попа укарауливать. И вот раз дождался.

Принесла баба Матрёна к попу в церкву покойничка, ребёночка для отпеванья. А у попа на ту пору как раз не погодилось время отпеть покойника. Велел он поставить его в церкву: через день-де отпою. Поскудила баба, да что с попом сделаешь? Той порой Филька добыл большущего налима, дождался вечера-сумерек, пробрался в церкву, взял из гробика мертвячка, спрятал его в укромное место под церковное крыльцо, а налива в гроб положил и хвост наружу выставил.

Утром рано приходит в церкву поп заутреню служить. Взглянул ненароком на гробик, а из него рыбий хвост выставился! Испугался поп, открыл гробик, а в нём налим лежит! Совсем перепугался поп, выскочил на паперть, а Филька, как бы ненароком, мимо идёт. Увидал его поп, кричит с перепугу:

— Филя, Филя, подь сюда! Знаешь, какое чудо стряслось? — и рассказывает всё Фильке. А Филька глаза таращит, руками хлопает, будто ничего не знает. А поп к нему пристаёт:

— Не знаешь ли, Филя, — у тебя ведь ума-то палата, — что за чудо подеялось, как беду избыть, а то узнают миряне, остуда будет на весь приход, а до отца благочинного дойдёт, совсем беда будет.

Задумался Филька, а немного погодя, говорит:

— Смекаю я, батя, покойничек-то ведь шиликун¹. Матка-то ведь у него раскрутка да, видать, и ведьма. Ну, вот у её дите-то и родилось перевертень. А может этому делу пособить, кто заговор знает. Тогда налим опять в ребёнка перевернётся.

Пуще прежнего поп взмолился:

— Не знаешь ли ты, Филя, такого человека?

Опять задумался Филипп и снова попу говорит:

— Да что, батя, сам я немного это дело мерёкаю, да вишь, боязно, потому что надо заговор тот делать в полночь. И шибко тогда декуется: всяка нечиста сила лезет.

Совсем тут уцепился поп за Фильку.

---

¹ Бес.

— Филюшка, батюшка, такой-сякой, немазанный-сухой, выручь благодетель, по гроб не забуду. Я сам с тобой буду, в алтаре под престолом посижѹ.

Засмеялся Филька:

— Ладно, — говорит, — батюшка, помогу тебе, отцу духовному. Только не резон тебе под престолом на полу сидеть, а лучше я подвешу тебя в куле к потолочине: и тебе будет покойно и мне коло тебя не так страшно.

Согласился поп с перепугу на всё. Дождались ночи. Пришёл Филька позаране попа, куль новый рогожный с верёвкой принёс, в укромном месте подходящу дубинку берёзову упрятал. Промеж оконной рамы да ставнем кота посадил и ставень припёр, а в карман в табакерке пустой двух мышат усадил.

Пришёл поп. Очертил Филька углем коло гроба круг, ко гробу три свечки восковых поставил и говорит попу:

— Ну, батя, в круге меня нечиста сила не достанет, а ты в куле ухранишься. Давай-ка я тебя устрою.

Залез поп в куль, завязал его Филька и к потолочине подвесил. Оно попу и ничего в куле, как в зыбке, — тесновато только. Управился так Филька, встал в круг и ну, круто, круто¹ да невнятно бормотать, а сам к окошку подбирается. Подобрался, оттянул немного ставню и пустил мышей из табакерки к коту. Увидал кот мышей и пустился за ними. Мыши от кота в разны стороны. Кот за мышами, и таку возню подняли, только ставень железный говорит, — шум на всю церкву!

Подбежал к попу Филька и, как с перепугу, кое-как выговаривает:

— Ой, батя, беда! Куда мы денемся? Слышь, в окно матка шиликунова лезет, зла ведьма ломится. Ой, не сдобровать нам с тобой! Заест она наперво меня. Пришёл моей душеньке конец. Побегу я, батя, домой.

Затрясло попа в мешке. Завыл он тихонько:

— Что ты, Филя-батюшка, голубчик, отец родной! Не покидай ты, ради бога, меня на погибель злу, упаси ты меня как-нибудь. Коли упасёшь, проси, что хошь.

— Ничего мне, батя, не надо, — быть бы живу. Стану я опять в круг, только ты что ни будет, смотри, не шевелись.

Отбежал Филька от попа, расхлобыснул железну ставню с громом-стуком и тонким бабьим голосом засипел:

— А, вы таки-сяки, кто над моим покойником галится! А, это ты, Филиппко-вор! Согнула бы я тебя в дугу, да хитёр, стоишь ты в кругу. А ещё чьим духом пахнет?.. Попом смердит! Вон он где висит. А-а, попался ты мне, долговолосое чудо, будет тебе худо!

¹ Быстро, быстро.

А сам дубинку из укромного места вытащил, и ну по кулю дубасить! Дует попа да по-бабьи верещит:

— Доберусь я до тебя сейчас! Давно я поповой кровушки не пивала; давно я до твоего горла добираюсь. Кайся перед смертью, куда свою казну, с мира нахапану, запрятал. Не покаешься, задавлю твою жадную душу.

Обезумел поп, завыл диким голосом:

— Тётка Матрёна, мать родная, опусти душу на покаянье, бери казну кровну в олtare под престолом.

Затопал опять Филька по церкви, прошмыгнул в алтарь, кубышку под престолом схапал и к дверям, к порогу переставил, подбежал к окну, захлопал в ладоши, петухом запел, а по окошку кулаком, только стекла забренчали. Сам опять к попу и тихонечко шепчет:

— Ну, батя, говори «слава богу». Спасла нас птица божья, провалилась теперь вся нечисть, остались мы сёдни живы. Моли господа бога. Тожно я тебя ослобоню сичас, только в ограду схожу, огляжу, ещё нет ли какой страсти?

Схватил из гроба налима, ухватил кубышку попову у порога и дубинку захватил, выскочил в ограду, живым манером вытащил из-под крыльца покойника, спрятал на его место до поры, до время попову кубышку, туда же бросил налима да дубинку и живчиком к попу объявился, покойника в гроб уложил, сам попу наговаривает:

— Всю ограду, батя, обошёл: живой души нету-ка. Давай тожно вылезай.

Спустил Филька куль на пол, выпустил попа ни жива, ни мертва, а сам лепортует:

— Ну, батя, досталось нам с тобой! А всё-таки перевертня-то я одолел.

Посмотрел поп. Верно: лежит настоящий покойник, а не рыба-налим. Перекрестился поп, а Филька ему наказывает:

— Смотри, отец, держи язык за зубами, никому ничего не бай, а то молвы не опасёшься. И Матрёне ничего не напоминай, а то ведьма что-нибудь еще навредит лише этого.

Поп только головой качнул. Дескать, — ладно, а говорить уж не может: живого местечка на себе не чует да домой торопится отсыпаться да синяки залечивать. И про деньги забыл.

Мало, коротко время прошло. Наступило великое говенье. Вспомнил Филька, что обещал его поп тогда ночью без гроша, без копейки на дух принять. Отпостовал на серёдокрёстной неделе¹, пошёл к попу на исповедь. Спрашивает его поп:

— Не воровал ли у кого что, раб божий?

---

¹ 4-я неделя великого поста.

- Грешен, батюшка.
- Не обманывал ли духовное лицо?
- Грешен, батюшка: тебя обманул.
- Опешил поп:
- Как так!?

Сказал Филька, что он с ним сотворил. Взбеленился поп, из себя вышел, схватил с налою крест, замахнулся на Фильку, да одумался: не то же-де ликом христовым варнака учить. Выгнал Фильку из церкви пинками, на глаза не велел казаться и к причастию не приходить. А Филька только в бороду ухмыльнулся.

Не стал с тех пор поп похваляться, что он всех хитрее да мудрее. На всякого умника Филька найдётся!

И посейчас Филька живёт, в ус не дует, где сработает, где сворует.

Вот тебе и Филька-вор!

Сообщил 26 марта 1936 года в гор. Свердловске уроженец г. Шадринска, сын печатника, почтовый работник, а потом сотрудник областного бюро краеведения Степан Степанович Войтехов (1884 г.); сказку эту он слышал в Шадринске до революции от «заглумистого мужичка»¹ Николая Васильевича Козьмина в конце 1890-х или в начале 1900-х гг.

СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ»

В одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эх-ма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услышал, как солдат обижается на свою долю. Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, пойдй сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволите, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чём не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

И генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и

¹ Насмешника.

исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальникам — «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, а это грешно.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря да и терпенье скоро лопнет.

Генерал подумал да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь...

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на всё буду отвечать словесно; молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отвечу без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь. Читай-ка хоть мне... «Отче наш».

— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

Когда солдат в строй вступает,

Тяжко вздыхает и говорит:

Отче наш.

Румяная заря играет,

Рота командира ожидает, —

И же еси.

Шумит, гремит,

Рвётся, как

На небеси.

Подайте палок и плетей

Для солдатских плечей!

От солнечных лучей

Да святится.

Тогда солдат солдата,

По приказанию начальства,

Бьёт и в уме своем клянёт

Имя твоё.

Потом входит фельдфебель,
кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!»
Да придет.

Теперь вся рота наша в отряде.
Командир наш помрёт,
Будет во аде;
Тамо же будет
Царствие твоё.

Вот здесь командуешь нами,
А там будешь командовать чертями, —
Над нами
Да будет воля твоя.

Там будешь более в почёте,
Нежели у нас в батальоне или роте,
Яко на небеси.

Хоть ты не больше червя,
Который пресмыкается
И на земли.

Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь,
Это ведь —
Хлеб наш насущный.

Царь нам от казны отпускает, —
Да ждь нам днесь.

А если мы перед тобой в чём провинились,
Или на службу не явились,
В кабаке просидели, —
Остави нам.

А что вы муку нашу продаёте,
А денежку в карман кладёте,
Это за вами —
Долги наши.

Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,
Яко же и мы оставляем.

Если с нами честно разочтётесь
И во всем нас удовлетворите.
А если попрежнему, то будете
Должниками нашими.

А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово —
Не дай нам бог другого
И не введи нас во искушение,
Но избави нас.

А равно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как
От лукавого.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил (по другому варианту, — в шею выгнал).

Воспроизведено по записи, сделанной около 1905 года из сборника староверческих сатирических стихов.

Очень близкий к этому вариант пришлось услышать в деревне Ватлашово, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, от Гордея Михайловича Улитина, старого колхозника, бывшего ополченца царской армии, в которой он и слышал этот сказ от своего товарища. Сказ передавался в большой тайне.

Принадлежа к числу так называемых «тайных сказов», «Солдатское Отче наш» было одним из самых популярных не только среди солдат, но и среди рабочих уральских заводов: в Свердловске, Нижнем Тагиле, Молотове и т. д.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Русский народ, несмотря на жестокий гнёт со стороны своих угнетателей — царских властей, духовенства, помещиков, заводчиков, кулаков — не падал духом, не предавался унынию, а был полон веры в будущее и оптимистичен, что подтверждается, например, характером разнообразных развлечений, устраиваемых обычно в общественных местах или на лоне природы.

Высшей формой развлечений была постановка народных драм, то «Царя Максимильяна», то «Шайки разбойников» и др., появившихся в России в начале или в середине XVIII столетия. Горнозаводский Урал скоро перенял это развлечение, а из уральских рабочих посёлков, называвшихся тогда «заводами», народная драма перекочевала к уральскому и приуральскому крестьянству. Кажется, не было «завода» или сколько-нибудь крупного села, где бы народ не развлекался постановкой народных драм. В тех случаях, когда начальство запрещало публичное исполнение, исполнители ходили по домам и там давали свои представления.

Помимо того, что эти драмы развлекали народ, они в то же время являлись сатирой на помещиков, полицию и других врагов трудящихся.

Тексты народных драм обычно распространялись в рукописном виде, хотя большинство любителей народного лицедейства помнило их наизусть. В качестве центров постановок народной драмы можно назвать уральские и приуральские города, как Пермь, Екатеринбург, Нижний Тагил, Оренбург и некоторые сёла вокруг гор. Перми, где бытовала народная драма, как Левшино, Верхние Муллы, а также более отдалённое село Насадка, в Пермско-Сергинском районе.

В селе Насадка представление обычно происходило в последний день масленицы. Когда действие оканчивалось, один из артистов выступал с чтением особого «масляничного указа», текст которого даётся в сборнике после текста драмы.

Очевидно, «масляничные указы» были широко распространены на Урале. Отрывок такого же «указа», приводимый нами вместе с первым, записан мной в Добрянском районе, Молотовской области.

Откуда проникли сюда эти «указы»? Если даже поверхностно вдуматься в текст первого варианта «указа», то мы увидим, что он пришёл каким-то путём из среды оренбургского казачьего войска. За это говорят упоминаемые тут казаки и «осторожные башкирцы», и степь, и, наконец, весь шуточный разговор о военном действии — наступлении неприятеля в виде великого поста и др.

Естественно предположить, что оренбуржцы, отбывая военную службу в Петербурге, насмотрелись там всякого рода потех, переделали кое-что на свой лад и затем использовали у себя дома.

Кроме «Шайки», ставилась в ряде мест также пантомима «Великий грех водку пить», записанная 19 апреля 1936 года со слов А. К. Молчанова в Свердловске. По его словам в селе Сосновском ставился ещё ряд небольших номеров то театрального, то циркового характера. Между прочим, часто ставилась небольшая потешка «Суд», не имевшая строго определённого текста.

Сохранившиеся и бытующие до сих пор народные драмы ярко и образно изображают далёкое, канувшее в вечность тяжёлое прошлое.

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1. Трактирщик, мужчина лет 40.
2. Трактирщица, его жена, лет 30.
3. Барин, лет 25.
4. Староста, лет 60.
5. Афонька, малый, парень лет 20.
6. Атаман, лет 40.
7. Есаул, лет 30.

8. Девѣца.
9. Рыцарь.
10. Доктор.
11. Разбойники.

Действие происходит на постоялом дворе с трактиром.

Трактирщик. Эй, жена моя, трактирщица,
Чисти ножи и вилки,
Выноси на стол графины и бутылки,—
Я жду к себе гостя тароватого,
Из себя щеголеватого;
Я буду с ним пить, выпивать
И хочу его на несколько обсчитать.

Трактирщица (*ставит на стол*).. Всё готово!

Барин (*входит*). Фу, чорт возьми мою коляску —
Все четыре колеса,
Ехал шагом, запылѣлся,
Как на тройке прокатился...

Эй, трактирщик, есть ли у тебя такая свободная комната, в которой бы я мог поместиться со своим имуществом, котораго при себе не имею?

Трактирщик. Есть, есть, барин, рядом с буфетом, самая что ни на есть петербургская.

Барин. Это хорошо. Эй, трактирщик!

Трактирщик. Что угодно, барин?

Барин. Шатур-матур есть?

Трактирщик. Сколько угодно, барин.

Барин. А алафим?

Трактирщик. Тоже сколько угодно, барин.

Барин. Сколько стоит бутылка шампанскаго?

Трактирщик. Двадцать пять рублей.

Барин. Как?..

Трактирщик. Пять рублей.

Барин. Эй, трактирщик, налей-ка мне стакан холодной воды.

Трактирщик. Что вы, что вы, барин, с дорогих-то вин да на холодную воду!

Барин. Молчать! Я в том трактире прокутился, а здесь хочу выпить стакан холодной воды.

Трактирщик. Извините, барин. У всякаго чина бывает всячина (*наливает воду*).

Барин. Эй, трактирщик, подай-ка мне мыльницу и туалет, — с дороги помыться и побриться хорошо.

Трактирщик. Что вы, барин, — мыльный пистолет... Да не стреляться ли уж вы хотите?

Барин. Как? Что?

Трактирщик. Извините, барин, — ослышался.

Барин. Эй, трактирщик, не приехал ли сюда староста?

Трактирщик. Приехал, барин, приехал: семь дней, чуть не неделя.

Барин. Что же мне раньше не сказал?

Трактирщик. Да я вас дома не застал.

Барин. Позвать его сюда.

Староста (входит). Тпру! Тпру!

Кол тебе в шею!

Под гору бежит,

А в гору лежит.

А из грязи

Хоть сам вези.

Ох, здравствуй, батюшка-барин!

Барин (поворачивается). Здравствуй, почтенный старичок! Откуда же ты и кто такой?

Староста. Да я ваш сельский староста, батюшка-барин, вот уж двадцать лет вашей милости служу.

Барин. Э, Севастьян, не узнал своих крестьян. Вот что, староста, собрал ли ты с моих крестьян оброк?

Староста. Собрал, батюшка-барин, собрал.

Барин. А с кого и сколько?

Староста. А с Фомки грош,

Да с Ерёмки грош,

Да с вора-Варфоломейки

Одна медная копейка.

Барин. А с него что всех меньше?

Староста. Да он гол, как бес,

По семь суток хлеба не ест,

А ребят у него много —

В мою шляпу не скласть.

Барин. А ну-ка, подай сюда отчёт.

Староста. Эх, батюшка-барин,

Ехал я к вам с отчётом,

А дождь-то был секучий,

Мороз-то был трескучий —

Я зашёл в первый кабачок,

На Фомкин грош выпил,

На Ерёмкин закусил,

А на вора-Варфоломейки

Медную копейку

Нюхательного табачку купил, —

Не угодно ли понюхать?

Барин. Прочь, болван! Ты сам знаешь, что я не нюхаю, а курю... А как, староста, стоит ли моя мельница на семидесяти семи поставах?

Староста. Да какой чорт её там поставил, — там стоит одна конотопка.

Барин. Как?

Староста. Стоит, батюшка-барин, стоит.

Барин. А сколько она в год прибыли даёт?

Староста. Семьдесят пять четвертей с осьминою,
Да двадцать пять чертей за спиной.

Барин. Как?

Староста. Семьдесят пять четвертей с осминой,
Да семьдесят пять рублей с полтиной.

Барин. А хорош ли был урожай в моей вотчине?

Староста. Хорош, батюшка-барин, хорош.

Барин. А как же хорош-то?

Староста. А колос от колосу —
Не слышать человеческого голосу.

Барин. Как?

Староста. Колос от колосу —
Некуда яблоку пасть.

Барин. Так часто было и снопов?

Староста. Сноп от снопа —
Как чорт от попа.

Барин. Как?

Староста. Сноп от снопа —
Некуда пешему пройти.

Барин. Так, значит, густо было и бабок?

Староста. Густо, батюшка-барин, так густо, что бабка от бабки — на худой кобыле в неделю не доедешь.

Барин. Как?

Староста. Так, что на тройке негде завернуться.

Барин. А что же вы из этого хлеба делаете?

Староста. Да, конечно, пиво варим, батюшка-барин.

Барин. А хорошо ли ваше пиво?

Староста. А вот так хорошо:
Как стакан нальёшь,
Да раз двадцать по спине оплетёшь,
Так за шампанское выпьешь.

Барин. А хорошо ли мои крестьяне в вотчине живут?

Староста. Хорошо, батюшка-барин, хорошо.

Барин. А как же хорошо?

Староста. Да в семи дворах один топор, да и тот без топорisha.

Барин. Как?

Староста. В семи дворах по семи топоров.

Барин. А что же они этими топорами делают?

Староста. А, конечно, дрова рубят, батюшка-барин.

Барин. А как же они рубят?

Староста. Один человек дрова рубит,
Пять человек в трубу трубят,
А остальные под кустом лежат
И длинные трубочки покуривают.

Барин. Как?

Староста. Семь человек дрова рубят,
Один в трубу трубят,
А остальные подваливают.

Барин. А вот что, староста, жива ли моя бабушка?

Староста. Да нет, батюшка-барин:
Она в верхнем этаже сидела,
Пряжу пряла,
Оттуда упала
И сдохла, проклятая.

(Спохватившись). А, батюшка-барин, я вам отчёт от мира сего привёз.

Достаёт бумагу, барин её принимает и читает.

Барин. А вот что, староста, здесь в рапорте упомянуто, при моём отъезде на столе оставался перочинный ножик, — вы его сломали?

Староста. Сломали, батюшка-барин, сломали.

Барин. А как же вы его сломали?

Староста. Да с твоего любимого иноходца с головы кожу сдирали, тут его и сломали.

Барин. А разве мой любимый иноходец сдох?

Староста. Да, помер, батюшка-барин, от божьей милости.

Барин. А вот что, староста, как же ты говоришь, что любимый иноходец помер от божьей милости, а моя бабушка упала и сдохла, проклятая?

Староста. Извините, батюшка-барин: это к слову подошло.

Барин. А вот что, староста, достань-ка мне стакан водки алой.

Староста. У вас на то есть Афонька малый, —
Вот вам хомут и дуга,
А я вам больше не слуга...

Староста уходит.

Барин (в окно). Афонька малый!

Афонька. Что изволишь, барин пьяный?

Барин. Как?

Афонька. Барин славный.

Барин. Афонька малый! Подай мне стакан водки алой.

Афонька. А где ж я её взял?

Барин. У Марьи Ивановны в поставе.

Афонька. Да какой её там чорт поставил?

Барин. Ну, ищи во втором.

Афонька. Я и так обежал кругом.

Барин. Ну, ищи в третьем.

Афонька. Да там стоит чорт с плетью.

Барин. Да куда же вы её дели?

Афонька. Конечно, выпили.

Барин. А где ж вы её выпили?

Афонька. Конечно, у Марьи Ивановны.

Барин. А хороша ли моя Марья Ивановна?

Афонька. Хороша, барин, хороша.

Барин. А как же хороша?

Афонька. А как набелится,

Да нарумянится,

Да чёрной сажей намажется,

Так её сам чорт не признает.

Барин. Как?

Афонька. Как в огороде мак.

Барин. А хорош ли я?

Афонька. Хорош, барин, хорош.

Барин. А как же хорош?

Афонька. А так, что на всех чертей похож, —

В этом бы сюртуке

Быть бы вам на чердаке,

А не в комнате.

Барин. Как?

Афонька. Как алый мак.

Барин. Хорошо ли моя шашка висит?

Афонька. Как у старого кобеля хвост торчит.

Барин. Как?

Афонька. Как у заграничного генерала.

Барин. Афонька малый!

Афонька. Что угодно, барин пьяный?

Барин. Как?

Афонька. Барин славный.

Барин. Напоил ты моего коня?

Афонька. Напоил, батюшка-барин, напоил.

Барин. А зачем у него губа суха?

Афонька. Да, барин, прорубь высока.

Барин. А ты бы её подсек.

Афонька. Да я, барин, и так все четыре ноги отсек.

Барин. Да ведь ты же коня-то извёл!

Афонька. Я, барин, и так в конюшню свёл.

Барин. Ты бы привязал к овсу.

Афонька. Я и так, барин, подтянул к кольцу, — и теперь висит.

Барин. Афонька малый, где ж ты находился?

Афонька. Я на овине сушился.

Барин. А если бы ты загорелся?

Афонька. А я бы вышел да согрелся.

Барин. Да где же ты скитался?

Афонька. Я на лодочке катался.

Барин. Велика ли ваша лодочка?

Афонька. Велика-то, не велика, а человек сорок влезет.

Барин. Кто у вас был управитель?

Афонька. Руль.

Барин. Да кто был установитель?

Афонька. Якорь.

Барин. Да кто у вас был заверяло?

Афонька. Парус.

Барин. Да кто у вас был всех выше?

Афонька. Мачта.

Барин. Да я у тебя спрашиваю, кого вы слушали?

Афонька. Самого друга атамана.

Барин. Так бы и говорил. А можно видеть вашего атамана?

Афонька. Можно-то можно,

Да только осторожно...

Кружись, небо и земля,

Явись, шайка разбойников, сюда!

Оба уходят. Является атаман; громко говорит.

Атаман. Тише, чортова дружина,

Меньше бы водки пила,

Не столько бы шуму было.

Я пылаю, низвергаю,

С неба звёзды я срываю.

Упала звезда с небес

И осветила вольный свет.

Я, сам атаман,

Явлюсь, как буря, здесь.

Эй, вы, друзья мои военные,

Ваши бронзы бесполезные,

Вы знаете то,

Что в раю мне места не прибавят,

В аду мне места не убавят.

Чем нам лезть там,

Я буду при Волге атаман,

Буду грабить и убивать

И тем богатство наживать.

Эй, мой верный есаул,
Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
А то в грязь втопчу,
Пополам порву,
Закачу тебе двадцать пять,
Мало того — сто,
Пропадёт твоя служба ни за что!

Есаул. Что, что, друг атаман,
Так грозно призываете,
Али каких работ повелеваете?

Атаман. Устроить мне косную лодку, чтобы от берега
до берега перелетала вмиг, как птица.

Шайка (все вместе). Готова, друг есаул.

Атаман. Эй, мой верный есаул, готова ли косная
лодка?

Есаул. Готова, друг атаман!

Атаман. Эй, гребцы, садись по бокам,
Вёсла на борт,— раз!
Перчатки на руки,— два!

А ты, есаул, запевай мою любимую песню.

Есаул. Об этом, друг атаман, побеспокойтесь сами.

Атаман (запевает). Вниз по матушке по Волге,

По широкой, славной, долгой,

Поднималась мать-погода,

Погодушка не малая,

Не малая, валовая.

Ничего в валах не видно,

Только видно, только слышно —

Бежит лодочка косная,

Что косная лодка, разгребная.

В этой лодочке косной

Атаман по ней гуляет,

Разбойничков наряжает:

«Грядьте, грядьте-ка, ребята,

Погребайте, молодые...»

Эй, мой верный есаул,

Скоро едем, ничего не видим,

Не разбить бы нам косную лодку

И не осесть бы нам, добрым молодцам,

На дно глубокое.

Вставай на шлюпку

И смотри в мою подзорную трубку

Или в свой обширный кулак.

Есаул (встаёт и смотрит). Вижу, друг атаман.

Атаман. Что видишь?

Есаул. Корабль.

Атаман. Какой: военный или купеческий?

Есаул. Конечно, купеческий.

Атаман. Нельзя ли нам на него напасть?

Есаул. Да оно можно, но только осторожно.

Атаман. Почему это так?

Есаул. Потому, что на нём вижу много мелких пуль и крупных ядер.

Атаман. Фу, чорт возьми! Ты сам знаешь, что я мелкие пули духом отдуваю, а крупные ядра в руки принимаю. Смотри, брат, верней!

Есаул. Вижу, друг атаман.

Атаман. Что видишь?

Есаул. Чернеть.

Атаман. Ах, ну и чорт же тебя и всех побери!

Ты сам знаешь, что в воде черти, в земле
черви,

В лесах сучки, а в городах полицейские
крючки,—

Всех нас, добрых молодцев, хотят поймать,
сковать

И в ссылку в Сибирь сослать.

Но мы этого не боимся,

В столичные города заберёмся,

Попьем и погуляем

И карманы понабиваем.

Смотри, брат, верней!

Есаул. Вижу, друг атаман.

Атаман. Что видишь?

Есаул. Впереди лежит колода.

Атаман. Я сам теперь воевода.

Был в Италии, был и далее,

Был тут и там,

А теперь при Волге атаман.

Буду грабить, убивать

И тем богатство добывать.

Не страшна нам Волга волнами,

А страшна берегами.

Смотри, друг, верней!

Есаул. Вижу, друг атаман.

Атаман. Что видишь?

Есаул. Вижу остров: на берегу богатое село.

Атаман. Эх, недаром у нас бока подвело,
Приворачивай в него!

Все поют на мотив «Вниз по матушке по Волге»:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережку,
Ко желту мелку песочку,
Ко Еленину подворью.

Атаман. Эй, друзья, нет ли по пути какой добычи?

Есаул. Эй, друг атаман.

По чистому полю едет карета,
В этой карете сидит девица,
Распевает, словно райская птица.

Атаман. Эй, друзья, в погоню!

Все разбегаются. Через некоторое время есаул приводит девицу, которая встает перед атаманом на колени.

Атаман. Встань, встань, красная девица, скажись, чья ты, откуда и кто такая?

Девица. Мы с папашей ехали из Астрахани, на нас напали злые разбойники, моего папашеньку убили, а меня взяли в плен.

Атаман. Это хорошо... Не пойдёшь ли ты за меня замуж, красная девица?

У меня есть для тебя
Кофточка, золотом шитая,
Шуба на лисьем меху.
Будешь ходить ты бархатом крытая
И спать на лебяжьем пуху.

Девица. Ах вы, дерзкие разбойники! Вы ещё и тем недовольны, что моего папашеньку убили, а меня в плен взяли. Прочь! Я хочу на волю.

Атаман. Цыц, цыц, дерзкая девица. Я заставлю тебя замолчать. (К есаулу). Эй, мой верный есаул, не хочешь ли ты пожениться?

Есаул. Что вы, что вы, друг атаман! Рад бы я жениться и на семидесятилетней старушке, да и той для меня нет.

Атаман. Зачем тебе жениться на семидесятилетней старушке, коли у нас есть девица семнадцати лет.

Есаул. Да ведь она за меня не пойдёт.

Атаман. Взять её в наше подземелье!

В это время появляется рыцарь, разыскивающий сестру.

Рыцарь. Ах, вы, дерзкие разбойники, куда вы девали мою сестру Раису?

Атаман (указывает в сторону подземелья). Она там, она там, где и милость ваша будет.

Рыцарь (выступая вперёд). Кто похитил мою сестру Раису, выходи со мной биться на шпагах, на дуэль!

Атаман. Прежде чем сражаться, нужно вывести ту девицу, с которой он мог бы проститься.

Приводят девицу. Рыцарь берёт её за руку и прощается.

Рыцарь *(поёт)*. Прощай, страна моя родная,
Прощайте, милые друзья,
Благослови меня, родная,
Быть может, на смерть иду я.

После этого есаул и рыцарь выходят на середину, отступают друг от друга и по знаку, данному атаманом, сбегаются. Рыцарь сносит есаулу голову.

Атаман. Ах, как ты, дерзкий, посмел убить моего верного человека?

Рыцарь. Я за то его убил, что он насильно взял мою сестру Раису замуж.

Атаман. Выходи и со мной на дуэль; будем биться, драться, в шашки острые играть.

Рыцарь. Жги огнём, рази мечом,— я не из трусливых!

Рыцарь и атаман расходятся и быстро сбегаются. Атаман ранит рыцаря.

Атаман. Эй, любезнейшая наша шайка, нет ли у нас такого человека, который мог бы тела лечить?

Один из разбойников. Есть доктор, самый сан-петербургский.

Атаман. Позвать доктора!

Является доктор.

Атаман *(обращаясь к доктору)*. Кто вы такие и можете ли эти тела лечить?

Доктор. Я — не русский, не французский,
Сам я доктор петербургский.
Лечу на славу,
Хоть Фому, хоть Савву:
Чирьи вырезаю,
Верёда вставляю,
На тот свет отправляю.
Я хорошо лечить умею
И уморить тотчас поспею.
Этим телам для приправки
Сенной трухи поднести
Да раз десять кнутом оплести,
Вот и выздоровеют.

(Делает вид, что перевязывает раны).

Атаман. Любезнейшая наша шайка, нужно отдать последнюю похоронную честь нашему дорогому есаулу.

Разбойники поднимают есаула на руки, уносят его и при этом поют, а атаман стоит, задумавшись.

Песня разбойников

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.

Припев:

Все тучки, тучки принависли,
И с моря пал туман,
Скажи, о чем задумался,
Скажи, наш атаман.

Носилки не простые —
Из ружей сложены,
И поперек стальные
Мечи положены.

Припев.

На тех мечах могучий
Разбойник молодой.
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.

Припев.

Из ран его тяжёлых
Ручьями кровь течёт.
До места доходили,
Сказали: «Братцы, стой!»

Припев.

Все дружно принимались
Могилу братцу рыть.
Повырыли могилу
На крутом бережку.

Припев.

На крутом бережочке,
В жёлтом мелком песку.
«Лежи ты, наш товарищ,
Лежи, наш дорогой.

Припев.

Теперь нам не время
Беседовать с тобой».
Садились на коней,
Опять в кровавый бой.

П р и п е в.

А т а м а н. Эй, любезнейшие друзья мои! Надо честь от-
дать храброму рыцарю.

Р а з б о й н и к и (*берут на руки рыцаря и поют*).

Как во поле-поличке
Ёлочка стоит.
Ёлочка стоит, стоит,
Да кудреватая.
Как под этой ёлочкой
Гусарик лежит.
Гусарик лежит, лежит,
Да конь над ним стоит.
Конь копытом землю бьёт,
Воду достаёт.
«Тебе, тебе, конюшко,
Воды не достать,
А мне, добру молодцу,
От земли не встать».
Восстань, восстань, молодец,
Армия идёт.
Армия идёт,
Да всё нерусская,
Армия идёт,
Да всё турецкая.
Как во этой армии
Офицеров нет.
Офицеров нет,
Нет полковничков.
«Пойди, пёйди, конюшко,
В землю русскую,
Скажи, скажи, конюшко,
Моей любезной,
Ты скажи моей милой,
Что женат я на другой:
Поженила молодца
Пуля меткая,
Обвенчала добра молодца
Сабля бреткая.

*Записано в 1935 году от колхозника деревни
Ватлашово, Насадского сельского совета, Перм-
ско-Сергинского района, Молотовской области,
Гордея Михайловича Улитина, 63 лет.*

МАСЛЯНИЧНЫЙ УКАЗ

Из Пермской губернии,
Того же уезда,
Из Насадского волостного правления
Было прислано
Становому приставу,
Прислано, велено прочитать
Про честную масляницу:
Честно её встретить,
Честно проводить.

В месяцу февралю,
В тыща восемьсот семьдесят пятом году
Учинили мы великую невзгodu.

Здравствуйте, мои сибиряки!
Как ваши войска,
Как наши казаки,
Почестники, разночницы,
Осторожные башкирцы?

Как с вами, молодцами,
Как с оладьями, хворостами,
Как мы ходили по дворам,
Падали, валялись посреди улицы,
Как мокрые курицы.

Да как я пришла за стойку —
Вина не убывает,
А целовальник-плут
Воды всё больше прибавляет.

Задумала я вытти на катушку,
Посмотреть хорошую молодушку.
Тут меня ребята подхватили,
В корабль посадили
И под гору укатили.

Я с ними иду, разговариваю,
Как получше с масляницей обходиться,
Во второй раз под гору укатиться.

Тут на меня нападает бессовестный хрен.
Только лишь одно —
Нельзя было укрыться от него.

Ухватила я тут несколько саней и дровней,
Запрягла в них сук своих, свиней,
Тут я свою армию сожалела,
И в степь далее бежать велела.

Сколь свиньи ни визжали,
А всё скоком бежали.
Жаренцы, пряженцы —
На оба концы,
А хворосты, блины —
С левой стороны.
Рыбный пирог —
Посреди армии станов.

Потом призывали к себе лапшу
И любезную яишницу,
Чтобы в неприятельскую нападку
Заряжать яйца смяткой.

Тут я с этого устраху
С горя обмарала не одну белую рубаху.
С горести, с печали,
С великого стыда
Не знала, следовать куда.

Тут прискакал вестовой блин,
Дает такие явки,
Что неприятель подступает к нашей ставке:
Горох да редька,
Белая капуста —
С неё будет в брюхе пусто.
У нас есть сладкие напитки.
Милости просим к нам сходить
И к себе пригласить.

Сколько у них было битвы,
Кроволития было
И сколько войска было!..

Милые мои слуги,
Деревенские подруги,
Не надсмехайтесь надо мной.
Я уверяю, что к вам придёт великий пост,
Вам от попа тогда будет
Всем, от мала до велика, спрос.

У поста есть хрен да редька,
Белая капуста —
С неё у вас в брюхе станет пусто.

Милые мои друзья,
Деревенские слуги,
Я вас наделяла, жаловала
Кого офицером,
Кого кавалером,
Кому пятнала рожу,
А с кого сдирала кожу.

В чистый понедельник сделалась невесела,
Буйну голову повесила.
Я, мать ваша, наставница,
Великая забавница.
Я бы крылья имела,
Всерадостно к вам летела.

В месяцу февралю
В будущем году
Сама себя объявлю.

Записано в 1935 году от бывшего крестьянина деревни Ватлашово, Насадского сельского совета, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, Гаврилы Васильевича Лихачёва, под 60 лет, работавшего в гор. Молотове сторожем на одном из заводов. По словам Лихачёва, указ был переписан его старшим братом в Кузье-Александровском заводе от одного рабочего.

В молодости сказитель принимал участие в разыгрывании «Шайки разбойников», после исполнения которой выступал в роли чтеца этого указа.

ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ВОДКУ ПИТЬ

Пантомима

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Настоятель монастыря. Солидный, толстый, с большой бородой, одетый в длинный балахон с широкими рукавами, подпоясанный верёвкой, на голове остроугольный колпак.

Первый монах. Также с бородой, одетый, как настоятель.

Второй монах. Во всем подобен первому.

Первая девка. Одета в деревенское платье.

Вторая девка. Во всем подобная первой.

Действие происходит в одной из келий монастыря. В передней части комнаты у стены, неплотно к ней, стоят козлы.

На них накинута полог таким образом, что он образует как бы заднюю стену сцены, а с боков загибается во внутрь кулис, немного не доходя до стены как справа, так и слева. В образующиеся таким образом отверстия с той и с другой стороны выходят действующие лица, скрывающиеся до того за кулисами.

Действие начинается тем, что с той и с другой стороны из-за кулис выходит по монаху. Оба идут чинно, в такт друг другу, держат в руках каждый по раскрытой книге огромной величины. Выходят, глубокомысленно смотрят в книгу, а потом, подняв глаза к небу, произносят оба в раз:

— Великий грех водку пить!

Тихо, тихо ступая, подвигаются к середине сцены, время от времени поднимая глаза к небу и опять опуская их; ступают опять же в такт друг другу.

Не успели монахи дойти до середины сцены, как с обеих сторон из-за кулис выбегает по девке и ставят каждому монаху по табурету и тотчас же скрываются.

Монахи, не обращая внимания на девочек, медленно садятся на табуреты, продолжая глубокомысленно смотреть то в книги, то на потолок.

Вновь выбегают те же девочки, ненадолго останавливаются на границе сцены, потом подбегают к монахам, ставят возле каждого по бутылке водки и убегают обратно.

Монахи всё продолжают смотреть то в книги, то на потолок, а потом начинают осторожно посматривать на пол, где стоят бутылки. Смотрят таким образом несколько раз. Потом глядят друг на друга, но так, что когда смотрит один, другой как бы не замечает этого.

Потом, точно по команде, враз берутся за бутылки, отпивают из горлышек, ставят бутылки на пол и вновь принимаются за благочестивое смотрение то в книги, то на потолок.

Так повторяется ещё один-два раза, после чего появляются те же девочки, заскакивают к монахам на колени и начинают трястись на них. Монахи стараются обнять и поцеловать девочек.

Не успели они поцеловаться, как слышат за кулисами шаги. Медленно, с такой же громадной книгой и глубокомысленным видом, выходит настоятель. Шагнув два раза, говорит:

— Великий грех водку пить!

В это время оба монаха вместе с девками успевают скрыться за кулисы. Настоятель медленно, медленно, посматривая то в книгу, то на потолок, доходит до середины сцены. Вдруг смотрит на пол и видит стоящие там бутылки с водкой. Стоит в нерешительности некоторое время, а потом начинает опять смотреть то в книгу, то на потолок.

Снова взгляд настоятеля падает на бутылки. Он озирается по сторонам, потом быстро, быстро нагибается, берёт одну бутылку и отпивает из горлышка.

Не успел он поставить бутылку обратно на пол, как вбегают из-за кулис оба монаха с девками, начинают кружиться вокруг настоятеля. Тот тоже не стоит на месте, и начинается общий бег и скаканье.

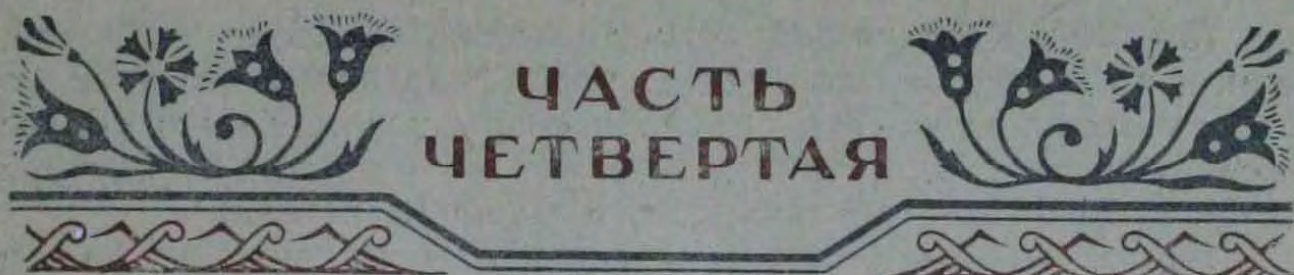
Всё кончается тем, что исполнители убегают за кулисы, и сцена остаётся пустой.

Записано в гор. Свердловске от очевидца исполнения пантомимы, бывшего учителя народной школы Александра Константиновича Молчанова. Он наблюдал исполнение пантомимы во время святок в селе Сосновское, Ольховского района, Курганской области, в помещении земской учебно-показательной посадной (сапожной) мастерской около 1905 года.

Остроконечные колпаки на монахах — уступка времени, так как исполнители не решались надеть клобуки, как у настоящих монахов, чтобы не навлечь преследование начальства.

ЯЗЫК РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН УРАЛА

Кто хочет знать историю и быт какого-нибудь народа, тот должен прежде всего изучить его язык. Это — ключ к пониманию души народа, его прошлого, его чаяний на будущее. Для изучения народного творчества также совершенно необходимо знать языковой материал, из которого строится это творчество.

Этот раздел прежде всего адресован нашим уральским писателям и лингвистам. Они, во главе с П. П. Бажовым, не раз говорили о необходимости издать книгу, в которой была бы собрана хоть часть словарного богатства трудящихся Урала. Так пусть эта книга в какой-то мере явится предшественницей того, что хотели бы иметь наши писатели и лингвисты.

ЯЗЫКОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Аллакать. Говорить по-башкирски или по-татарски. «Оне зааллакали, а я нечо понеть у них не могу» (Далматовский район, Курганской области).

Аркай. Громко говорить, кричать, браниться. «Да не аркай ты, — я и так чую» (Северный и Средний Урал и Зауралье).

Баляка. Говорун, болтун, пустослов, любитель поговорить, нередко очень нудно. «У нас был здесь один; его «балякой» прозвали: вот нудно-то говорил, а все говорил, говорил» (гор. Алапаевск, Свердловской области).

Балякать. Беседовать, калякать, балакать. «Мы сидели, балякали тихонько».

Балясник. Говорун, весельчак, шутник. «Вот балясник-от был!» (Осинский и Шадринский районы).

Балясы точить. Лясы точить, вести пустые, шутливые разговоры. Ну, пошли балясы точить!» (гор. Кушва, Свердловской области).

Баязыка. Картавящий, неясно говорящий человек. «Андрей, как и обычно, стоял посредине сборни, картавя своим неуклюжим языком, за что его называли «баязыкой». (Газета «Голос колхозника», гор. Катайск, Курганской области, 20 октября 1939 г., № 115.— «Из прошлого деревни Шевелёвой»).

Баять. Говорить, держать речь. «Ты не знаешь, дак и не бай».

Говорили, баяли,
Мою милку хаяли.
Сейчас на показ:
Моя милка башше вас!

(гор. Алапаевск, 1919—1920 гг.; село Уксянка, Курганской области).

Басни. Разговоры. «Те басни, други басни,— ну и засиделись». «Сколько пива, столько и басен» (Среднее Зауралье).

Безголосица. 1. Потеря голоса, отсутствие способности говорить или петь. «Ой, да ведь он — безголосица!» 2. Лишённый права голоса на выборах. «У его уж давно безголосица» (Шадринский округ, 1920 год). 3. *Безголосый петух.* Человек со слабым или совсем потерянным голосом,— сравнение с молодым петушком, пробующим петь. «У, ты, безголосый петух!»

Беседовальщик. Собеседник, участник беседы. «Смотри, сколько беседовальщиков-то набралось сюда» (Деревня Жеребёнкова, Батуринаского района, Курганской области, 1926 г.).

Болботать. Бормотать, говорить невнятно. «Известно, болбочут, а понять невозможно» (Средний Урал и Зауралье).

Буторить. См. *Болботать*. «Чо-то буторит, а нечо не поймёшь» (гор. Шадринск, апрель 1949 г.).

Бүторовый. Невнятно говорящий, бормочущий. «Вахоня — мужик тяжёлый, борода до пупа, плечи ровно с подставышем, кулак — глядеть страшно, нога медвежья, и разговор буторовый» (П. П. Бажов, Солнечный камень).

Бухтítь. Ворчать, выражать недовольство. «Ну, не бухти, не бухти!» (гор. Свердловск, 1933 г.).

Бухтормá. Говорун, болтун. «Да на лешова нам екова бухторму!» (Кушвинский район, до революции).

Вгладь. Мягко, спокойно (о речи). «От нашево Степана не дождёшься, чтобы вгладь кому сказал, всё как-то норовит...» (Далматовский район, до революции).

В горстку говорить. Говорить себе под нос, тихо, боязливо, несмело. «Да что ты в горстку-то говоришь!» (гор. Кушва, до революции).

Гладко разговаривать. Быть разговорчивым, откровенным в разговоре; мирно говорить. «Из одной табакерки попотчевать, глаже бы разговаривал» (село Прошкино, Галкинского района, Курганской области, июль 1929 г.).

Говорок. Очень разговорчивый человек, любитель поговорить, словоохотливый. «Идет дружка-говорок, плечиками поворачивает, умильно поглядывает, с ножки на ножку подскакивает, клубук о клубук поколачивает». Из «наговоров дружки» (Среднее Прикамье).

Говорить по путё. Поддакивать, соглашаться, не противоречить. «Тут уж он по путё стал говорить» (Среднее Зауралье).

Говоря. Разговор, речь. «Всё было тихо, а тут слышу, говоря какая-то». «Дастся немому говоря» (Средний Урал и Зауралье).

Голк. Эхо, отзвук, звук. «Много голку, да мало толку» (Каргапольский район, Курганской области).

Долдбнить. Твердить, повторять одно и то же, бубнить. «Когда с полчаса долдонит, а сам головой мотает, руками размахивает» (П. П. Бажов, Тараканье мыло).

Калякать. Беседовать, мирно разговаривать. «Ну, вы тут калякайте, а я пойду» (Средний Урал и Зауралье).

Ковокать. Говорит «ково» вместо «что» и «чего». «Как услышишь, что ковокают, значит — наши шадринцы» (1940 г.).

Колдыкй. Старожилы в селениях Октябрьского района, Челябинской области, говорящие «колда» вместо «когда».

Лотошить. Бормотать, непонятно для других говорить, болтать. «Колтовчиха схватила его рукой за плечо, похлопывает потихоньку, лотошит с господишками, а о чём, — не разберёшь» (П. П. Бажов, Марков камень).

Мелево. Пустозвон, болтун. «Будет тебе, мелево!.. огрызнулась Параха и так двинула шестом, что наша лодка полетела вверх стрелой» (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Горой, СПб, 1902, стр. 9—10).

Молвь. Речь, разговор, наречие, жаргон. «Тут раньше много было разбойников, только не нашей веры и не нашей молви» (Средняя Чусовая, 1880 г.).

Недоволен языком. Страдающий какими-то недостатками в речи, в произношении.

Шаль бардова, шаль бардова,
Шаль бардова с косяком.
Моя-то грубиянка
Недовольна языком.

(Далматовский район, 1920 г.).

Отгáркнуться. Откликнуться, отозваться. «Кто-то отгáркнулся, а кто, не знаю». (Осинский район, до революции).

Оха поймать. Нажить горя, впасть в горе, когда приходится охатъ. «Летом ничо не робил, а зимой-то оха и поймал» (Среднее Зауралье).

Перебаять. Перебить речь; своими доводами заставить замолчать собеседника. «Ну, Степка и перебаял ево» (там же).

Переговорчик. Небольшой разговор, необходимость переговорить о чём-то. «У нас с ним переговорчик будет,— ненадолго останемся» (деревня Казанцева, Уксянского района, Курганской области, 1920-е гг.).

Переговорить. 1. Взять верх в прениях, на словах. «Ну, тебя не переговоришь!» (Зауралье). 2. Перебить разговор своим вмешательством в него. «Ты меня переговорил, а я и забыла, о чём хотела сказать» (Там же). 3) Обсудить между собой. «Вот переговорюсь, тогда скажу, как вам быть» (село Мехонка, Курганской области, 1928 г.).

Переговорщик. Делегат для переговоров с неприятелем, парламентёр. «В первых числах ноября (1773 г.) из с. Бетков [Оренбургской провинции], находящегося за Камой, в виду [села] Трехсвятского, прискакали 100 человек из партии Пугачёва. В самое село они не поехали, а остановились на лугах и послали в Трехсвятское одного крестьянина с требованием, чтобы сельский «мир» выбрал и прислал «переговорщиков» — «по нужному государевому делу» (Н. А. Добротворский, Пугачёв на Каме, «Исторический вестник», 1884, XII, стр. 470).

Побаять. Поговорить.

На мне, на бедной, славушки,
Как листьев на лесу.
Вы побайте, добры люди,
Я ведь всё перенесу.
(Уксянский район, 1921 г.).

Пораспускать язык. Очень много поговорить, поболтать языком, обо всём посудачить. «Ох, и пораспускала же она вчерась язык-от!» (Средний Урал и Зауралье).

Потрус. Шутник, балагур, забавник (Даль, т. III, стр. 37, как пермское).

Приерыкивать. Говорить несколько косноязычно, призаикиваться. «Неуж ты не знаешь — он ишшо приерыкивает» (гор. Шадринск).

Примать славу. Быть на худой славе, терпеть заочную брань. «Нет, примать славу я не буду» (Средний Урал и Зауралье).

Примать слово. Терпеть очную брань, ругань. «Я уж не впервой от тебя примаю слово» (там же).

Приречье. Нарекание, выражение недовольства, негодования. «Ну, смотрите, как бы потом на нас какого приречья не было,— сами видите, какую невесту берёте» (Уксянский район, Курганской области, июль, 1937 г.).

Пустоговорье. Пустые слова. «Горное начальство, может, половину того немецкого пустоговорья не понимало, а только про себя смекало: раз этот немец от высшего начальства присланный, не прекословить же ему» (П. П. Бажов, Тараканье мыло).

Пылять. Вспылить, сердиться и кричать в сердцах. «Увидит, что идём, и давай пылять» (гор. Нижняя Салда. 1950 г.).

Разаркаться. Разбраниться, разругаться. «Тут в цех и пришёл дедушко Бушуев. Он раньше по украшению же работал, да с немцами разаркался и своё дело завёл» (П. П. Бажов, Иванко-Крылатко).

Разбаяться. Разговориться, разбалагуриться. «Ну, разбаялись,— не переждёшь вас тут» (Средний Урал и Зауралье).

Разба́и. Длинный разговор. «Ну, распустил разбаи-то» (село Першино, Далматовского района).

Разблаговестить. Рассказать широкому кругу людей, разболтать то, что не подлежало этому, разнести вести. «Это не иначе, как Марья разблаговестила».

Разглаголить. См. Разблаговестить. (гор. Шадринск).

Распускать басни. Вести длинные, пустые разговоры. «Ну, сошлись,— теперь станут распускать басни» (Среднее Зауралье).

Растегáлы. Жители деревни Талицы, Сухоложского района, Свердловской области, растягивающие слова при разговоре. «В Талице у нас растегалы живут».

Редová. Враль, брехун, балагур. «Да не редови ты, редова» (Катайский и Далматовский районы, Курганской области).

Ростяг. Протяжность, растягивание слов при разговоре. «В Каслях говорят на ростяг» (село Юго-Коневское, Багарякского района, Челябинской области).

Сбирать. Нести околесицу, говорить чушь, чепуху. «Ты только собирать-то и знаешь» (Средний Урал и Зауралье).

Сгрохать. Соврать совсем уж особенно, неправдоподобно. «Да кто это сгрохал?» (там же).

Сказка. Слух, чей-то рассказ, сообщение. «По сказкам-то выходит, что он вовсе не здешной» (Зауралье).

Сколоколить. См. Сгрохать (там же).

Слау́тный. Находящийся на славе, известный. «Он мужик шибко слаутной был».

Слых. Слух, как способность слушать; слух — молва, весть. «Давно уж он слых-от потерял». «Слыхом не слыхать, видом не видать». «Слых несётся».

Слыхивал. Слышал когда-то. «Нет, я про то не слыхивал» (Осинское Прикамье, до революции).

Слышу-послышу. Получаю вести, имею слухи, слышу не раз. «Слышим-послышим, а он уж давно уехал».

Слышь-ко. Вводное в значении: слушай, пойми. «Слышь-ко, сбегал бы ты к Огафье». В основу содержания книги П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» в первом издании (1939 г.) легли поэтические рассказы старого полевого рабочего В. А. Хмелинина, по прозвищу «Слышко», за его пристрастие к этому речению.

Собаку распустить. Начать браниться, ругаться. «Я слышу, кто-то опять у нас на улице собаку распустил».

Соровские слова. Соромские, нецензурные, похабные слова. «Мама, Васька опять соровские слова говорит» (Шадринский и соседние районы).

Талагай. Житель села Кочнева, Камышловского района, Свердловской области, где говорят растягивая слова, нараспев. «В нашем районе есть Кочнева, так тамошних жителей зовут талагаями».

Талалакать. Говорить на языке, непонятном русским; говорить невнятно, непонятно. «Дак чо ты талалакашь-то?» — обращение к лепечущему ребенку (Среднее Зауралье).

Тарнапать. Говорить на грубом наречии, не заботясь о красоте речи, ляпать, тараторить. «У нас не говорят, а тарнапают» (село Чудняково, Галкинского района, Курганской области).

Толстоязыкий. Страдающий неясным произношением. «Ох, да какой ты ишшо толстоязыкой!»

Торноб(а?)й. Краснобай, говорун, болтун. (Даль, т. IV, стр. 805, как пермское).

Три слова басен. Самый короткий разговор. «Я скоро: всего три слова басен» (Северный Урал и Зауралье).

Фуйкать. Постоянно говорить «фуй». «Прямо сказать, мастер. Одно не поглянулось: шибко здыморыльничал и на всё здешнее фуйкал. Что ему ни покажут из заводской работы, у него одно слово: фуй да фуй. Его за это и прозвали Фуйко Штоф» (П. П. Бажов, Иванко-Крылатко).

Фырчать. Ворчать, ругаться, браниться. «Бежит, как ошпаренный, фырчит про себя: «Разве это девка?» (П. П. Бажов, Малахитовая шкатулка).

Хрушко говорить. Громко, крупно говорить. «Я слышу, кто-то хрушко говорить зачал; оказалось, дедушко Павел» (Средний Урал и Зауралье).

Хрушкомол. Тот, кто крупно, громко говорит. «Ой да ведь он такой хрушкомол, как заговорит, всех разбудит, если спят» (там же).

Худоязыкий. Косноязычный, имеющий недостаток в произношении: шепелявость, невыговаривание звуков и др. «Ну, ты, худоязыкой, помолчал бы лучше» (там же).

Худые слова. Соромские, похабные слова. «Подобную же маскировку «худыми словами» мне приходилось наблюдать у сысертского песенника-импровизатора Н. Н. Медведева. Обычно скромный в быту и «воздержный на язык», он всегда был нарочито грубым в своих песенных импровизациях, посвящённых барину, заводскому начальству или попам» (П. П. Бажов, У старого рудника).

Чевы́кать. Говорить на «ч» вместо «ц». «А вот коло Кунгура дак там чевыкают: у их всё: курича, мельнича» (деревня Кузино, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, 1934 г.).

Чокать. Говорить «чо» вместо «что».

Девка «чо» да девка «чо».

Ты, девка, чокаешь поче?

— Я не чокаю нечо,—

А хоть чокну, ну, дак чо?

(бывший Шадринский округ, 1920 г.)

Чо́колка. Болтун, пустомеля, пустозвон. «Да слушай ты ево, чоколку!» (гор. Свердловск, 1930 г.).

Шшокотáленка. Болтун, болтуня, тараторка. «А возьми-ко ты Стёпшину бабу... вот шшокоталенка-то!» (гор. Шадринск, 1925 г.).

Шшокотáть. Тараторить, трещать языком. «Да не шшокочи ты!» (Средний Урал и Зауралье).

Щегловáть. Сплетничать, наговаривать, переносить сплетни (Даль, т. IV, стр. 1494).

Ягуны́. Жители ряда селений Миньярского района, Челябинской области, говорящие «го», вместо «его». «Это не у нас, а у ягунов».

ЖИВАЯ СТАРИНА В ГОВОРАХ УРАЛА

Мы знаем, что новгородцы ещё в XI веке ходили на Северный Урал и даже проникали дальше. Несомненно, уже в то время у них были там свои временные жилья, свои фактории, а к XIV веку появляются уже постоянные русские поселения. С конца XVI века русские начинают осваивать Средний Урал и Зауралье. Южный Урал стал заселяться русскими лишь со второй четверти XVIII столетия. Естественно, что новгородцы принесли в край свой окающий говор.

На Среднем Урале среди окающего населения встречаются островки аканья, а на Южном — наоборот.

К особенностям местного говора надо относиться внимательно, их нужно использовать в школьной работе и особенно при изучении своего края.

В нашем сборнике мы даём небольшой словарь древних слов, употребляемых в говорах Урала и встречающихся в древнерусской письменности.

Аркать. Громко говорить, кричать, бранить, ругать. «Да будет тебе аркать-то!» (Среднее Зауралье). Вероятно, из «аркать» и «варгать» — ворчать, возражать, а отсюда и «варгаш» — тот, кто варгает. Варгаши — название центра Варгашинского района, Курганской области, и одноимённой железнодорожной станции.

В «Слове о полку Игореве» сказано: «Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле, аркучи: «О Днепре Словитицю! Ты пробил еси каменные горы сквозь землю Половецкую...»

Велико говинье. Великий пост, то есть очень длительный пост, длительное говенье. «В велико говинье ишло мамонька ушла и всё не кажется домой-то».

В «Вопрошении Кирика» (1130—1156 гг.) мы читаем: юноша, который раньше брака соблазнился женским полом, мог получить причастие, если он сохранил «чисто велико говинье».

В древнейшей летописи великий пост все время называется «великим говиньем».

Вехоть. Мочальный жгут или какая-либо тряпица для мытья пола, лавок, стола и пр.; вехоткой моются (трутся) в бане. «Вот я тебя мокрым-то вехтем!» — частая угроза женщин по отношению к детям, заслужившим наказания. На вехти тряпицы употребляются из таких, что уже пришли в ветхость, отслужили свой срок в качестве белья, одежды и др.

В «Повести временных лет» под 6578 (1070) годом читаем: «Бог мылся в мовницы и отрѣся вехтем...»

Дивеса́. Дива, удивительные явления, — именительный множественного числа от слова «диво». «Дивеса: дыбом стали волосы!» — «Дивеса да и только!». В литературном языке употребление этого слова мы не знаем, кроме как у Маяковского. Между тем народный язык богаче в этом отношении, и это богатство использовано «поэтическим» трибуном революции.

Дикая пошлина. Переплата, ненужный расход, произвольная трата средств, слишком дорогая цена против обычного. «Нужно мне платить дикую пошлину, — лучше я туда пойду да там куплю».

Очевидно, здесь мы имеем дело с тождеством древней «дикуй вире». Кто-то убил человека, и если не нашли виновника, община платила князю штраф за убийство человека — «дикую виру». «Новгородци же, пришедше Новугороду, створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородцах сребро имати, а по волости куры (описка,

вместо «куны») брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все злато» (Первая новгородская летопись, под 1209 г.).

Добрó. Хорошо, славно, прочно, крепко, основательно. «Ну, и добро же я наелся!» «А нам бы с тобой поехать вместе.— Ну что ж, добро!»

Церковно-славянское: «Добро нам zde быти». Украинское: «Добре».

Доспеть. Добиться, достигнуть, приобрести. «Вырастут детки, доспеют и сметки». «А я, брат, целых две штуки доспел».

В Новгородской летописи под 1331 годом читаем: «...пригна князь Федор Киевский со баскаком в пятидесят человек разбоем, и новгородци остерегошася и стаща доспев противу себе, мало ся зло не учинило промежю ими».

Житница. Хлебный амбар. «Все житницы хлебом наполни, больше некуда было» (сельская местность под Соликамском, 1940 г.).

В Новгородской первой летописи под 1414 годом читаем: «...много разграбиша домов боярских, нь и монастырь святого Николы на поле разграбиша, ркуще: «зде житнице боярскыи».

Именье. Имущество. «Всего-то имения — сундук да шуба была».

В той же Новгородской летописи под 945 годом читаем: «И пусти дружину свою домове, с малою дружиною възратися, желая большего имениа».

Кадь. Мера сыпучих тел вместимостью до пяти пудов. «Мололи хлеб — гривенник с кади».

В той же летописи под 1215 годом: «А в Новегороде зло бысть велми: купляхуть кадь ржи по 10 гривен, а овса по три гривне, а репе воз по 2 гривне; ядыху люди соснову кору и лист липов и нини мох» (из рассказа о большом голоде).

Кóмонь. Конь, лошадь. 29 декабря 1934 года в селе Троица, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, пришлось записать свадебную песню с такими начальными строками:

Из поля, поля комани мои бежат,
Из чиста черна на-вороны.
Един конь всех наперёд забегат,
Копытом несёт,
Всю дороженьку сечёт...

В «Слове о полку Игореве»: «А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвържеся на бръзь комонь и скочи с него бусым вльком, и потече к лугу Донца...»

Лепок. От слова «лепить»: черепок, обломок глиняного горшка и вообще глиняной посуды. В данном слове мы видим отзвук древнейшей техники изготовления глиняной посуды не «точеньем» на гончарном кругу, а лепкой из расплюснутых глиняных валиков — пластинка на пластинку. «А для чего это вы лепки-то собираете!» (Каргопольский район, Курганской области).

Ноли. Даже, так, что даже. «Она ноли всю крупу издержала, нам ничо не осталось».

Сравните: «Том же лете (1107) приде Боняк, и Шаркун старый и ини князи мнози, а сташа около Лубьна; Святополк же, и Володимер, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк идоша на Половци к Лубну, и в 6 час дне бродишася чрес Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша хватающе кони, а друзии пеши побегоша; наши же поча сеи, женуще я, а другие руками имати, и гнаша ноли до Хорола» (М. Д. Приселков, Троицкая летопись, Реконструкция текста, Л., 1950, стр. 202).

Пись. Письмо, писанье, почерк, шрифт. «Пись-то у те кака-то мелкая, неразборчивая» (село Вознесенка, Ольховского района, Курганской области, 1920 г.). «Пропиши, што я жив, здоров, вот и вся пись» (начало 1930-х гг. от 55—56-летнего крестьянина деревни Трубиной, Пышминского района, Свердловской области).

Сравните: «А в Новегороде святей Софии и епискому и старосте Иваньскому и всему Новугороду мерила торговаа, скалвы вощаныи, пуд медовыи, и гривенку рублевую, и локоть Еваньскыи, и свои оброк: кубец черницам, а попу Иваньскому русскаа пись с Борисоглебьским напол». (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, изд. Академии наук СССР, 1950, стр. 486).

Потка. Древнее русское слово — птица (отсюда «куропатка»).

Фамилия Поткин часто встречается на Среднем Урале и в Зауралье. П. П. Бажов не знал, как правильно писать эту фамилию: Подкин или Поткин, считая, что она происходит от какого-то коми-пермяцкого слова. Рассказал, однако, что чуть ли не на родине у себя он разговорился с одним стариком, который заметил, что «Поткин» все равно что «Петухов». Значит, старику слово «потка» было знакомо. В «Уставе великого князя Всеволода о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых» читаем: «А се суды церковные: ...скот или псы или поткы или ино что непотребно церкви подеють» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, изд. Академии наук СССР, 1950, стр. 486).

В этой выдержке из «Устава» последнее слово «подеють» и теперь ещё в широчайшем употреблении в говорах Северного и Среднего Урала, тогда как в литературном языке оно уже исчезло; равно широко бытуют «подея» и «подия» — случай, происшествие, дело. «Не знаю, какая такая подия сделалась с им».

Пятно́. Клеймо, тавро, метка на теле животных, присвоенная в сельском обществе каждому хозяину скота. В волостных правлениях, например, Каргопольского и Мехонского уездов, до революции велась особая «книга пятен»; если терялись животные, то хозяева первым делом справлялись в соседних волостях, не нашел ли там кто бродячую скотину.

Княжеские тиуны в первые века нашего тысячелетия обязаны были снабжать хозяйский скот пятнами. «А сторожу Иваньскому русской порочицы пятно да десять конюхов (колюхов?) соли» (Та же летопись, стр. 486).

Слау́тный. Славный, находящийся на славе, знаменитый. «Он, мужик, шибко слаутный был».

Сравните: «...словутьного певца Митусу, древле за гордость не восхотевшему служить князю Даниилу, раздранного аки связанного проведоша». (Цитировано по книге Н. К. Гудзий, «История древней русской литературы», М., 1945, стр. 214—215).

Собо́р. Общество, компания, гурьба. «Ну, ребята, пошли всем собором!» (гор. Шадринск, 1942 г.). «Миром да собором всё-таки послали» (Северный и Средний Урал).

О церковных соборах и соборах гражданских в древней Руси все знают из истории: «собор» — собрание, съезд, по-современному — конференция.

Счува́ть. Запрещать закликать, сокращать расходившихся на словах, в поведении. «Стань их счувать, так ещё больше начинают дурить». Произносят также: «стювать», «щувать», а отсюда счунуть, стюнуть, щунуть, счув, стюв, щув и т. д.

Застюни ту грубиянку —
Как собака лается.

→ Сравните: «А се пятая вина: аще жена иметь, опроче мужа своего воле ходити по игрищам или в дни или в нощи, а муж иметь счивати, а она не послушает, разлучити ю». (См. цитированную выше новгородскую летопись, стр. 484).

Уско́чить. Убежать, быстро уйти. «Да вон какая грязь — не ускочишь...» (Зауралье).

Договоры Руси с греками 912 и 945 гг. указывают на «челядина», который «ускочит» с Руси в Византию.

Уречи́шию. Уречище, поречье, место, расположенное возле реки. «Ты пойдёшь по уречишшу-то, много еких-то костей

найдёшь» (о костях мамонта, первобытного бизона и других вымерших животных).

В Новгородской летописи под 1445 г. читаем: «оне же, Югрици, доспевше над ними облесть, а ркя тако: «мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися, и указати станы и острова, уречища» (стр. 425).

Шшокта́ть. Тараторить, трещать языком, стрекотать, щебетать. «Ты чо же всё утро только и шшокчѣшь!»

Сравните: «О, Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия пълкы ущекотал, скача, славию, по мысленному древу...» «Долго ночь мръкнет. Заря свет запала. Мъгла поля покрыла. Щекот славий успе; говор галичь убудися». («Слово о полку Игореве»).

Мы привели здесь далеко не все примеры бытования в уральском говоре древних слов и речений. Много ещё интересных «находок» сулит исследователям работа по изучению говоров Урала.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Блинохвát. Лицо духовного сословия, бесцеремонно хватающее угощения прихожан. «Ты блинохватов, бабушка, ждёшь?»

Брюхоболén. Человек, страдающий болями в животе: кто от обжорства, кто от голода, от недоедания.

Ветроду́йка. Тонкая ленточка, легко развевающаяся на ветру. С этим именем есть деревня в Бродолкамакском районе, Челябинской области.

Гужеéды. Переселенцы из бывших внутренних губерний Европейской России, такие бедные, что с голоду принуждены были съесть гужи от упряжки.

Глиното́пы. Горшечники, гончары, которым приходится предварительно вытоптать, размять ногами глину: «Ганинские глинотопы» — кустари деревни Ганиной, Шадринского района.

Гузнобо́й. Гололедица, когда люди при ходьбе падают и ушибают себе зад — гузно. «Да как ты пойдёшь-то: вон какой сѣдни гузнобо́й!» (гор. Свердловск).

Дранощéпина. Отодрванная от дерева щепка, драница; переносно: тощий, при этом высокого роста человек, особенно женщина. «Да ты скоро узнаешь её — такая дранощепина» (село Першино, Далматовского района).

Жженопя́тики. Рабочие дореволюционных металлургических заводов Среднего Урала, то и дело обжигавшие ноги о расплавленный металл из-за отсутствия охраны труда. «Мы каслинцев жженопятыками звали».

Здыморы́л. Гордец, кичливый, очень разборчивый человек или животное. «Ишь ты, здыморыл какой: то не ешь, другое не хочу». В сказе П. П. Бажова «Иванко-Крылатко» автор употребил глагол «здыморыльничать».

Зубомо́й. Зубоскал, насмешник, любитель подтрунить, пошутить, «помыть зубы». «Да ты — известный зубомой-то!» (Средний Урал).

Катовáл. Мастер по выделке валеной обуви (там же).

Косоплётка. Ленточка или полоска ткани, вплетаемая в косу. «Не твоя ли, Марья, косоплётка?» (там же).

Ласкоба́й. Говорун, человек со сладеньким языком, подхалим. «А мужик-от такой был ласкобай» (Шумихинский район, Курганской области).

Легоста́й. Нелюбитель тяжёлой, трудной работы, выбирающий её полегче да поменьше. «Нам этого легостая не надо!» (Средний Урал и Зауралье).

Лежеба́й. Лежебок, лентяй. «Возьми Стёпку с Васькой — оба хорошие лежебаи» (там же).

Манихво́ст. Соблазнитель, тот, кто тянет за собой куда-либо идти. «Ты, манихвост: помани-ка только!» (там же).

Новотерёп. Недавно охолощённый жеребец, ставший меринком. «Потерялся тогда новотерёп, — искали долго». (Катайский и Далматовский районы, Курганской области).

Однолюб. Постоянный в любви к жене или одной женщине (Южный Урал).

Односло́в. Верный данному слову, точный в исполнении обещанного. «Богослов, да не однослов». (гор. Нижний Тагил).

Пескомо́й. Старатель по добыче золота промывкой из рассыпных горных пород. «Тут у нас прежде-то сподряд пескомой были» (Средний Урал).

Пимокáт. Мастер по выделке валеной обуви.

Мой-от милый пимокат,
Хороши пимы катат;
Хорошо прокатывают,
Да мало зарабатывают.

(Ольховский район, Курганской области)

Пряникопёк. Владелец пряничного заведения или рабочий в нём. «В Шадрине у нас много было пряникопёков-то».

Пустоба́й. Пустослов, человек, любящий болтать языком. «Да ну его к лешему, пустобая такого» (Далматовский район).

Рекоста́в. Покрытие реки льдом; комнатное растение из кактусовых, цветущее во время рекостава (гор. Шадринск).

Ротозíня. То же, что и ротозей. «Эх, ты, ротозиня!» (окрестности гор. Шадринска).

Рукотёрт. Полотенце для вытирания лица и рук. «Марья, рукотёрт-от где висит?» (Средний Урал и Зауралье).

Самодум. Тот, кто делает всё самостоятельно, не прибегая к посторонней помощи, к советам старших, идёт против их воли. «Захотел быть самодумом, самодумом и живи, а на нас не надейся».

Самоход. Переселенец из «Расей», явившийся в Зауралье вопреки указаниям или помощи Переселенческого управления. «Там сторожили, а тут самоходы селятся».

Солноворот. Подсолнечник, поворачивающий свою шляпу по ходу солнца; день зимнего солнцестояния 23 декабря, после которого «солнышко на лето, зима на мороз».

Солновосход. Восход солнца; восток, где всходит солнце. «Ехать надо на солновосход, а потом повернуть на полдень».

Солнозаход. Заход солнца; место, куда «заходит» солнце. «На солнозаход отправился, а куда там, не знаю».

Суебай. Пустослов, болтун, тот, кто все говорит. «Не связывайся,— он такой суебай» (Режевской район, Свердловской области).

Суходушина. Очень тощий, измождённый человек или животное. «Ну, ты, суходушина,— туда же лезет!» (Далматовский район).

Тугозвон. Верхняя женская одежда, туго стянутая в талии и широкая в подоле, наподобие колокола. «Надела свой тугозвон и пошла» (Деревня Сипава, Каменского района).

Хрушкомол. Тот, кто крупно, громко говорит, но без сердца. «Да потише ты, хрушкомол,— за рекой тебя слышно» (село Першино, Далматовского района).

Червоток. Год, когда на хлеба нападёт червь и точит их. «Это в червоток было» (там же).

Чертопар. Вспаханная жнива, на которую, не паря, вскоре же сеют хлеб. «На чертопар было сеяно,— ну, ничего и не выросло» (Среднее Зауралье).

Чертопруд. Мало-мальски запруженная река, мало дающая подъёма воды, очень непрочная плотина. «Воды у города было мало, и решили сделать чертопруд, да толку не вышло» (там же).

Чужесбедник. Человек, который ходит по домам, норовя попасть к обеду; староверческий начётчик, который, пользуясь своим положением, ходит по прихожанам, чтобы дома не есть. В старом Екатеринбурге таких людей называли «чужая ужна».

Шилокоп. Сапожник, орудующий шилом во время работы. «Ганинцы — глинотопы, а сосновцы — шилокопы» (Ольховский район, Курганской области).

ТЕРМИНОЛОГИЯ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Артельная песня. Игровая песня, песня, исполняемая во время игры. «Запели артельную песню и пошли играть» (Каменский район, Свердловской области).

Бараба́. Частушка, короткая весёлая песня. «Эту барабу-то я ещё не слышал» (гор. Нижний Тагил, 1900 г.).

Велича́нье. Свадебная величальная песня. «Это кому величанье-то поют?» (Верхние Чусовские Городки, 1934 г.).

Велича́льная пи́сня. Величальная свадебная песня, в которой восхваляют того или иного участника свадебной игры. «Гости соберутся, девисы зачнут петь им величальны писъни» (там же).

Вы́думка. Короткая песенка, частушка. «А это наши девчата свои выдумки поют» (деревня Ватлашова, Пермско-Сергинского района, Молотовской области, 1934 г.).

До́лга пи́сня. Длинная, кажущаяся бесконечной, игра на гармошке на местный мотив частушки, с пением или без пения — обычно во время хождения молодежи по деревне. «Да только долги писни и поют, а боле-то ничо» (Далматовский район).

Игры́шная пи́сня. Какая-либо песня, поющаяся во время игр на открытом воздухе. «А то знаю ишшо вот игрышные писни» (Ныробский район, Молотовской области, 1934 г.).

Кача́ть. Растягивать песню при пении, очень протяжно петь. «Это колено-то поёшь, так качаешь да качаешь и когда-то кончишь его» (Средний Урал и Зауралье).

Колéно. Куплет в песне. «Колен-то у этой мало, — три или четыре всего» (там же).

Коро́тка пи́сенка. Частушка. «По-книжному-то — «честушка», а по-нашему, по-деревенски — коротка писенка» (Чердынский и Ныробский районы, Молотовской области).

Кругова́я пе́сня. Хороводная песня. «Нет, тут не проголосную, а круговую песню поют» (село Юго-Осокино, Молотовской области).

Кру́тинька пи́сня. 1. Частушка. «У нас частушки-то всё больше крутинькими писнями зовут» (деревня Трубина, Пышминского района, Свердловской области). 2. Песня, которая поётся вообще скоро. «Запели крутиньки писни и долго пели» (Среднее Зауралье).

Круто петь. Быстро, скоро, часто петь песни. «Да вы уж больно круто поёте, мне не подпеться» (там же).

Луговска́ пи́сня. Песня, которую «полого» (медленно) поёт молодежь во время гулянья на лугу. «Это писъня луговска — на лугу её пели» (деревня Трубина, Пышминского района).

Махóнька. До революции в заводских посёлках и деревнях Исетского Зауралья была в употреблении частушка:

Хóнька, махóнька моя,
Полюбила ты тихонько меня.

Весьма возможно, что песенка принесена с сибирских золотых приисков. «Ну зачали опеть свою махóньку».

Насказíteль. Сказитель, мастер рассказывать сказки, анекдоты, побасёнки. «Жена у Григорья Васильевича Мальцева — такой насказитель, каких редко. Когда в очереди стоишь с ней, не заметишь, как и время пройдёт» (гор. Каменск-Уральский, 1937 г.).

Насказу́льник. Сказочник, рассказчик. «У нас Семён Прибытков — такой-то ли был насказульник» (село Першино, Далматовского района, 1946 г.).

Натарыннивать. Часто или беспрерывно напевать песенки. «Спокою от вас, ребята, нету: весь день только и знаете натарыннивать» (Каменский район, Свердловской области).

Насбíрывать. Напевать весёлые или юмористические песни, рассказывать смешные сказки, анекдоты и пр. «Соберутся и давай насбирывать» (Средний Урал и Зауралье).

Нескладуха. Нелепица, сказка или песня.

Вы послушайте, ребята,
Нескладуху вам спою:
«На горе стоит телега,
Никто замуж не берёт»

(гор. Нижний Тагил, 1936 г.).

Опéвальная пíсня. Свадебная величальная песня. «Катерина у нас была мастерица опевальные песни петь». (Чердынь, 1934 г.).

Оханка. Очень протяжная песня, где слова трудно уловить, а больше всего слышится «о-ох-хо-о». «Опять свою óханку затянули» (село Серга, Пермского района, Молотовской области).

Пáла. Название свадебной песни по её первому слову «пала». «Давайте «палу» споём».

Пала, пала да с неба звезда,
Потряслася да мать сырая земля.

(село Колчедан, Каменского района).

Плáчи. Свадебные песни, в которых оплакивается будущая судьба невесты. «Плáчи — это у невесты в доме поют» (Верхние Чусовские Городки, январь 1934 г.).

Плясовскá пíсня. Плясовая песня. «Мало я пíсен-то знаю; дак каку тебе надо, проголосную али плясовскую?» (деревня Трубина, Пышминского района, Свердловской области).

Побáска. Сказка, побасёнка. «У нас один тут был. Вот хорошо-то побаски про кузнеца рассказывал» (гор. Березовск, 1936 г.).

Поверту́шка. Короткая песенка, частушка. «Ну, таких-то повертушек у нас и теперя сколь угодно» (село Першино, Далматовского района, 1936 г.).

Подергúшка. См. Повертушка. «Таких-то песен мало поют, а всё больше подергушки» (Каменск-Уральский, декабрь, 1937 г.).

Подплýска. Плясовая песня. «Ну-ко спойте нам подпляску» (село Юго-Осокино, Молотовской области, 1930 г.).

Поло́го. Медленно, нескоро. «Её ведь полого поют». (Средний Урал и Зауралье).

Поло́гая пýсня. Песня, исполняемая медленно. «Крутых-то пýсен я не знаю, а всё больше пологие» (там же).

Посказúлька. Пословица, поговорка, присловье. «Чтобы суд да полиция не наехали и деревню не разорили, захоронили эту проходящую потихоньку, а девчущечку богатому мужику в дочери отдали. Дальше и пошло по посказульке. Росла Настя — колотили часто, выросла Настя — пошла по напастям да без передышки...» (П. П. Бажов, Аметистовое дело).

Послóвка. Поговорка, пословица. «А у меня всё пословка: «искушение» (гор. Шадринск, 1945 г., от старика лет 75, жившего до революции в Белогорском монастыре).

Походéнешная пýсня. Песня, под которую молодые люди ходят, а кончив петь, выполняют то, что говорится в конце песни, — обычно целуются. «Марья Петровна у нас много знает походенешных писен» (гор. Чердынь, декабрь 1934 г.).

Прибáйка. Колыбельная песня. «Это не песня, а просто прибайка» (со слов 70-летней уроженки гор. Каменск-Уральского, 1938 г.).

Прибáса. Приукраша, украшение всякого рода, в том числе на словах и вещественно. «Ну, да это поди только прибаса, а не правда» (гор. Свердловск, 1936 г.).

Пригалиúтка. Шутка, прибаутка, шуточная песня, частушка. «Где все-то их запомнишь, — еких-то пригалиюток много ведь ходило», (деревня Пески, Далматовского района, 1939 г.).

Пригудáлка. Частушка (Катав-Ивановский район, Челябинской области).

Пригудáть. Припевать частушки в такт игре на гармошке, балалайке и других инструментах (там же).

Придвóйка. Повторение, удвоение. «Её поют с придвойкой» (от 72-летнего старика из села Липовки, Режевского района, Свердловской области, 4 июня 1947 г.).

Припéвка. См. Величанье. «Кому-то девки припевку запели» (Среднее Зауралье).

Приска́зэнька. Поговорка, пословица, словесная шутка, прибаутка. «Нет, это присказенька така у нас говорится» (гор. Соликамск, январь 1941 г.).

Приска́зуйлька. Короткая песенка, частушка. «Я таких-то присказулек тебе сколь хошь могу напеть» (Пермско-Сергинский район, Молотовской области, декабрь, 1934 г.).

Проголо́сная пи́сня. Протяжная песня, исполняемая во время беседы с гостями, во время спокойной совместной работы. «Сперва стали проголосны песни петь, а потом и плясать зачали» (Северный и Средний Урал и Зауралье).

Прохо́жая. Песня, которую поют или играют её мотив на гармошке во время ходьбы. «Отец берёт гармонь, играет «прохожую». Данило запекает частушку, и так, с песней, мы входим во двор» (Иван Арамилев, Юность Матвея, «Новый мир», 1941, V, стр. 8). Так называется эта песня и в деревне Заозерье, Пермско-Сергинского района, Молотовской области.

Расска́зэнка. Побасёнка, сказочка, анекдот. «Вот уж он у нас так всяки рассказэнки знал (гор. Верхнеуральск, октябрь, 1936 г.).

Сказы́вливать. Неоднократно рассказывать занимательные истории, сказки, анекдоты; сочинять, складывать. «Вот дядя Иван, бывало, сказывливал сказки-то,—ночи не спали, всё слушали» (Средний Урал и Зауралье).

Скла́дывать. Сочинять, складывать, выдумывать песню, сказку, частушку и др. «У нас вон парни али девки соберутся и давай повертушки складывать» (Северный и Средний Урал и Зауралье).

Слови́нка. «Тайное слово», заговор, который-де открывает человеку доступ к кладу, к драгоценному полезному ископаемому. «Словинку знает» (П. П. Бажов, У старого рудника).

Собира́ло. Враль, выдумщик, умеющий интересно рассказывать сказки, всякого рода небылицы. «У нас тётка Наталья — так така-то она собирало, прямо страсть: откуда чо и берётся» (Средний Урал и Зауралье).

Собира́ть. Сочинять, интересно рассказывать, занимательно врать. «Вот, погодите, Ванька придёт, дак он зачнёт опеть вам собирать, только слушайте» (там же).

Собирёха. «Соромская», неприличного содержания песня, обычно плясовая; иногда такого же содержания рассказ. «Нехороша ета писня-то — собирёха такая» (деревня Трубина, Пышминского района, Свердловской области).

Та́йный сказ. Сказка, легенда, которую, во избежание преследований со стороны всякого рода начальства, приходилось рассказывать тайно. «...в таких сказах появляется много неприятного для заводского начальства. Сказы начинают преследоваться, и поэтому они становятся тайными, их передают

тайком от начальства, которое обычно изображается в довольно непривлекательном виде» (П. П. Бажов, У старого рудника).

Тинанара. Собираательно: песни-частушки, начинавшиеся со слова «Тинанара»; распевались обычно под гармошку при хождении молодёжи по селению.

Тинанара, котики,
Мазаны воротики.
Тинанара, кресь накресь.
Мазаны ворота есть.

(Среднее Зауралье, до революции).

Хоровая песня. Хороводная песня. «Как кругом ходят, поют хоровые песни» (село Ачит, Свердловской области, 1934 г.).

Частоговорка. Частушка, короткая песенка. «Ну, этих частоговорок у нас поётся сколько хошь» (Невьянский район, январь, 1937 г.).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ¹

Арамилцы, логиновцы и аятцы — все родные братцы. Отзыв о жителях селений в окрестностях гор. Свердловска, как о дружных людях.

Кто не видал беды, поезжай в Бреды. И шутка, и игра рифмой и, возможно, имеющая скрытый смысл в отношении прошлого о посёлке Брединском на юге Челябинской области.

Выполз налим косолапый один. Шуточно про деревни Каргопольского района, Курганской области: Выползову, Налимову, Косолапову и Одину.

Ермак во все стороны однак. О станции Ермак на Горнозаводской линии: эта станция находится на одинаковом расстоянии от соседних станций — Чусовой и Бисер.

В Ирбить собак бить. В поговорке отразилось характерное бытовое явление для Ирбитской ярмарки: в городе после неё каждый раз оставалось множество собак, оставших от своих хозяев, приезжавших на лошадях с товарами или за покупками. Переносно — заниматься бездельничаньем.

Довела меня Ирбитка до последнего понитка. О разорительности Ирбитской ярмарки для трудового люда.

Чёрен, как кундравинский бог. В селе Кундравы, теперь районном центре Челябинской области, до революции в местной церкви стояло вырезанное из дерева изображение святого,

¹ Большая часть этих пословиц и поговорок шуточного характера, как ни тяжело жилось трудовому народу до революции, но он верил в лучшее будущее, не падал духом, зло смеялся над своими врагами и беззлобно подтрунивал над собой и соседями.

почерневшее от времени и своим видом пугавшее суеверных людей.

Как одиновцы рыбу делят. То есть кто-либо ведет себя так же шумно, как в былое время жители деревни Одиной, теперь Каргопольского района, выловив рыбу, с криком и шумом делили её по числу участников ловли.

Покатывай в Окатову! Понукание лошади или шуточный приказ куда-либо быстро отправляться, идти, ехать. Окатова — деревня в Каменском районе, на реке Синаре.

Печку не топим, а тепленько жить. Поговорка на реке Чусовой, где есть место, называемое Печкой: скала, сложенная из изогнутых дугой-сводом напластований известняка с пещеркой внизу, напоминающая печь. Печка — один из тех «бойцов», о которые разбивались во время сплава барки с товарами, и местное население «кормилось» от этих крушений.

Честно живём, а от Разбойника кормимся. О таком же камне-бойце на реке Чусовой; смысл — подобно предыдущей поговорке.

В Оятке дрова колют, в Таватуй щепки летят. Оятка — село Аятское и Таватуй также село, оба Невьянского района, Свердловской области.

Гости до гостей, а травяницы вон! — то есть деревенские гости из села Травянки, Каменского района, терпимые лишь до прихода других, более дальних или редких гостей.

Лугуши живут в самой глуши. Захолустное когда-то село Улугуши, Катайского района.

Уральский мужик с рудой и заводом дружит и от хлеба не бежит. Приведено как «старая уральская пословица» в «Репорте уральцев товарищу Сталину» о работе за 1-е полугодие 1942 года, помещенном в книге «Свердловск», Свердловгиз, 1946, стр. 425.

Но, но, поехал в Шадрино! — понукание и просто шутка, в которой отразилось произношение названия гор. Шадринска. На общей карте Сибири в атласе Ремезова (1697 г.) на месте современного Шадринска помечено: «Шадрино». Как долга народная память о первоначальном произношении географических названий! Подобные примеры не единичны.

В Тагиле калачи по кобыле. Поговорка-шутка об очень больших калачах, выпекавшихся тагильскими пекарями для продажи на базаре.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА

От старого времени до нас дошло множество людских прозвищ как личных, так и коллективных. В них закреплена та или иная черта жителей данных деревни, села, города, уезда, губернии и даже целого края.

Теперь, с изменением условий социальной жизни, старые черты давно уже исчезли, а прозвища остались и сейчас вспоминаются лишь как дружеская шутка.

Сейчас, когда Академия наук СССР составляет диалектологическую карту русского языка, очень большое значение имеют прозвища, характеризующие особенности местного говора.

Таковы коллективные прозвища, как «талаган», «гамаюны», «колдыки», «пичкали» и пр.

К сожалению, далеко не всегда можно получить объяснение причин возникновения данного прозвища. В этих случаях перед любителями-краеоведами стоит задача сделать изыскания из истории прозвищ, а вместе с этим из истории того или иного населённого места, района, края.

Баты. Жители Бакальских рудников, Саткинского района, Челябинской области, — за пристрастие их говорить вводное мало что значащее теперь слово «бат» — искажение слова «баёт», то есть говорит.

Бесшлейные. Крестьяне и рабочие-сезонники из Уфимского уезда, настолько до революции бедные, что ездили на лошадях, не употребляя шлей, во время работ по постройке железной дороги Самара — Челябинск в конце 1880-х гг.

Билику́льские пагалёшники. Крестьяне села Биликуль, Бродокалмакского района, Челябинской области, — за их обычай носить пагалёшки, то есть холщёвые голенища при обычной обуви в виде башмаков или полуботинок.

Бирские калашницы. Торговки калачами в гор. Бирске прежней Уфимской губернии, разговаривавшие очень много и громко; отсюда прозвище всякого человека, говорящего много и громко.

Гамаюны. Жители заводов Каслинского, Нижне-Сергинского, Михайловского, частично Нязепетровского и Бисертского, а также селений Кузнецкого и Рождественского (бывший Кузнецкий район, Челябинской области) за их певучий говорок. Часть этих гамаюнов (из Михайловского и Нижне-Сергинского заводов, Свердловской области) — выходцы из пределов бывшей Калужской гамаюнщины; ещё в начале XX столетия некоторые бытовые черты уральских гамаюнов совпадали с чертами калужан-гамаюнов. *Гамаюн* — мифическая птица с женской головой, отличающаяся любовью к пению.

Деревенские лагуны. Сезонные рабочие на асбестовых рудниках до революции (теперь гор. Асбест), выходцы из окрестных деревень и сёл Камышловского и Шадринского уездов. *Лагун* — деревянная посуда бондарной техники с глухо приделанной крышкой и рожком, главным образом для квасу

и воды в качестве питья во время работы в поле или на добыче асбеста.

Жженопятые, жженопятики. Рабочие металлургических заводов Сысертского и Кыштымского горных округов. Происхождение прозвища: ввиду отсутствия в старое время надлежащей охраны труда металлурги то и дело обжигали себе ноги о горячий металл.

Зобаны. Жители Кусы — за распространённость среди них зобной болезни (Челябинская область).

Избóльники. Жители села Белоярки, Щучанского района, Курганской области, — за употребление «и го» вместо «е го».

Казарменные. Жители села Рудничного (на Бакале, Саткинского района, Челябинской области), потомки которых пришедшие для работы на рудник, жили когда-то в казармах, имевших крайне плохое устройство.

Калдыкí. Жители некоторых селений Октябрьского района, Челябинской области, в том числе села Большое Никольское, — потомки выходцев из бывшей Самарской губернии, говорящие «к а л д ы» — вместо «к о г д а».

Косулинские нищие. Жители села Косулинского к востоку от гор. Свердловска, в XIX веке промышлявшие нищенством. Переносно: косулинский нищий — вообще «попрошайка».

Крашенíнны Тáволги. Жители селения Таволги, Невьянского района, Свердловской области; вероятно, в дореволюционное время жители одевались в крашеные холщёвые одежды.

Крупённые. Жители части села Николо-Павловского (в 15 км к югу от гор. Нижнего Тагила), крепостные, предки которых были насильно переселены на Урал из России Демидовым и занимались когда-то обдиранием круп.

Кузюкí. Старожилы гор. Златоуста, а переносно — вообще рабочие люди, обросшие домашним хозяйством.

Точно установленного объяснения прозвища не имеется. Но есть предположение, что происходит оно от начальных букв клейма на теле или платье подневольных рабочих старого златоустовского завода: «КЮУЗ» — казенный южно-уральский завод.

Куделька. Рабочие асбестовых рудников (в районе современного гор. Асбеста, Свердловской области), до революции занятые добычей «кудельки», или горного волокна, как тогда называли асбест.

Курякí. Жители селений Октябрьского района, Челябинской области, в том числе Большого Никольского, — выходцы из бывшей Курской губернии.

Куштúмские растягаи — жители села Куштумги, Миасского

района, Челябинской области, за их привычку произносить в разговоре протяжно окончание фраз.

Обушники. Жители рабочего посёлка Верх-Нейвинск, где в начале XIX века рабочий Пузанов обухом топора убил управителя завода Зотова за его зверское обращение с рабочими; об этом в посёлке передаётся предание со всеми подробностями.

Пермяк — солёны уши. Вообще жители бывшей Пермской губернии, особенно её верхнекамской части, где велась и теперь ведётся добыча поваренной соли, так называемой пермянки.

Самовары. Жители деревни Воробьи, Невьянского района, Свердловской области,—вероятно, за вспученность живота от плохих продуктов питания или во время голодовок, как в крепостное время, так и после него.

Сарапулы. Выходцы из гор. Сарапула, теперь центра Сарапульского района, Удмуртской АССР, занимавшиеся скорняжным делом по городам и селам Урала и Приуралья задолго до и некоторое время после революции.

Скопары. Жители целого ряда сёл и деревень, особенно по реке Миассу, а также в селениях Чашинского района, Курганской области, в частности, деревни Иткуль, когда-то выселившиеся из бывшей Псковской губернии. На новом месте скопари выделялись своей бедностью и культурной отсталостью и принуждены были работать у кулаков больше, чем коренное население.

Табашники. Казаки Анненской станицы, теперь Полтавского района, Челябинской области,—очевидно, за большое пристрастие к табаку.

Талаганы. Жители села Кочневского, Камышловского района, Свердловской области, за их несколько певучий говор.

Тверские. Жители по правому берегу реки Нязи в Нязе-Петровске, Челябинской области, очевидно, за происхождение их предков из бывшей Тверской губернии.

Чердаки. Жители разных селений бывшего Шадринского уезда, в том числе деревни Чердаки, Галкинского района, Курганской области, предки которых вышли из бывшего Чердынского уезда, Пермской губернии.

Чернотропы. Жители деревни Кошкуль, Бродокалмакского района, Челябинской области,—в основном, за свою былую культурную отсталость и неопрятность в домах: сколько грязи на ногах есть, всю тащили в избу, образуя на полу чёрную тропу.

Чесноковики. Жители Полевского завода, Сысертского района, Свердловской области,—за их пристрастие к пирогам с «чесноком» — диким луком.

Шашмурники. Жители села Усть-Гарёвского, Добрянского района, Молотовской области, — вероятно, ввиду обычая женщин ходить в головных уборах — шашмурах.

Шилокопы. Жители городов Кунгура и Сарапула — за их занятие сапожным промыслом.

УРАЛЬСКИЕ ФАМИЛИИ

Фамилии в России — сравнительно позднее явление. Недаром среди уральцев есть фамилия «Бесфамильных», отображающая бесфамильное время. Одним из первых явлений при образовании фамилий было закрепление былых прозвищ, а потом использование отчеств, благодаря чему мы имеем такое множество Петровых и Ивановых от распространённых имён Петра и Ивана. Закреплялись также названия профессий: Плотниковы, Каменщиковы, Мясниковы, Пушкины и Пушкарёвы и т. д.

Для старожилого русского населения на Урале характерно использование географических названий севера старой России, откуда пришли первые насельники Урала: Вагины, Кевролетины, Печёркины и т. д. Впоследствии, когда край относительно населился, по фамилиям мы видим внутриуральскую передвижку населения: Осинцевы — от гор. Осы, Чердынцевы и Чердаковы — от гор. Чердыни, Кунгурцевы — от гор. Кунгура, Усольцевы — от гор. Усоля. С другой стороны, на восточном склоне идёт в свою очередь восточно-уральская передвижка: Верхотурцевы — от гор. Верхотурья, Тагильцевы — от гор. Тагила, Невьянцевы — от гор. Невьянска, Колчеданцевы — от села Колчедан, Тамакульцевы — от села Тамакул и т. д.

Русские, придя на Урал, встретили здесь ряд народностей, с которыми начали усиленно родниться. Вот почему среди русских появились такие фамилии: Татаринцевы, Башкировы, Бухаровы, Вогулкины, Пермяковы, Зыряновы, Черемисины, Чувашевы, Вотяковы и Вотиновы, Удинцевы и др.

Для Урала и Сибири характерны фамилии на «их» и «ых». Это — свидетельство о том времени, когда местное население жило большими семьями или даже родами. Встретив незнакомца, особенно молодого, у него спрашивали: «Чьих ты?» Тот отвечал: «Ивановых», «Петровых», «Чёрных», если у главы семьи было прозвище «Чёрный» и т. д.

Чтобы удовлетворить хотя частично запросы читателя, стремящегося понять историю своей семьи, даём объяснение некоторых фамилий старожилого уральского населения.

Абызов — в Курганской области. А б ы з — (удмуртское) колдун, знахарь, шаман. Но есть и у башкир а б ы з — грамотей с религиозным направлением.

Анчугóв — Уксянский, Мехонский и другие районы Зауралья. О н ч у к — по-мансийски дед.

Атясов — село Колчеданское, Каменского района. Башкирское а т ы с ь — петух.

Бесфамильных — Предуралье.

Вага́нов — от реки Ваги, жители по системе которой зовутся ваганами. (В а г а — левый приток реки Северной Двины).

Вакóрин — фамилия жителей села Губдор, Чердынского района. Коми-пермяцкие слова: в а — вода и к о р — город.

Ватра́сов — в селе Крутихинском, Далматовского района В а т р а с — селение в бывшей Нижегородской губернии, в котором жили в а т р а с ы — то же, что кошкодёры, или кошатники, так как жители села Ватрас до революции занимались разъездами по Васильсурскому и соседним уездам, скупая кожи, снимая их с павших животных, покупая кошек, чтобы снять с них шкуру.

Вотинцев — то есть родом из вотяков-удмуртов. Фамилия распространена по Среднему Зауралью.

Втору́шин — село Толстопятово, Каргапольского района. В т о р у ш а — старинное, нехристианское русское имя, как и Первуша.

Дóзмуров — Среднее Зауралье, в том числе к западу от Невьянска. Коми-пермяцкое д о з м ё р — глухарь, глухой тетерев.

Заонегин — Средний Урал. От названия реки Онеги, впадающей в Онежское озеро.

Злы́гостев — старинная купеческая фамилия в гор. Верхотурье. Когда среди новгородских пришельцев на земли Урала и Приуралья прибыло много таких, которые, под видом гостей, то есть купцов, пришли грабить и силой покорять мирных жителей. «Злые гости» — отсюда Злыгостев.

Дóменнóв — несомненно, от горнозаводского термина «домна», то есть чугуноплавильная печь.

Измодéнов — широко по восточному склону Урала и Зауралью. Измоден («изможен») — слабосильный, болезненный человек.

Каргополов — чрезвычайно распространённая по Зауралью фамилия, в частности, в Каргопольском районе. К а р г о п о л — выходец из гор. Каргополя, Вологодской области.

Кóйнов — в Талицком районе. Коми-пермяцкое — к о и н — волк.

Колмогоров — фамилия, подобно Каргополову, чрезвычайно распространена по Среднему Уралу и Зауралью. Происходит от названия города Х о л м о г о р ы.

Кóрюков — в селе Корюки, Катайского района. К о р ю к и, или глядельщики, — посторонние зрители на девишнике, спрашивающие у невесты и гостей гостинцы (Вознесенский посад, бывшей Владимирской губернии).

Кóсьвинцев — Северное и Среднее Предуралье. К о с ь в а — левый приток верхнего течения Камы, почему и фами-

лия большей частью распространена в Молотовской области. Коми-пермяцкое кэс — мелкий, ва — вода.

Кукаретин — широко распространённая на Урале фамилия. От дореволюционного названия Кукарской слободы (ныне гор. Советск, Кировской области).

Мёзенцев — также очень распространена. От названия реки и города Мезень, Архангельской области.

Можевѣтин — в гор. Троицке. От названия реки и города Можга в Удмуртской АССР.

Моцевѣтин — в городах Златоусте, Шадринске и других местах. Ясно, что не от слова «мощи», а всё от того же слова Можга.

Морянинов — в гор. Шадринске. От слова море: предки пришли с Белого моря в то время, когда Зауралье только что заселялось.

Непомнящих — там же. Фамилия напоминает старое время, когда из Сибири массами бежали «не помнящие родства» бродяги.

Осинцев — там же. От гор. Осы, Молотовской области, на средней Каме.

Останин — в городах Шадринск, Серов и др. Останя — древнее русское, нехристианское имя.

Ошвинцев, Ошынцев, Ошев — на среднем Прикамье. От названия реки Ошва в системе Камы. Коми-пермяцкие ош — медведь и ва — вода.

Первушин — очень распространена по всему Среднему Уралу и Зауралью. Первуша — древнее, нехристианское имя на Руси.

Пиньжаков — в городах Свердловск, Шадринск и др. Пиньжак — выходец с реки Пинеги, правого притока Северной Двины. Значит, не от слова «пиджак» (название мужской одежды).

Поткин (пишут и Подкин, хотя это неверно) — гор. Сысерть и другие места Среднего Урала. От древне-русского слова потка — патка, то есть птица (сравни куро патка). «Низовские князья с Важских верховий... посылали через Двинскую землю на реку Пинегу, Кулой, Мезень и Печору «ватаги» своих сокольников за ловчими птицами и при этом особыми грамотами обеспечивали сокольникам свободу передвижения через Двинскую землю, «како пойдут с моря с потками («потка» — птица)»...» Выдержка из грамоты Владимирского великого князя Андрея Александровича (на рубеже XIII и XIV столетий, стр. 25).

Пустозёров — от местечка Пустозёрск вблизи устья Печоры.

Сартакóв — в гор. Кунгур, а оттуда в гор. Шадринске.

С а р т а к на наречии татар бывшей Тобольской губернии — морковь.

С о б я н и н — Средний Урал и Зауралье. От реки С о б ь — правого притока реки Оби.

Т о л ш м я к о в — в гор. Каменске. Т о л ш м а — река системы Северной Двины, откуда пришли предки уральских Толшмяковых.

Т о п о р к о в — широко распространённая фамилия на Среднем Урале, а отсюда и деревня Топоркова, Махнёвского района. Т о п о р к о — коми-пермяцкое народное произношение имени Христофор.

У с ц е л ё м о в — нередкая вообще на Урале фамилия. У с т ь Ц ы л ь м а — село при впадении в Печору реки Цыльмы. Нередко фамилия искажена в И с ц е л е м о в, и тогда ее производят от слова и с ц е л и т ь — вылечить.

Ц ы р ё н щ и к о в — фамилия в гор. Шадринске и других местах. Ц ы р е н — из чрен, то есть большой железный противень, на котором на солеварнях производится выпарка поваренной соли из естественного рассола.

Ч е в е р ё в — удмуртское ч е б е р и ч е б е р ь, а также ч е б е р ё к — щёголь, франт (Даль, т. IV, стр. 1925).

Ч е р е п а н о в — очень распространённая на Урале фамилия. Ч е р е п а н — горшеня, гончар.

Ч е с к и д о в — в селе Ново-Троицкое, под гор. Шадринском. Коми-пермяцкое слово — ч е с к ы т — сладкий, приятный, вкусный.

Ч ь у п и н — очень распространённая фамилия на Урале, особенно в Свердловской области. Носителем этой фамилии был знаменитый уральский краевед Н. К. Чупин. а) В архангельском говоре ч у п а — нижняя часть небольшой верши, называемой рюшка; б) татарское ч у п — сор, отсюда и наше уральское прилагательное — зачупленный, то есть загрязнённый, замызганный.

Ш а д с к и х — казачья фамилия в посёлке Катенинском, Варненского района, Челябинской области. Происхождение её или от гор. Ш а д о в вблизи гор. Шауляй (Литва), откуда предки могли переселиться или выселены насильно, или от гор. Ш а ц к, Тамбовской области.

Ш а р н и н — в Каменском районе и в гор. Свердловске. Марийское слово ш а р н е — ива, отсюда ш а р н и к — ивняк.

Ю р г а н о в — в гг. Чердынь и Сатка. Хантейское е р а н к у — ненец, отсюда Ерган-еган — название правого притока Оби, то есть ненецкая река; но также ю р г а н — жеребец (по-казаски).

Я р у ш н и к о в — в селе Першинском, Далматовского района. Я р у ш н и к — хлеб из ячменной муки.

УГНЕТАТЕЛИ ТРУДОВОГО НАРОДА

ЗАВОДЧИКИ, КУПЦЫ, КУЛАКИ

Наиболее крупными богачами на Урале были Демидовы, Строгановы, Шуваловы, Абамелек-Лазаревы, Яковлевы, Турчаниновы, которые большей частью даже не жили на Урале. Значительное влияние имел не менее крупный хищник, известный винокур Поклевский-Козелл. Под именем Стабровского он выведен в романе Мамина-Сибиряка «Хлеб». О «хозяйственном» значении этого дельца можно прочесть в статье «Лица и события в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб», напечатанной в 8-м номере «Уральского современника» (Свердловск, 1944).

Ниже мы приводим записанные на Урале песни и рассказы, остро разоблачающие и высмеивающие угнетателей и врагов трудового народа — заводчиков, купцов и кулаков.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Скрипки, флейты, контрабасы —
В щепы всё превращено,
Клок волос и пятна крови,
Кой-где пролито вино.
Я вас должен разуверить,
То — не скверный дом.
Нет, — то клуб нижнетагильский.
В клубе был разгром.
И не пьяною ватагой
Парней удалых,
Нет, то были все во фраках,
Не было «простых».
Все народ интеллигентный,
Умный, развитой.

Собрались год новый встретить
Дружно меж собой.
Убелённый сединою
Клубный старшина,
Со своей он был семьёю,
Имя — Старина.
Он на вид весьма приличен,
Уверяю вас,
Но, скажу вам по секрету,
Страшный ловелас.
Из далёкого Полесья
Был, ну, право же не плут,
Но, напротив, барин важный,
Его Рельсом тут зовут.
Был, кажись мне, что из швабов
Иль тевтонец, словом «ман».
У нас много этих гадов,
Набивающих карман.
Был сомнительной породы.
Он вертелся, как волчок;
Много гонору в нём, чести, —
Назовём его Сморчок.
И из матушки-России
Было много молодцов.
Вот возьмите, хоть Васильев,
Посмотрите, он каков:
В чёрном фраке, знак учёный,
Ум... Да, что ни говори,
Разве только «сплетник» скажет,
Что он пуст внутри.
Словом, много люду было,
Кавалеров, дам, девиц.
Всё народ вполне приличный,
Много было разных лиц.
Веселились и плясали,
Как в кругу родной семьи,
И в полночь, как подобает,
Всем бокалы поднесли.
Речь сказали, целовались,
Громко крикнули «ура»,
Но потом не воздержались —
И расстаяла кора.
Старину в чепец одели,
Сморчок фалды подобрал,
Не кадрили, а кандрели
Люд учёный танцевал.

Три часа давно уж било,
Танцы всё идут.
Наконец, в фигуре пятой
Парочки плывут.
Но лишь только доплясали,
Сели по местам,
Встал Сморчок посреди залы,
Крикнул: «Ронд де дам!»
Вдруг... Но что это случилось? —
Музыкант замолк,
Ронд де дам остановилось,
Взять не могут в толк.
Разбесились кавалеры,
Начали кричать:
«Ах, такой ты, да сякой ты,
Да раз этак тебя, так!
Ты ведь наших дам обидел,
Перестав играть!»
Капельмейстер их на этом
Дерзко осадил:
«Три часа давно уж било,
Нет уж больше сил!»
И пошла тут суматоха,
Всюду суета...
Крикнул Ман: «За мной, ребята,
Бей его, скота!»
Мигом Ман взлетел на хоры,
Где оркестр сидел,
А за ним Василько-парень
И Сморчок-храбрец.
И в минуту инструментам
Всем пришёл конец.
Капельмейстера же взяли
Живо сшибли с ног,
За чуб с лестницы спустили,
Чуть не на порог.
В это время у окошек
Кучера стоят
И в паническом испуге
«Қараул» кричат.

*Записано 2 июля 1936 года в гор. Нижнем
Тагиле со слов фотографа, 66-летнего Павла Ге-
оргиевича Никулина, приходившегося родственни-
ком пострадавшему капельмейстеру Павлу Ки-
рилловичу Луценко. Избитый, он долго лежал в
больнице.*

Описанное здесь событие произошло в гор. Нижнем Тагиле на 1 января 1891 года (старого стиля).

Старина — управитель Тагильского завода Демидовых инженер Степанов.

Рельс — заведующий цеха рельсовых креплений инженер Залесский.

Ман — механик завода инженер Фолькман.

Сморчок — смотритель приисков инженер Скварченко.

Все описанные здесь гуляки остались ненаказанными.

Фельетонист «Екатеринбургской недели» в номере 4 за 1891 год Дядя Листар (П. Н. Галин) в «Мелочах повседневной жизни» так начинает описание этого события:

«В Малахитском заводе имеется клуб, называемый «заводским». Это несколько исключительное название происходит совсем не потому, что он был предназначен для приятного времяпрепровождения обитателей колюшен Хреновского завода, как может подумать читатель, а потому, что членами оного клуба могут быть лишь служащие Малахитского завода, хотя я уверен, что если бы членами и гостями в нём были в описываемый мною вечер разные хреновские Вязопуры, Горностаи, Полканы и т. п. господа, то они явились бы истыми джентльменами и держали бы себя несравненно благопристойнее малахитских Вязопуров, Горностаев, Полканов, одетых в мундирные сюртуки и фрачные пары...»

Малахитский завод — то есть Тагильский.

В ПОГОНЕ ЗА СТРАХОВКОЙ

В Смолиной была макаровская мельница. Когда Макаров-то пролетел в трубу, он вздумал мельницу сжечь, чтобы страховку получить.

У меня там тятя засыпкой робил. Макаров пришёл к тятю ночью и говорит:

— Зажги, пожалуйста, мельницу!

Сто рублей сулил.

И потом, когда отец не согласился, мельница всё-таки сгорела.

А зажёг-то Смолин Яков Леонтьевич. Никем он не работал, отчаянный был человек.

Записано 10 апреля 1940 года со слов уроженца деревни Смолинские Ключики, Покровского района, Свердловской области, Петра Арсеньевича Степанова (1900 г.).

Сжечь своё предприятие, а потом получить высокую страховую сумму — обычный мошеннический способ обогащения купцов и заводчиков.

* * *

Улицей широкою,
Шёл купец дорогою.
Шуба лисия на нём
И шапка превысокая.
Пазуха широкая —
Так и отдувается,

Борода до поясу,
Ветром развевается,
Натуральной тросточкой
Купец подпирается.
Встречному прохожему
Купец не сторонится,

Бедному знакомому
Купец не поклонится.
Как приходит в лавку он,
Долго богу молится,
Низкие поклоны
Отдают приказчики.
Сядет он за чай...
Тут, за чаепитием,
Пьёт он битых два часа,
Пьёт и надувается.
И куда в родимого
Чай только вливается!?
В девятом-то часу
Лавка затворяется,
И в знакомом улочку
Купец отправляется.
Постучится у окна,
Выйдет баба видная,

Видная, солидная,
Толстая, высокая.
Он со этой бабою
Всю ночь пробеседует,
Разных напитков
Всех он поотведает.
А намокшись, точно гусь,
Пред женою явится.
А жена-то бедная
Суется, мается
И разувать старается.
Поссорившись с женой,
С головы чепец долой!
Его малы детоньки
Все за мать упрячутся,
А с испугу серый кот
И тот за печку спрячется.

Записано 15 декабря 1937 года в гор. Каменск-Уральском, Свердловской области, со слов вдовы сапожника Анны Александровны Бутковой (1873 г.). Она впервые услышала эту песню от пришлых портных в раннем возрасте.

Варианты этой песни широко известны среди стариков в гор. Шадринске.

* * *

— Ты скажи-ка, скажи, Марусенька моя,
Не утай-ка, живо, раздушенька моя,
Ещё что у тебя были гости без меня?
— Примаёр был с Иркутского,
Генерал-от был с Тобольского,
А купчик-голубчик был казанский молодец.
— Ты скажи-ка, скажи, Марусенька моя,
Не утай-ка, живо, раздушенька моя,
Что у тебя пили гости без меня?
— Примаёр-от пил ведь водочку,
Генерал-от пил наливочку,
А купчик-голубчик пил шампанское со мной.
— Ты скажи-ка, скажи, Марусенька моя,
Не утай-ка, живо, раздушенька моя,
Чем тебя гости дарили без меня?
— Примаёр дарил на платице,
Генерал дарил ботиночки,
А купчик-голубчик восемь тысяч подарил.

— Ты скажи-ка, скажи, Марусенька моя,
Не утай-ка, живо, раздушенька моя,
Чем тебя гости били без меня?
— Примаёр-от бил он плёточкой,
Генерал-от бил он палочкой,
А купчик-голубчик русу косу оторвал.

*Записано в 1935 году в гор. Шадринске от
уроженки села Шутинского, Катайского района,
Курганской области, Клавдии Степановны Бого-
леповой (1865 г.).*

* * *

Вдоль по ярмарке купчик идёт,
По Макарьевской удала голова.

Ой, жги, жги, говори,
По Макарьевской удала голова.

Как на купчике синь кафтан,
Опоясочка шёлковая.

Ой, жги, жги, говори,
Опоясочка шёлковая.

Опоясочка шёлковая,
Рукавички барановые.

Ой, жги, жги, говори,
Рукавички барановые.

Рукавички-то барановые.
За них денежки не даваны.

Ой, жги, жги, говори,
За них денежки не даваны.

За них денежки не даваны,
На прилавочке украденые.

Ой, жги, жги, говори,
На прилавочке украденые.

Вдоль по ярмарке купчик идёт,
По Макарьевской удала голова.

Ой, жги, жги, говори,
По Макарьевской удала голова.

*Заучено собирателем в детстве (1890-е гг.)
от своей матери, уроженки села Колчедан, Свердловской области, Александры Егоровны, в девичестве Шабровой (1865 г.).*

КАК БЕДНЯК СДЕЛАЛСЯ ЗЯТЕМ КУПЦА

Жил-был богатый купец. У него долго не было детей, а потом всё-таки родилась дочь. Прилетела ночью птица, села на окно и говорит человеческим голосом:

— Сейчас родился в соседней деревне у бедной женщины мальчик; он будет ваш зять — муж вашей дочери.

Жена купца услышала это и сказала мужу. Тот рассердился:

— Как! Мужик будет у меня зятем, сын какой-то там нищухи. Позор! — и купец решил найти и убить этого ребёнка.

Отыскал эту бедную женщину и стал торговать у неё мальчика. Но она никак не хотела продать. Тогда купец взял мать с ребёнком к себе в прислуги.

Прожила она год или больше. Хозяин нашёл случай, украл у неё ребёнка, вырезал у мальчика на груди буквы, привязал его за спину к доске и отправил плыть вниз по реке.

Плыла, плыла эта доска с ребёнком, а потом её прибило к берегу. Тут стоял женский монастырь. Пришли монашки за водой, увидали доску с мальчиком, взяли, вытащили. И стал у них мальчик расти. Вырос, и его увезли учиться в город, где он поступил в семинарию. А дочь у купца тоже выросла, и её привезли учиться в этот же город в институт. Молодые люди как-то повстречались, а потом и поженились.

Зять с купеческой дочерью стали жить у её родителей. Тесть начал интересоваться, кто же такой его зять. Правду ли сказала птица, что бедняк будет мужем его дочери. И вот тесть с зятем пошли в баню. Здесь тесть разглядел на груди у зятя вырезанные знаки.

Купец после этого возненавидел зятя. А у купца были мыловаренные заводы. Вот хозяин подкупил своих рабочих, дал им большие деньги и велел бросить зятя в котёл с мылом и сварить.

— Пойдёт зять проверять работу, так вы сразу хватайте его и — в котёл! Пусть он вам хоть что говорит, вы не слушайте и бросайте...

В назначенный день, однако, зять так заболел, что головы не мог поднять. А проверять работу надо. И пошёл хозяин сам. Как только он зашёл в цех, где кипели котлы с мылом, — жар, пар, ничего не видать, — рабочие схватили хозяина и —

раз в котёл!.. Хозяин кричит, а рабочие дальше его да дальше толкают и давай мешать в котле. Так и сварили хозяина на мыло, а зять остался жив, и ему досталось всё богатство.

Записано в начале 1946 года от жительницы посёлка при станции Зырянка, Юргамышского района, Курганской области, Евдокии Максимовны Мордолатовой, около 45 лет.

ТАГИЛЬСКАЯ ЯРМАРКА

Нынче ярмарка в Тагиле
Будет, братцы, в полной силе.
Просим покупать,
Эх, просим покупать!
Навезли товаров разных
Для рабочих и приказных.
Выбор щегольской! (2 раза)
Рыбы свежей и солёной,
Целой грудой навалёной.
Эка благодать! (2 раза)
Покупай из груды, с возу,
Не давай лишь нюхать носу.
Знай, что хороша! (2 раза)
Ты сваришь или зажаришь,
Мой любезный ты товарищ.
Всю узнаешь суть. (2 раза)
Кадки с красною икрою
И кули с затхлой махрою.
Кушай и чихай! (2 раза)
Сласти с патокой печёны,
Надо есть лишь размочёны,
Зубы не берут! (2 раза)
Сапоги, чирки, бахилы,—
Кожа больше из кобылы,—
Прочные на вид. (2 раза)
Пимы катаны с мукою,
Не погнёшь никак рукою,
Крепки, как лубок. (2 раза)
А в обноске, то и дело,
На неделю хватит смело,
Больше подшивай! (2 раза)
Вместо вывески приличной
Лоскуток висит тряпичный
На верху шатра. (2 раза)
И какой настроил леший,
Тут пройдет мужик лишь пеший —
Ездят господа. (2 раза)

Тут полиция гуляет,
Пристав Крюков разъезжает,
Весело глядит. (2 раза)
Для него товарец лучший,
А купец — народец шустрый,
Знают, что продать! (2 раза)
Пристав деньги всё не плотит,
А купец ему сноровит.
Я-де обожду! (2 раза)
«Мы для вас всегда с почтеньем,
Знаем, что берём! (2 раза)
С мужика мы взять сумеем,
Оправдаем всё! (2 раза)
Не уступим мы Ирбитской
Ярмаркой своей;
Оборотец первоклассный,
Прочим ярмаркам опасный,
Нижний берегись!» (2 раза).

*Записана в июле 1936 года в гор. Нижнем
Тагиле от Николая Власовича Сибирякова, сле-
саря (1874 г.).*

Песня — творчество бывшего крепостного тагильского поэта
В. К. Смольникова.

ПРО БОГАЧА

Ты, богач, богач, мужик-сутяга,
Ты вспомни смертный час:
Твою душу черти в ад потащат,
Там ей таску зададут;
Твоих денег там не надо —
Не откупишься ничем;
Твоё злато-серебро
Всё зальют тебе в нутро.

*Записано 11 января 1949 года в гор. Челя-
бинске от уроженки Альменевского района, Кур-
ганской области, Натальи Степановны Гладких,
51 года; песню хорошо знает и её мать, 80-лет-
няя Евдокия Александровна Гладких.*

*По словам сказительницы, песня сочинена
«вечным работником» из деревни Мартыновки,
или Беседкиной, Сафакулевского района, Семё-
ном Рышковым, лет 55—60 тому назад про та-
мошного деревенского богача Николая Ларионо-
вича Власова.*

Это редкий случай, когда мы узнаём имя автора крестьянской песни
и повод, по которому она сочинена.

Я гляжу, жизнь-то как изменилась! Теперь что: хлеба машинами, комбайнами сожнут, измолотят, на машинах свезут, на элеватор сдадут — и всё! А прежде-то, слышь, как с самой осени зачнут молотить: который сыромолотом, который в овинах сушат, да до самой-то весны пластаются, молотилами колотят.

Мужик хлебом только и жил. Сколь измолотил на еду, а остальное — на базар, — то, другое, третье купить надо: на себя, чай-сахар, керосин, спички и там остальное.

А с осени-то хлеб дешево покупали. У бедняка его только и было, что сразу осенью измолотить. А в город купцам повезёт — дёшево-то, дёшево, да ещё сколько украдут. Ох, что мошенства, слышь, было тогда, не приведи...

Купцов-то, которые хлеб набирали, звали большепудниками: у них «большие» пуды были. Мужик с хлебом выедет рано, до свету, а то и в ночь, если далеко. Купцы это знали. Вышлют по всем дорогам из города прикащиков. Те версты за две, за три бегут, ловят мужиков, сговаривают их везти хлеб к своему хозяину:

— Ты к Соснину не вози, он только восемь гривен даёт, а мы — с пятаком принимаем. Вот туда-то и туда-то вози...

А мужик рад пятак на пуде нажать, ну и везёт. Приедет к купцу, а в ограде уж туго воев-то. Все торопятся сдать, деньги получить и на базар за покупками, а потом засветло домой. А зимами в шесть-семь часов утра ещё темно, особенно в морошной день. Весовщики весят при огне, с фонарями. Вот тут самое мошенство и идёт. Живо: раз, раз и:

— Убирай! Семнадцать пудов пять фунтов...

И бумажку в контору пишет: столько-то.

— Как так: семнадцать пудов пять фунтов? Я, ровно, дома хорошо вымерил, сосчитал, что двадцать пудов нагрёб. Да неуж я ошибся?..

Ссыплет, придёт в контору получать деньги, двух-трёх рублей, а то и больше, обязательно недополучит.

— Ну, робята! Да как так? — опять скребёт мужик в затылке. — Нагребал, хорошо помню, что двадцать пудов, а вышло семнадцать. Ох, какие же большие пуды-то у купцов.

Так вот опомниться, бывало, мужик не успеет, а его уж кругом обокрали. Вот так и наживались наши большепудники.

Записано в гор. Шадринске весной 1946 года от 63-летнего уроженца села Погадайка, Батуринского района, Курганской области, долго служившего у шадринских купцов Галюкова и Панькова, теперь сторожа складов «Курганторга» Филиппа Ивановича Сивкова.

Не было фарту, залез в долги к Уркварту,— говорили старатели. Если им не везло на добыче золота, они шли за кабальным займом в контору концессионера-англичанина Уркварта, пользовавшегося недрами Урала в районе Карабаша-Кыштыма, Челябинской области; Октябрьская революция лишила этого хищника уральских богатств.

Делов-то у него, как у Поклевского. Заводчик и помещик Поклевский-Козелл имел в Талице, Свердловской области, винокуренный, дрожжевой и конный заводы, асбестовые и золотые прииски в разных местах Урала и Зауралья.

На Поклевского проробил. Если ничего не заработал или заработал очень мало, это всё равно, что был на работе на предприятиях Поклевского.

Дров-то у него много, как у Смолина. То есть так же много, как у курганского заводчика и помещика Смолина, предприятия которого были в Курганском, Чашинском и в других районах.

Бог-от — не Никита Пантелеев. Намёк на крутой нрав содержателя ямской гоньбы в гор. Шадринске Никиты Пантелеева, который безжалостно обращался со своими работниками.

Бог-от — не Никишка Боб. Намёк на безжалостного кулака с прозвищем «Боб» в селе Пепелино, Косулинского района, Курганской области.

Две последних поговорки надо понимать так: бога-то выдумали, так от него нечего ждать какой-либо беды, а эти кулаки, оба Никиты, на самом деле жестоки с работниками.

ПОМЕЩИКИ

Помещиков в обычном смысле Урал знал мало. Были уезды, где их совсем не было или они насчитывались единицами. Так, для дореформенного времени мы знаем в Шадринском уезде только одно поместье — в деревне Усть-Караболке, или Сушиной, которая приходилась на самый угол уезда.

Зато на Урале были огромные поместья, принадлежавшие крупным магнатам, владевшим землями на несколько отличных условиях, чем это имело место «в России».

В основном роль помещиков на Урале играли так называемые посессионеры, которые юридически не владели ни землями, ни жившими на них людьми, но были их фактическими хозяевами. На деле положение посессионных и крепостных было одинаковым, даже для посессионных худшим, если им приходилось нести тяжёлую заводскую работу.

Но так или иначе Урал знал крепостное право, даже и там, где по-

мещиков не было. — здесь жили или беглые, или потомки беглых помещичьих людей, или выкупившиеся из помещичьей неволи.

Количественно незначительные тексты наших записей о помещиках сами собой говорят о малой степени распространения этого явления на Урале.

КАК ЖИЛОСЬ ПОД БАРИНОМ

Бабушка нам рассказывала, как в старину-то жили.

Дедушков-то барин ещё хорошим считался. Было много хуже его. А всё-таки и он не миловал...

Раз дедушков-то отец, Алексей, стало быть, Романов пашню пахал, да, видно, не больно хорошо вспахал, наделал чилизён¹. Приехал с поля, лошадей выпряг, поставил, пришёл в избу, сел за стол, только хотел щи хлебать, как прибежали от барина:

— Алексей, тебя барин требует, — иди скорее!

Он побежал.

Барин спрашивает:

— Ты пахал?

— Я...

— Дайте ему двадцать пять.

Дедушка-то услышал, что отца хотят драть, ему жалко его стало: только что робил, устал... Пришёл он к барину, стоит, мнётся.

— Тебе чего?

— Барин, ежели как можно, вместо отца уж меня накажите.

— А мне что: чья бы задница свистела, мне всё равно!

Ну, дедушка пошёл, лёг вместо отца, его и отодрали, дали ему двадцать пять розог.

Бабушка сказывала, какого они барина были, только я теперь уж не помню; не помню, и откуда.

Дедушку звали Митрий Алексеевич Романов.

Вздумал как-то барин продать дедушку другому барину. Дедушко-то услышал про то, пришёл к барину и говорит:

— Барин, мы слышали, ты хошь продать нас другому барину. За сколько продаёшь-то, скажи, мы, может, сами выплатим тебе эстолько-то.

— А если есть средства, давай...

И сказал ему, за сколько продаёт.

Дедушка, видно, справно жил: была у него мельница, лошади, коровы. Он мельницу продал, корову, лошадь, что ещё было такое, — тоже продал, насобирал денег и выкупился с семьёй на волю.

¹ Огрехи, невспаханные места.

Как выкупился, уехал в Шаламовскую волость, в деревню Штанное, туды и приписался, тут и стал жить.

Немного сколько-то пожил, года с два-три, как мужиков-то отпустили всех на волю,— барских больше не стало. А дедушковы-то братья не выкупались, они так, без денег, волю получили... Так у моего дедушки и пропали деньги зря. Страсть как жалел!

Дивно уж времени-то прошло, а дедушка, бывало, ночью рано-рано соскочит с постели, давай одеваться. Наденет пи-мы, шубу, шапку, подпоясется опояской, рукавицы возьмёт...

— Тятя, ты куда?

— Ну, а разве не слышали, лакей-то кричит, зовёт на ра-боту к барину.

— Да что ты, тятя, мы уж больше не барские...

— Не барские?.. Ну-у...

— Нет, не барские.

— Ну, слава тебе, господи! — и перекрестится...

Записано 25 июля 1949 года в гор. Челябинске от уроженки села Казённая Статья, Альменевского района, Курганской области, 80-летней Евдокии Александровны Гладких.

Деревня Штанное — Кировского района, Курганской области. Семья деда сказительницы была в крепостной зависимости в Бузулукском уезде, тогда Самарской губернии.

БАРИН И МУЖИК

Барин один отродясь дома не бывал, а всё по питерам да по заграницам шлялся, пропился, проелся, жить стало нечем, и поехал домой, — мужики там прокормят!

Приехал в Россию, дал знать домой; за ним послали на станцию лошадей. Вот поехал барин. Спрашивает у кучера:

— Тебя как зовут?

— Иван.

— Скажи, Иван, каков у меня был урожай?

— А колос от колосу — не слышать девичьего голосу.

Барин ничего не понимает, это хорошо или плохо.

— Эге!

Вот едут, а барин опять спрашивает:

— А много ли было снопов?

— Сноп от снопа — три года езжай, не доедешь...

— О!..

Дорога дальная, плохая, лошади того не лучше, еле тащат. Барину стало скучно. И говорит:

— Иван, а ты бы что-нибудь весёлое рассказал.

— Весёлое-то, барин, только в сказках да во сне.

— Ну, ты бы хоть сон рассказал.

— Расскажу, если уговоримся, что ты перебивать меня не будешь, что бы я ни рассказывал.

— Ладно, не буду...

— Тогда слушай, барин, сон, который я сегодня видел.

— Давай, давай, буду слушать.

И мужик начал:

— Снилось мне, что мы с тобой, барин, идём по меже между полями. Идём и вдруг что-то сшумело. А это ангел-хранитель правым-то крылом подхватил тебя подмышку...

— Верно, правым крылом меня,— я ведь барин...

— Правым-то крылом тебя, а левым — меня. Подхватил и понёс нас с тобой в небесное царство.

Вот несёт и несёт нас ангел-хранитель. Мимо месяца стали пролетать, а там свадьба, кричат нам:

— Приворачивайте сюда!

Ты, барин, говоришь:

— Некогда, в небесное царство едем...

Вот всё несёт и несёт нас ангел-хранитель. Стал долетать до небесного царства, а ты и говоришь:

— Ну, теперь я к самому господу богу в рай!..

А я говорю:

— Нет, барин, не ты в рай, а я,— в писании ведь сказано, что богатому труднее попасть в царство небесное, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко. Уж если кому в рай, так мне, мужику,— я весь век работаю, тружусь.

— Нет, я — в рай, потому что я — барин.

Вот мы так с тобой спорили, спорили, а ангелу надоело нас слушать, он толкнул нас обоих и говорит:

— Да ну вас к лешему! Ни которого не возьму с собой.

И мы полетели с тобой обратно на землю. Мимо месяца когда пролетали, свадьбу там уж сыграли, спать легли, тихо стало... Ну, мы — на землю... Совсем уж подлетать стали, ты, барин, и говоришь:

— Слушай, Иван, давай уговоримся, как ежели падём во что-нибудь жидкое, сначала ты меня оближешь, а потом я тебя.

— Ладно,— говорю.

Вот мы летим. Летели, летели, разлетелись и ты бух в бочку с мёдом! Ты — в мёд, а я — в нужник, в самую яму.

Ну, вылезли мы — ты из бочки, а я из нужника. Первым делом давай я тебя облизывать. Облизал всего и говорю:

— Теперь тебе меня облизывать..

— Как, мне облизывать! — закричал барин.

— Ты что же это, барин, забыл наш уговор,— не перебивать меня?..

- А ты не говори гадости.
- Да ведь это, барин, сон. Дай досказать его.
- Ну, досказывай.
- Ну, ты, барин, стал меня облизывать и всего облизал. Барин давай плезаться и всю дорогу проплевался, пока не приехали в его имение.

Записано 21 октября 1952 года в гор. Свердловске от бывшего железнодорожного машиниста, уроженца села Колчедан, Каменского района, Свердловской области, Георгия Георгиевича Шаброва (1874 г.).

КОНЕЦ СУШИНА

Слыхали, наверно, как Сушина здесь убили... Дело так вышло. Он был очень скверный помещик. Например, вот я сына задумал женить. Надо пойти к барину за разрешением. Он своим крестьянам разрешал брать девок из других деревень, а наших девок на сторону не отпускал. А если кто вздумал на своей жениться, наметил девку, а барин ему: «Нет, бери другую...» Какую ему надо. Когда человек поженится, требовал молодую на первую ночь к себе. Ну, за это за всё его и убили.

Убили здесь. Тут есть Красные ворота, как идти подле бывшего помещичьего сада. Тут живёт теперь Савин Емельянович Шурыгин. В том месте его и кончили.

Двое человек встретили его у ворот. Один ворота отворил, а другой пугнул лошадь. Она запрягом об столб шарахнулась. Тут его обухом хватили. Сперва-то не убили, а только оглушили. Сняли с него барскую одежду. Один нарядился в неё и спрашивает у барина:

— Ну, кто теперь из нас барин: ты или я?

Потом увели с лошастью в лес и тут уж добили. Лошадь выпрягли, а собачка, — она с барином была, — бежать...

Самого барина хвостом забросали, а что с лошастью сделали, не знаю. Дугу только, знаю, под хвост тоже спрятали. А в дуге было ввернуто кольцо, то ли бы золотое, то ли серебряное.

Сделали это всё и ушли к себе.

А барина дома нет и нет. Где барин? Нет барина!

А как раз к Сушину приехал в гости из Шадринска исправник. Ну, сбили народ, послали его искать по лесу барина с факелами. Тут увидали, под хвостом блестит что-то. А это кольцо от дуги блестело. Тут и нашли барина.

Утром барыня велела выстроить всех мужиков. Как выстроили, к тем двум-то баринова собачка подбежала и давай

лаять. Так и выдала их. Ну, мужиков схватили и что-то сделали с ними, а так-то бы никто их не узнал.

*Записано 28 августа 1949 года в деревне
Усть-Караболка, Багарякского района, Челябин-
ской области, от потомка крепостных крестьян,
колхозника Николая Михайловича Пулькина,
69 лет.*

И ЛЕС И ЗВЕРИ — БАРСКИЕ

Пришлось как-то дяде Сидору идти по лесу. А лес тот был богатого барина. Шёл-шёл дядя Сидор и увидал под елью зайца. Сидит заяц, испуганными глазами смотрит на дядю Сидора. А у того ружье всегда было с собой, никогда он в лес без ружья не выходил.

Приостановился дядя Сидор, выстрелил в зайца.

Заяц упал, прстянул ноги.

— Один есть! — подумал дядя Сидор и поднял с земли зайца.

Тем бы и кончилось дело, пошёл бы дядя Сидор домой, зайца бы зажарил и сытно поел бы. Но на грех барин по близости оказался. Кинулся он к дяде Сидору и закричал:

— Как это ты, дрянной мужичонка, смеешь охотиться здесь? И лес и звери в нём барские, мои... Я тебя в тюрьму посажу!

Если бы барин был один, Сидор убежал бы. Но сзади барина — два казака с шашками и пистолетами, только и смотрят, как бы мужика схватить.

— Прости, батюшка-барин, — начал просить дядя Сидор, — заяц — не медведь, он немного стоит.

— Если бы ты застрелил медведя, я бы тебя на всю жизнь упёк, — рассердился барин. — Медведя застрелить — и думать не смей!

— Не смею, батюшка-барин, не смею! Увижу медведя на своей корове и то не застрелю. Только прости за этот проступок!

— Не прощу! — сверкнул глазами барин. — Если простишь мужика, он совсем избалуется, ни бога, ни царя не станет почитать, бояться. Эй, казаки! — крикнул барин. — Отведите этого человека в город на суд.

Схватили казаки дядю Сидора и, подталкивая в шею, потащили в город.

Суд рассмотрел дело и по статье царского закона приговорил за убийство зайца в барском лесу посадить мужика, по имени Сидора, в тюрьму на два года.

Отсидел дядя Сидор эти два года и когда-некогда вернулся домой. Пожил с семьёй, порадовался тому, что вырвался

из тюрьмы, а потом взял ружьё и опять отправился на охоту. В барском лесу охотиться он, конечно, не смел, даже думать об этом не решался, но идти пришлось через барский лес, так дорога была ближе.

Шагает он по лесу и вдруг слышит чей-то истошный крик. Побежал на крик, видит: медведь придавил барина, собирает-ся с него кожу снять.

Увидел барин дядю Сидора, кричит из-под зверя:

— Стреляй, милый мужик, стреляй в медведя! Скорее стреляй! Торопись! Освободи меня от злой смерти!

— Не смею! — отвечает дядя Сидор. — Если я застрелю медведя, ты меня на каторгу сошлешь...

— Не сошлю, милый мужичок! Стреляй скорее!

— Как же я буду стрелять? — развёл руками дядя Сидор. — И лес и звери ведь барские, твои... Никак мне нельзя тронуть твой лес и твоего зверя!

Сказал так дядя Сидор и отправился дальше, а медведь очень ловко снял с барина его барскую кожу.

Извлечено из книги «Фольклор народа коми», т. I, Архангельск, 1938, стр. 271—272.

Сказка, несомненно, возникла в пределах современного Коми-Пермяцкого округа, Молотовской области, и отражает эпоху владычества Строгановых.

ПОЛИЦИЯ И ЦАРСКИЕ ЧИНОВНИКИ

Жизнь в царской России сосредоточивалась в двух противоположных лагерях: в лагере трудящихся и угнетённых и в лагере бездельников и угнетателей. На службе угнетателей находилась целая армия царских чиновников, полиция и жандармерия.

Трудовой народ страстно ненавидел этих прислужников. «Приказная строка», «чинуша», «чинодрал», «крючок», «полицейский крючок», «судейский крючок» — вот те презрительные клички, которыми наделял народ холоуев своих угнетателей. А сколько пословиц и поговорок, которые сажёнными гвоздями навеки прибили к позорному столбу чиновников и полицию: «В лесу — сучки, а в городе — полицейские крючки», «Поп, становой — с одной головой», «Поп ждёт покойника, судья — разбойника», «Карман сух, судья глух»...

Жестокость, взяточничество, глупость — вот черты, которыми народ наделяет в своём устном творчестве представителей чиновничества и полиции.

* * *

Вдоль реченьки быстрой
Становой едет пристав.

Ой, горюшко-горе:
Становой едет пристав.

За ним письмоводитель —
Страшный вор и грабитель.

Ой, горюшко-горе:
Страшный вор и грабитель.

А вслед их на паре —
Полицейские хари.

Ой, горюшко-горе:
Полицейские хари.

Они едут по делу —
По мёртвому телу.

Ой, горюшко-горе:
По мёртвому телу.

У нас в Киселёвке
В огороде у Лёвки.

Ой, горюшко-горе:
В огороде у Лёвки.

Под старой раkitой
Оказался убитый.

Ой, горюшко-горе:
Оказался убитый.

Становому на ужин
Баран целый нужен.

Ой, горюшко-горе:
Баран целый нужен.

Становому на ночку —
Крестьянскую дочку.

Ой, горюшко-горе:
Крестьянскую дочку.

Становихе на мыло —
По полтинничку с рыла.

Ой, горюшко-горе:
По полтинничку с рыла.

Вдоль реченьки быстрой
Становой едет пристав.

Ой, горюшко-горе:
Становой едет пристав.

*Записано 15 апреля 1936 года в гор. Шад-
ринске со слов 70-летней Клавдии Степановны
Боголеповой и её дочери Лариссы Николаевны
Бирюковой, 48 лет; первая — домашняя хозяйка,
вторая — библиотекарь.*

* * *

Вдоль реченьки быстрой
Становой едет пристав,
Полицейский в тулупе
За ним же тут лупит.

Эх, горюшко-горе:
За ним тут же лупит.

В деревне Ольховке
В огороде у Лёвки
Под зелёной раkitой
Оказался убитый.

Ой, горюшко, горе:
Оказался убитый.

Становому на ужин
Провиант свежий нужен;
Становому на ночку —
Старостихину дочку.

Эх, горюшко, горе:
Старостихину дочку.

Тётка Маланья,
Догадлива баба,
По двору ходит,
Гусей, уток ловит.

Ох, горюшко, горе:
Гусей, уток ловит.

Становой уезжает,
Его мир провожает;
Становой удалился,
Ему мир поклонился.

Вдоль реченьки быстрой
Становой едет пристав;
Полицейский в тулупе
За ним тут же лупит.

Эх, горюшко, горе:
Ему мир поклонился.

Ой, горюшко, горе:
За ним тут же лупит!..

Записано в середине лета 1937 года в гор. Шадринске от сапожника Ивана Романовича Кораблёва (1875 г.). Песню он заучил в гор. Кургане 43 года тому назад.

ГЛУПЫЙ ПРИСТАВ

Был один пристав, дурак-дураком. Раз напился пьяный. Петух ходил по ограде да громко запел под самыми окнами. Пристав выбежал, кричит:

— Десятские, поймайте его!..

Те поймали, спрашивают:

— Куда, ваше благородие, прикажете его?

— Посадить его под горшок, на трои сутки под арест!

Тут как-то десятники работали на пристава, рубили брёвна, возили к нему. А возили частью на крестьянских, частью на его лошадях. Из лесу везли, наклали по три бревна на приставских лошадей. А лошади сытые. На крестьянских — только по два бревна. Стали подъезжать к деревне, перекладывали с приставских лошадей на крестьянских. Приставские-то упрели, пар от них валит.

Пристав увидал, что его лошади везут только по два бревна и так вспотели, а крестьянские — по три, и ничего, — изругался, кричит:

— Клячи, клячи, а по три бревна везут и не вспотели, а мой-то сволочи, по два и так взопрели!.. Зажирели... Не давать им сегодня овса!

Записано 26 октября 1940 года в гор. Шадринске со слов уроженца деревни Кукольниковой, Ольховского района, Курганской области, Андрея Аристарховича Руднова (1887 г.).

* * *

Что-то, что-то там клубится
По дороге столбовой?
Развалился в тарантасе,
Едет пьяный становой.
Если ему попадётся
Тогда купчик гулевой,
Сколько бедненький ни бьётся,

Взятку справит становой.
Так бумажник набивает
И сам жиреет становой.

*Из предреволюционных записей на Среднем
Урале.*

* * *

Посмотрю я в тот конец —
Едет становой-подлец,
Посмотрю я во другой —
Едет писарь молодой...
Выпьем рюмочку винца,
Мы помянем мать-отца;
Да старшину-грабителя.
Уж он грабил, не жалел,
Да мировой ему велел.

*Записано в начале июля 1937 года со слов
уроженки села Ново-Петропавловского, Уксян-
ского района, Курганской области, дочери воло-
стного писаря Елизаветы Петровны Ляпустиной
(1874 г.).*

ВАНЬКА-ВОР И СТАНОВОЙ ПРИСТАВ

В одном селе жил Ванька-вор. Воровал и людей разорял.
А когда попадался, то станового подарками богатыми дарил.
Становой его оправдывал.

Однажды так случилось. Приехал становой пристав в село,
встал на земскую квартиру. Ему подали самовар. Становой
сел пить чай и окошко растворил. А в это время Ванька-вор
шёл по дороге. Становой пристав увидал его в окно и кричит:

— Ванька, иди-ка сюда!

Ванюха будто как не слышит.

Становой кричит пуще:

— Эй, Ванюха!

Ванька как бы теперь услышал, остановился, посмотрел на
окно. А становой ему говорит:

— Подойди сюда, подойди!

А Ванька на ответ:

— Нечо делать, ваше благородие! Шибко дорого стали
брать. Не стоит воровать: если украл, всё приходится вам от-
давать, себе не остаётся...

*Записано 29 декабря 1939 года в гор. Шад-
ринске от ночного сторожа складов «Заготзерно»,
72-летнего Никифора Павловича Табуева, уро-
женца подгородной к Шадринску деревни Мыль-
никовой; в городе с молодых лет был извоз-
чиком.*

Как сибирский генерал
Станового поверял.

Припев.

Вот калина,
Вот малина.

По щекам его лупил,
Таки речи говорил.

Припев.

«Ты, такой-сякой урод,
Что не чинишь ты дорог?»

Припев.

И с какого позволения
Ты уехал без прощенья?»

Припев.

«Эх, помилуй, вашество,
Моё слабо естество:

Припев.

Ребятишек, что котят,
Они есть и пить хотят.

Припев.

А сварливая жена—
Точно в юбке сатана.

Припев.

А поди-ка, наш исправник—
Фалалей Кузьмич забавник

Припев.

Коли сотен пять не дашь,
Так и службе, брат, шабаш!»

Припев.

*Из рукописного «Сборника народных песен»,
записанных около 1900 года в районе Сатки и
Златоуста (Собрание В. П. Бирюкова).*

Нужно думать, что песня навеяна какой-либо экстренной сенаторской ревизией — последним средством, когда ничто уже не могло умерить гомерическое взяточничество и произвол полиции, от которых жестоко страдал не только «чёрный люд», но и купцы и другие сословия.

Вариант этой песни записан Д. Н. Маминым-Сибиряком в одну из его записных книжек, виденных составителем у племянника писателя, Б. Д. Удинцева, в Москве.

НЕПРЕМЕННЫЙ ЧЛЕН

Когда отменили крепостное право, многим дворянам ничего не оставалось делать, как пойти служить. На первых порах в земские начальники, да и на другие должности по крестьянским делам шли такие свисты, что прямо ужас!..

Они мужика терпеть не могли. И рады бы не служить, да ведь жрать-то надо было что-то. Вот к числу таких принадлежал неременный член по крестьянским делам Китаев. Я помню его: такой видный, высокий мужчина.

Приходит к нему мужик. У Китаева сердце кипит при одном только виде мужика, — он его терпеть не может. Хочет по морде ему дать, да нельзя уж. Ну, выслушает мужика, говорит ему, что надо-де помочь...

— Да-а, вот нынче какие дела-то, — надо тебе помочь. А прежде-то что было!...

Тут Китаев из матери в мать начинает ругать мужика:

— Вот как раньше-то было! Да ещё что?! Возьмут вот этак за бороду, да башкой-то...

Тут Китаев, действительно, берёт мужика за бороду да давай его головой-то к себе, то от себя в стену. Да так несколько раз. У мужика и глаза на лоб: «Да что это такое!?»

— Вам, сукиным сынам... Вот как прежде-то было. А теперь: «Пожалуйте, Иван Иванович!..»

И сам вытаскивает портсигар, протягивает его мужику:

— Пожалуйте!

Это, значит, уж после того, как вдоволь натешится, отдаёт душу на мужике, — тут и давай угощать его папиросами.

Всё это на самом деле было у нас в Шадринске. Я сам слышал это от Константина Аполлоновича Большакова. И дело-то было в начале 900-х годов.

Записано 16 декабря 1940 года в гор. Шадринске со слов местного уроженца Степана Степановича Войтехова (1884 г.).

К. А. Большаков — нотариус в гор. Шадринске, один из домашних учеников Д. Н. Мамина-Сибиряка, когда он жил в гор. Екатеринбурге в 1880 году.

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ ЗЕМСКОМУ НАЧАЛЬНИКУ

Радуйся, волостных старшин за бороды таскающий,

Радуйся, волостных писарей, яко псов, гоняющий,

Радуйся волостным судом, яко рабом, помыкающий,

Радуйся, на крестьян, яко лев, рыкающий

И за то две с половиной тысячи получающий,

Радуйся, начальниче, великий миротворче!

Радуйся, яко в крепости, в имении своём пребывающий,

Радуйся, двадцатого числа из него выезжающий,

Радуйся, за мзду волостных старшин назначающий,

Радуйся, до семи кандидатов для себя выбирающий,

Радуйся, начальниче, великий сребролюбче!

Радуйся, судья, достоинство суда оскорбляющий,

Радуйся, представителей в Государственную думу назначающий,

Радуйся, свободное слово проклинаящий,

Радуйся, начальниче, бесстыдниче, великий сквернотворче!

Скопировано с отдельного листка, вложенного в песенник, принадлежавший бывшему секретарю Шадринской городской управы Петру Ивановичу Кузнецову; подобные запретные стихи распространялись такими листками во время первой русской революции:

Стихотворение написано в стиле церковного акафиста, то есть такого молитвенного обращения к богу или святым, во время исполнения которого нельзя было сидеть (от греческого слова «акафизо» — не сижу) в знак особенного почтения к хвалимым.

ЭХО

У вас министры были?
...били.
Ваши просьбы разобрали?
...брали.
Документы рассмотрели?
...ели.
О Ванновском какой слух?
...ух!
Ну, а прокурор небес?
...бес.
Чем он кончил разговор?
...вор.
Много ль сделал Гюббенет?
...нет.
А Островский очень плох?
...ох!
А в хозяйстве и в лесах?
...ах!
Ждать ли на весну их?
...ну, их!
Как же будем вспоминать их?
...мать их!

*Сообщено в 1937 году в гор. Свердловске
старым уральским лесным специалистом Павлом
Петровичем Кавадеровым, около 90 лет от роду.*

«Персоны», о которых здесь говорится, — виднейшие бюрократы царской России 1880—1890 гг.:

П. С. Ванновский — военный министр с 1881 года.

А. Я. Гюббенет — с 1889 года управлял министерством путей сообщения.

М. Н. Островский — с 1881 года по 1 января 1893 года — министр государственных имуществ.

Прокурор небес — обер-прокурор святейшего синода Победоносцев известный мракобес и реакционер.

ЗЕМСТВО

В бывших уральских губерниях — Пермской и Уфимской — целых пятьдесят лет существовало так называемое земское самоуправление. Уже одно слово «земство» должно было говорить о том, что это само-

управление обязано было проникать во все поры «земли» — в толщи народа. На деле же было не то. Да оно и понятно. Права у земства были урезаны до смешного. В земские гласные попадали совсем не те, кто должен попасть, а больше всего народные захребетники. Даже то, что земство делало для пользы народа, осуществлялось скверно. Народ видел, что земство, например, строило вдвое — втрое дороже, чем это стал бы делать хороший и настоящий хозяин. При постройках школ, больниц воровали все: и земский инженер, и подрядчик, и соседи — «справные мужички» и пр. и пр. А в земских больницах, если кого и лечили хорошо, так попов, кулаков, урядников. Вот почему, когда в селе Нижне-Петропавловском, теперь Бродокалмакского района, загорела больница, крестьяне не бросились тушить её, а равнодушно наблюдали: «Не наше — земское...»

Одновременно с недоверием к земству крестьянство относилось к нему и с насмешкой. О земстве народ сказал очень мало в своём устном творчестве, да и то только в отрицательном смысле.

КРЕСТЬЯНЕ О ЗЕМСТВЕ

Сколь я знаю, мужики к земству относились с недоверием. Если что земство станет проводить, там травосеяние или что, считали, что это просто затея. Земство за многое бралось: то литовками торговало, то машинами, плугами, то начнёт что-нибудь скупать. А мужик всё одно: «Земству-то нечо делать, вот и выдумывает...»

Жил у нас, в Песчанке, Николай Тимофеич Иванов. Вот курасы-то строил!..

Как-то мы сидим в правлении потребиловки. Приходит туда мальчик Коля. А он поймал большущую стрелку, ну, стрекозу. Николай Тимофеич увидал Колю со стрелкой и манит его к себе. Подманил, взял у него стрелку и подал мальчику гривенник.

А с нами тут сидел один старик. Он и спрашивает у Николая Тимофеича:

— Почему ты заплатил за стрелку-то?

— А земство стрелок-то набирает...

Прошло после того сколько-то дней. Старик этот наловил десятка два стрелок, навязал их на верёвку, принёс к Иванову и говорит:

— Ну, вот я наловил... Давай примаю!

— Я теперь не беру; иди в волость, там Яков Иванович принимает.

Старик пришёл в волость. Яков Иванович что-то пишет.

— Ну, Яков Иванович, примаю!

Яков Иванович понял, что это — курасы Николая Тимофеича, и говорит старику:

— Ну, как же я у тебя принимать-то буду: смотри-ка, как ты их всех верёвкой измял...

А в другой раз Николай Тимофеич с Вороновым распустили слух, что земство коровьи рога набирает, а для чего, не известно, и деньги хорошие даёт...

Нашлись люди, поверили. Давай ходить в волость, спрашивать, когда и почём земство будет рога набирать.

Хохоту-то потом было.

Записано 31 декабря 1939 года в гор. Шадринске от уроженца села Чудняковского, Галкинского района, Курганской области, Алексея Павловича Мотовилова, крестьянина, а потом служащего (1879 г.).

Яков Иванович Онохов — волостной писарь.

ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ В ШАДРИНСКЕ

Под командой Магомета
Началось собрание это.
Члены дружно все сплотились,
В кресла разом опустились.
И триста тысяч населенья
Ждёт их правого решенья.
Перед каждым лист бумаги.
Они задумчивы, как маги.
Уезда нужды разбирают,
Но аза в глаза не знают,
Избрали многих для комплекта
Или, может, для эффекта.
Вот уселись все удобно,
Теперь опишем их подробно.
Управы земской председатель —
Старик восьмидесяти лет.
Боже праведный, создатель!
Ему пора бы на тот свет...
Вот лицо от всех духовных
(Рясу новую надел).
Зачем служителей церковных
Отрывают от их дел?
Вот торгаш... Он долго бился
В земстве кресло призанять,
Но к чему сюда стремился,
Не могу никак понять.
От винной лавки представитель,
Пивовар и винодел...
Рассадник пьянства и зиждитель

Какой блюститель земских дел?
Из крестьян вон трое гласных.
Они сидят особняком.
На лицах пот этих «согласных»¹, —
Молча трутся лишь платком.
Ещё звено сего собранья —
Он забыл дома вниманье,
Ему земство — трын-трава.
А вот съезда председатель.
На нём гражданский виц-мундир.
На сравнение, читатель, —
Это — ротный командир.
Магомет Садык Султанов,
Он — ислама кровный сын,
Но, к стыду магометанов,
Давно сбросил аракчин.
Чрез усердие пробился
На солидный видный пост;
На все должности дробился,
На розги был когда-то прост.
Своих татар одноплемённых
В бунт мятежный усмирял,
Не жалел плетей ремённых,
Так порядок водворял!
Но когда «освободитель»²
Новый суд нам учредил,
Тогда рьяный укротитель
В «мировые»³ угодил.
Судил, примерно, в смысле строгом,
Взяток будто бы не брал,
Лишь граничился острогом,
Но подсудных уж не драл.
Теперь он голос возвышает,
Когда сюжеты задаёт,
Но их сам же предрешает,
Слова молвить не даёт.
Силу власти ощущает, —
Прекословить не могил!
Протоколом застрашает, —
Из собранья хоть беги!
Важно в кресле восседает,
Вертит по-своему вопрос,

¹ Поговорка: «Гласный — на всё согласный».

² Александр II.

³ Мировой судья.

Недовольных наблюдает,
Дабы не высунул кто нос.

Стихотворение забытого шадринского поэта Никиты Петровича Ночвина, относящееся к концу 1880-х гг. Ходило только в устной передаче среди служащих земства и городской управы.

НА СМЕРТЬ САДЫКА СУЛТАНОВА

Когда он в вечность преселился,
Земства нашего герой,
К Магомету важно заявился:
— Дверь мне райскую открой!
— Ты что? — спросил пророк
Пред ним представшего надменно, —
Кажись, ты смерти не просил, —
Мне б доложили непременно...
— Я из Шадринска Султанов!
Неужель ты не слыхал?
Но судья магометанов
Ему промолвил: — Ты — нахал!
Хотя в мундире ты явился,
Генеральский носил чин,
Наверно, этим ты гордился,
Но где же феска, аракчин?
По закону все магометане
Аракчин должны носить;
Ясно сказано в коране:
Наголо башки вам брить.
Но суть в том ещё, приятель,
Ты идеал был гордецов,
Ты правоверных был предатель,
Ты нарушал веру отцов:
Хотел гяурам подслужиться,
Закон корана презирал,
До крестов чтоб дослужиться,
За бунт татарам кожу драл.
Юпитер был для подчинённых,
Гром и молнии метал,
Не знал печали угнетённых,
Над всеми властвовать мечтал.
Лукавством, хитростью, пронырством
К чинам дорогу проложил;
Может, думал быть министром,
Но я преграду положил.
Ты прал завет мой, Магомета, —
В рай тебя я не впущу,

Но за проделки того света
Головою в ад спущу.

Извлечено с рукописного листка, вложенного в песенник, принадлежавший бывшему секретарю Шадринской городской управы Петру Ивановичу Кузнецову (родился в Шадринске около 1883—1885 гг.).

Среди земских и городских служащих, и вообще грамотных жителей Шадринска, стихотворение «На смерть Султанова» было чрезвычайно популярным и обычно приписывалось другому забытому шадринскому поэту Василию Семёновичу Куликову, служившему в земстве. На самом деле автором является бывший мелкий торговец, потом работавший сдельно писцом или агентом у торговых фирм Никита Петрович Ночвин (1844—1919 гг.).

В семье поэта сохранился подлинник этого стихотворения. Список Кузнецова имеет ряд разночтений и пропусков. Так, после восьмой строки у автора:

— Но ты сам скоропостижно
Изъял меня от земских дел!
Пророк молчал и неподвижно
В глаза просителя глядел.

Последние четыре строки у автора:

Не чтил закон в моём завете...
В рай тебя я не впущу,
Но за проделки на том свете
Прямо в ад тебя спущу.

Эти разночтения лишний раз подтверждают, что данное стихотворение офольклоризовалось ещё при жизни поэта, но мало кто знал имя автора.

ШКОЛА ЗЕМСКАЯ

Возле речки, возле мостик,
Возле речки, возле мостик,
Возле речки, возле мостик

Близ Урала

Школа земская стояла,
Школа земская стояла,
Школа земская стояла

Да упала.

Собрались, порешили,
Собрались, порешили,
Собрались, порешили,
Как её поставить.

Обсудили, порешили,
Обсудили, порешили,
Обсудили, порешили,
Так её оставить.

А на место школы,
А на место школы,
А на место школы
Кабачок поставить.

Эх, ты мать ты, Русь святая,
Эх, ты мать ты, Русь святая,
Не умом живешь ты —
Водкой.

Записано в декабре 1939 года в гор. Шадринске, от педагога-художника Василия Павловича Бирюкова, 41 года; он слышал песню в селе Антоновском, Ирбитского уезда, в 1870-х гг. от своего соученика, сына учителя Попова.

Песня, сложенная в подражание народной песне, относится к началу деятельности земства в Пермской губернии, то есть в 1870 году.

СТАРАЯ НАСМЕШКА

(Антирелигиозный фольклор)

Принятие языческой Русью христианства было само по себе прогрессивным явлением. Но христианство, как и всякая религия, потом явилось тормозом в развитии страны, встало на защиту интересов правящей верхушки. Недаром русский народ с давних пор вёл с ним своеобразную борьбу, используя все виды сатиры-насмешки, доступные устному творчеству.

В целях антирелигиозной пропаганды давно бы уже следовало использовать старую сатиру, остроумную, разнообразную и занимательную; её действие должно сказаться самым положительным образом. Что это так, бегло укажем на особенности жанров этой сатиры.

Пословицы и поговорки — самый сочный и наиболее распространённый вид антирелигиозной сатиры. Беднее в этом отношении *загадка*, но и она касается религиозных вопросов.

Заговоры — старинные заклинания; они то и дело говорят, что надо опасаться попа косматого, дьякона и других церковных служителей. В ряд с заговорами надо поставить *приметы*: если поп попадётся навстречу человеку, идущему по делу, — не будет удачи.

Анекдоты — этот жанр убийственно разоблачает и высмеивает служителей церкви.

Сказка — также не менее занимательный материал для слушателей, дающий случай посмеяться вволю над отцами духовными.

В народе бытует масса лирических песен, в которых в невыгодном свете выставляются служители веры.

А сколько можно и теперь ещё записать рассказов из действительной жизни, когда в разных случаях представители духовенства показали себя с самых невыгодных сторон в моральном отношении.

Словом, старая насмешка — это неисчерпаемый клад сатиры, очень ценный в борьбе с религиозными предрассудками.

* * *

Как у Саввушки Морозова завод...
Обирают там безжалостно народ.

Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости.
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты, правила.
Принимают по-учёному,
Донимают по-серьёзному.
Ох, уж Саввушка умён, умён, умён
И за это он начальством отличён.
Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
Он завёлся гувернантками —
Черномазым итальянками.
На гроши наши трудо́вые
Сшил наряды им шелковые.
Они ходят, точно павушки,
В удовольствие для Саввушки.
Собирали как-то деньги на собор, —
На заводе велел Савва сделать сбор:
«Положить на каждую харю четвертак,
Всё равно снесёте деньги вы в кабак!»
Подчинилися приказу дураки
Понесли они свои четвертаки.
И по милости таких-то дураков
Понастроили все сорок сороков.
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося:
«За такое приношение
Нам выходит разрешение
Помолиться богу здешнему
Да за Саввушку сердечного».
Эх, отцы наши духовные!
Ваши пузы очень пухлые,
Ваши речи очень тухлые...
Эй, ребятушки, живей, живей, живей!
Соберём колокола со всех церквей.
Из них пушку мы большую отольём,
Духовенством эту пушку мы набьём.
Знатно выпалим лопами в небеса,
Повалятся к нам оттуда чудеса.

*Записано 8 февраля 1936 года от советского
работника В. Н. Пиньжакова, 50 лет; песня око-
ло 1904 года привезена на Макаровскую мель-
ницу в Екатеринбурге из-под Москвы и широко
привилась среди рабочих и интеллигенции города.*

Вышел в чисто поле —
Девка просо полет.
Жаль стало девицу,
Дал бы рукавицы.
Больно девка хороша,
Выйди замуж за меня!
Поп-от не венчает,
За сыночка чаёт,
Дьякон-от не служит,
По девчонке тужит,
Дьячѣк-от не поёт,
Его горюшко берёт.
Поедемте, братцы,

В лес на охоту,
Словимте, братцы,
Всем по подарку:
Попу-то лисицу,
Дьякону куницу,
Пономарю-горюну
Хоть серого зайца,
Просвирне-горюше
Хоть заячьи уши,
Просвирнину сыну
Сто палочек в спину.

*Записано в декабре 1934 года от уроженки
села Шутинского, Катайского района, Курганской
области, Клавдии Степановны Боголеповой
(1865 г.). Песня была заучена сказительницей в
детстве на своей родине.*

ПОПОВСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Предполагается, что поп стоит в алтаре, а дьякон на амвоне перед так называемыми «царскими вратами».

I

Дьякон. Миряне, миряне,
Ничего вы не знаете:
Поп-от чужого быка заколол...
Поп. Дьякон, ты, дьякон,
Не всё ты ляпай,
На тебе мяса половину
Да шкуру воловину.
Певчие. С нами поделись...

*Слышано в селе Першинском, Далматовского
района, Курганской области, в 1905—1906 гг.*

II

Дьякон. Отец Игнатий,
Куда коня спрятал?
Поп. Дьякон, ты, дьякон,
Не всё бы ты брякал
Вот тебе кожи долина
И мяса половина...

Поно́марь (перезванивая в колокола).

Требушину, кишки мне,
Требушину, кишки мне...

*Записано в январе 1952 года в Челябинске
от 50-летней уроженки Альменевского района,
Курганской области, Клавдии Степановны
Гладких.*

* * *

Ах, ты, мать моя, мамонька,
Государыня, боярыня моя!
Ты зачем, мати, породила меня,
Счастливую, талантливую,
Говорливу да забавливую?
Мне нельзя, мати, к обеденке ходить,
Мне нельзя богу молиться:
Все попы поют, мешаются,
Дьякона-то запинаются,
А последняя тварь-пономарь
Трою-двою он по церкви проходил,
Он младёшенькой на ноженьку ступил,
Он меня, младу, за плечико схватил,
Трою-двою выговаривал,
Кудреватенький умаливал.
А трапезник-от за печку манил,
Полтора пуда конфет посулил.
Ой, нельзя мне низко кланяться,
На меня все люди зарятся.

*Записано в феврале 1938 года в селе
Курьи, Сухоложского района, Свердловской об-
ласти, от старушки Устиньи Перфильевны.*

НАСТОЕЧКА

Настоечка тройная,
Наливка травяная,
На зелень налитая,
    Усладительно!
Пусть царь Давид на лире
Поёт в своем псалтыре,
Что пьянство подло в мире,
    Развратительно.
Я в притчах Соломона
Читал во время оно,
Как жил сей царь Сиона
    Расточительно.

Он в притчах, прибаутках,
Говаривал для шутки:
«Пивал ведра три в сутки
    Приблизительно».
Вот Ной хотя, к примеру,
Пивал и через меру,
Но пить в его манеру
    Разрешительно.
Не Ной ведь я, конечно,
Не пью, как он, сердешный,
Но пить запоем вечным
    Разорительно.

Мне поп грозит припаркой,
 А сам сидит за чаркой
 И тянёт чай с кизляркой
     Соблазнительно.
 Хоть он меня постарше,
 По милости монаршей,
 Но мне-то с пономаршей
     Оскорбительно.
 Я пью одну сивуху,
 Настой кладу для духу,
 Люблю я полынуху
     Восхитительно!
 Хоть он и в камилавке,
 Но, выпив чай с прибавкой,
 Валяется под лавкой
     Унизительно.
 Я, в пономарском чине,
 Хожу всегда в овчине;
 По этой мне причине все
     Простительно.
 И сам-то наш владыка
 Подчас не вяжет лыка...
 Напьюсь я, горемыка,
     Положительно.
 У дьякона примета,
 Как хватит до рассвета,

Читает «много лета»
     Оглушительно.
 Дьячки между собою,
 Собравшись гурьбою,
 Рыгают с перепоею
     Отвратительно.
 Монахини святые,
 Все жиром залитые,
 Настойки пьют густые
     Опьянительно.
 Когда, себе радея,
 Я выпью ерофея,
 Читаю «от Матфея»
     Вразумительно.
 И стоит лишь напиться,
 Само собой звонится,
 И хочется молиться
     Умилительно.
 Тряхну я в хороводе
 При всём честном народе
 «Взбранный воеводе»
     Победительно!
 Тогда я все пожитки
 Снесу в кабак до нитки
 За крепкие напитки
     Окончательно!

*Извлечено из рукописного сборника старо-
 обрядческих и духовных стихов и некоторых пе-
 сен, полученного в пользование от старообрядца
 и антиквара в Свердловске Д. Н. Плешкова в
 1936 году.*

Песня исполнялась так. Кто-нибудь по-церковному читает первые строчки каждого куплета, а хор повторяет последнюю строчку три раза протяжно на церковный мотив.

Первоначальный текст песни приписывается священнику Владимирской губернии Ивану Ивановичу Альбицкому.

* * *

Во Ергинском во заводе,
 Во Шуртанском во селе
 Живут люди-староверы
 Уже с давних лет (2 раза).
 Да народятся, помирают,
 А умерших отпевают
 Сами без попов (2 раза).
 Приезжат такой мошенник,
 Называется священник,

Тот и ихний поп (2 раза).
 Не спрося его породы,
 Лишь бы был большебо-
     родый,
 Староверский поп (2 раза).
 Не спрося его письма,
 Попом довольны без ума.
 По манешечке ходил,
 Да много денег приносил:

Когда рубль, когда два,
 Когда пять серебра.
 Раз случилось у попа
 Ни алтыну, ни гроша.
 Поп и ризу скидаёт
 Да староверке подаёт.
 Староверка не берёт,
 Да всё с собой попа ведёт.
 Да отвели попу фатеру,
 Таку славну, в большу меру,
 Стал поп поживать (2 раза).
 Стал поп деньги наживать,
 Да канунники читать
 (2 раза).
 Во кармашик деньги класть
 (2 раза),
 Да себе на пропой (2 раза).
 Вот узнали про попа,
 Что он деньги пропиват,
 Взяли его в суд (2 раза).
 Заковали во костры,
 Да отослали в монастырь,
 Да келью на замок (2 раза).

Поп по лестовке спасался,
 Да с кержаками расставался.
 Скучно тебе, поп! (2 раза).
 Вот увидели попа
 Староверы из окна,
 Они хлопнули окном,
 Побежали за попом.
 Поп и видит: вот беда,
 Ему деться некуда!
 Поп кидался, бросался,
 За староверку имался.
 «Видим, что одна!
 Допусти нас до попа!
 (2 раза),
 До духовного отца (2 раза).
 Уж мы станем попу
 За молебны давать (2 раза).
 Да кулаками поддавать.
 Уж мы в вязки и тряски
 И в виски его, в тиски,
 Вот в виски его, в тиски,
 Да попа за волоски!»

Записано 5 ноября 1913 года в селе Корлы-ханово, Екатериновской волости, Златоустовского уезда, Уфимской губернии, Ф. М. Кучиной от А. Кучиной. Запись хранится в библиотеке Челябинского областного краеведческого музея, откуда выкопирована в 1935 году.

Ергинский завод — Иргинский завод в бывшем Красноуфимском уезде.

Шуртанское село — село Шуртан в двух километрах от предыдущего. В книге «Пермский сборник», Москва, 1859, на стр. 108—109 помещён вариант этой песни, записанный А. Н. Зыряновым, значительно differing от нашего, причём там назван другой пункт на Урале, именно село Шарташ, соседящее с нынешним гор. Свердловском, бывшее староверческое гнездо. Начало этого варианта:

Во Шарташском во селенье
 Живут люди — староверы
 С давних уже лет (2 раза).
 Оне пастыря не знают,
 Сами требы исполняют
 Во всём Шарташе (2 раза).

* *

Уж вы, стары старики,
 Вы, седые бороды,
 Вы не трогайте усами,

Шевелите бородами,
 Говорите с господами.
 Господа наши, бояре,

Нерассудливые:
Не рассудят того дела,
Чего девка захотела.
Захотелось девоньке
На улице поиграть,
В хороводе поплясать.
Что Комарской-от поп,
Он до девок ласков, вдов.
Он ко Машеньке ходил,
Много денег приносил:
Когда рубль, когда полтину,
Когда синеньку бумажку.
Когда синеньку бумажку,
Когда ситцу на рубашку.
Поп последни приходил
Маше ризу приносил.

Маша ризу не примат,
Во глаза попа ругат:
«Ты, рассукин сын, попишко,
Проерышил весь домишко,
Не оставил ни гроша,
Одна Маша хороша».
Поп туды-сюды метался
Ко Машеньке во дворец;
Ко Машеньке во дворец,
Под крашоный под крылец.
У Машеньки две снохи,
По сеням они прошли,
По сеням они прошли,
Попа обмочили.
Ещё поп обледенел,
Побежал, зачоченел.

*Записано 16 июня 1946 года в гор. Перво-
уральске, Свердловской области, со слов старого
рабочего, местного уроженца Степана Андрееви-
ча Соловьёва (1876 г.).*

ПОП И ДУРАК ИВАН

Сказка

Никто не брал Ивана-дурака в работники. Ну, Иван пошёл
к ~~попу~~ и говорит:

— ~~Поп~~, возьми меня в работники.

А ~~поп~~ и говорит:

— Иди, да с условием — скверных слов не говорить, язык
держать за зубами.

— Ладно, — говорит Иван-дурак, — не буду, а зубы у меня
большие, лошадачьи.

— Вот таких я работников люблю, — говорит поп, — живи
у меня глухонемым.

Вот лёг дурак спать. Спит, уже солнце всходит. Поп вышел
на двор и говорит:

— Иван-дурак, вставай!

Дурак лежит.

Поп подошёл, разбудил его и говорит:

— Вот, дурак, долго спит. Надо работать...

Ну, на другую ночь дурак лёг в хлеву с коровой, а корова
бодливая была, её поп боялся. Вот поп встал, а дурак спит.

Поп кричал, кричал — не докричался, а в хлев зайти боит-
ся. Дурак спал, пока не выпался.

Поп и говорит:

— Дурак, спи на дворе с собаками.

А дурак говорит:

— Так, батюшка, собаки гавкают, а я глухонемой, мне нельзя с ними.

К попу приехал царь, увидал дурака и говорит:

— Здоров твой работник, в солдаты гожд.

А поп шибко боялся царя и говорит:

— Он глухонемой, царь.

— А давно,— спрашивает царь,— глухонемой?

Тут дурак и ляпни:

— Один год только!

Поп давай на дурака креститься, значит, царю глаза туманит, что, мол, это богово приведенье, царь и поверил.

Ну поп говорит, когда царь укатил:

— Дурак, уходи с моего двора! Ты чуть меня не осрамил, спасибо, что царь — дурак, поверил в чудо!

Дурак говорит:

— Постой, поп, у нас уговор был два года жить,— я не пойду.

Ну, поп подал на дурака в суд, наговорил на него сто бочек арестантов. Приходят в суд, судьи сидят, бояре да дворяне.

Поп зачал городить на дурака всякую всячину, мол, попу поверят.

Дурак достал из кармана мешочек полный, да суду из-под полы и показывает.

Ну, суд видит мешок; ага, мол, золото, надо дурака оправдать,— он золото даст.

Дурака оправдали, велели попу держать такого работника.

Судья подозвал дурака и говорит:

— Ну, давай сюда мешочек.

А дурак говорит:

— Да у меня камни в мешочке.

— Ах, если бы мы знали,— говорит судья — мы бы тебя засудили!

А дурак говорит:

— Если бы меня засудили — я бы тебя мешочком по голове мазнул.

Дурак приходит к попу, поп говорит своей матушке:

— Матушка, давай собирай в мешок добро, будем бежать от дурака.

Ну, перво-наперво забрали золото. Дурак услышал их разговор, взял кошку да барана, накрыл их шубой, а сам в один мешок сел, в другой наклам камней.

Кошка да баран храпят — сопят под шубой, жарко им.

Поп встал и говорит:

— Ну, матушка, пойдём, дурак уснул.

Взяли мешки и — ходу из дому!

Бежали, бежали, далеко убежали. Мешок с дураком тащила матушка, употела вся.

А дурак в мешке покрикивает:

— Поп, дождись, я ведь здесь.

Поп и говорит:

— Матушка, матушка, он догоняет нас, быстрее бежим, бежим быстрее!

Ну, бежали, бежали, до быстрой речки добежали, устали чересчур, больше уж сил не стало дальше бежать. Матушка прямо задыхается, а поп, тот покрепче трохи. Что ж, сели отдохнуть, воды холодной попили, захотели поесть. Матушка-то стала развязывать свой мешок, оттуль вылезит дурак и говорит:

— Поп, а я тут!

Ну что поделаешь с дураком?

Решили поп с матушкой утопить дурака Ивана в речке.

Легли спать. Поп матушке шепчет:

— Матушка, как только дурак уснёт, я тебя разбужу, ты берись за ноги, а я за голову, и бросим в воду дурака.

Дурак-то хитрей их, он всё слышал да на ус намотал.

Вот ночь; поп лёг немножко дремнуть, да уснул; дурак встаёт и будит матушку.

— Матушка, вставай, дурак-то уснул.

Ну, матушка обрадовалась, а в ночи-то не видать, подходит к полу, берёт за ноги, а дурак за голову, раскачали и бросили с берега в воду. Поп упал да затонул.

Матушка и говорит:

— Слава богу, спустили Ивана-дурака в воду!

А дурак говорит:

— Матушка, матушка, ты не так говоришь-то, говори: слава богу, спустили лохматого попа в воду.

А сам пошёл.

Записано в гор. Свердловске на заводе «Металлист» от М. Епифанова, токаря механического цеха. Сказка слышана им в гор. Нижние Серги, где он жил раньше.

ОСТРАЯ ШУТКА

Про отца Ивана Первушина, знаменитого математика, много ведь рассказывали. Всего теперь я уж не припомню.

Вот, например, про то, как отец Иван явился на какое-то поповское собрание. Кланяется и говорит:

— Здравствуйте, отцы: тупоголовые, востроголовые и пустоголовые!

Конечно, попы в недоумении...

Тогда кто-то из них спрашивает:

— Отец Иван, объясните, что это значит?

— У тебя — камилавка?

— Да, камилавка...

— Ну, ты — тупоголовый.

Другому:

— У тебя — скуфья?

— Да, скуфья...

— Ну, ты — востроголовый.

Третьему:

— А у тебя ещё ничего нет?

— Нет...

— Ну, ты — пустоголовый.

Конечно, это был лишь выход из положения, а на самом деле отец Иван просто хотел посмеяться над своими братьями.

Записано в 1923 году в гор. Шадринске со слов бывшего инспектора народных училищ Шадринского уезда Василия Ивановича Боброва.

Камилавка — поповский колпак, формой напоминающий ведро; нередко в шутку камилавку и называли ведёрком.

Скуфья — колпак остроугольный, в виде пирамиды круглого сечения в разрезе при основании.

Иван Михеевич Первушин — автор известного в математике «первушинского числа»; родился в 1827 году в Лысьвенском заводе, умер в 1900 году в селе Мехонском, Курганской области. Подробности о его жизни и деятельности можно узнать из статьи К. В. Рождественской: «Рукописный журнал математика Первушина» в 6-м номере «Уральского современника», Свердловск, 1942, стр. 140—177.

НА «ИСПРАВЛЕНИИ»

Один поп мне рассказывал, как его в Далматов монастырь, по определению третьего стола екатеринбургской духовной консистории, за «пьянственное житие» посылали на исправление. Монастырь-то как бы тюрьмой, исправдомом был для духовенства. Рассказывал, так прямо умора.

«Взял, — говорит, — я сотню рублей и поехал на месяц. Отвели мне келью, дали послушника. Работы никакой, ходи только со своей братией утром и вечером в церковь молиться. А остальное-то время куда девать?» Дашь, — говорит, — послуху целковый:

— Споспешествуй, брате!

Ну, он и «споспешествует»... Купит; угостишь и его...

Ну, вот как дёрнешь «един красовул» и «пробываешь в молчании до вечера», как гласит церковный устав....»

Я справлялся, какое количество вмещал красовул, — что-то очень много. Конечно, устав был переведён с греческого языка и там имелось в виду виноградное вино, а у нас-то ведь водка!

«Так вот, — рассказывал, — я там был, как на курорте. Какое тебе исправление! Пил себе, сколько хотел и когда хотел, и прихожан своих в соблазн не вводил. Отбыл я месяц. Архимандрит доносит в консисторию: «Был и исправился»...

Записано 27 декабря 1951 года в гор. Нижнем Тагиле от учителя физики, уроженца гор. Кунгура, Николая Александровича Лузина, 69 лет.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Бог-то бог, да сам не будь плох.

Бог-то даёт, да и богу-то дай.

Близко церковь, да далеко от бога.

С дураком и бог не волён.

Деньги — не бог, а милуют.

Деньги — не бог, а полбога будут.

Копил, копил, да чорта и купил.

Не было печали, так черти накачали.

Чорт мелет, да посыпать не умеет.

Чорт мерил, да верёвку порвал.

Чорт мерил клюкой, да махнул рукой.

Блаженный Феодорит велит повторить (приговаривают, когда хотят выпить вторую рюмку).

Не посеешь, так Никола пёрст не воткнёт.

Позаочь и Николу вором зовут.

С голого, как со святого.

Эка баба модная — во святые годная.

В церкви поют, а в кабаке того веселее.

Не строй церкви, пристрой сироту.

Собака лает — владыка едет.

Поп, что клоп, тоже людскую кровь пьёт.

Всяк поп по-своему поёт.

Господи владыко, дьякона — на лыко, попа — на ремень, чтобы пуще ревел.

Клопы не попы: тело едят, душу не вредят.

Поповское брюхо из семи овчин сшито.

Поп ждёт покойника, судья — разбойника.

Поп — не леший: на глазах не вешай — утащит.

Поп да дьякон всю кулагу смякал.

Любовь и попа плясать научит.

Поп, становой — с одной головой.

Паки, паки, напали на дьякона три бешеных собаки; кабы
не дьячки, разорвали бы в клочки.

Не форси, отец дьякон, не на свои деньги кадило купил.

Денежки на кон, отец дьякон.

Как так: сам дьякон, жена — попадья?

За компанию монах женился.

Без толку молился, без числа согрешил.

Богослов, да не однослов.

Молока не хлебнёт в пятницу, а молочнице и в великую
субботу не спустит.

Небесную-то дорогу видишь, а земную потерял.

По бороде Авраам, а по делам Хам.

Со Спаса берёт, да на Николу кладёт.

Спереди — «блажен муж», сзади — «вскуе шаташеся».

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Восстание под предводительством Степана Разина началось в 1667 году. Окончилось оно несколько позже казни вождя, совершённой в Москве 16 июня 1671 года.

На Урале нашли пристанище многие повстанцы, преследуемые царской властью, чаще всего в качестве оседлых поселенцев или работных людей на заводах, которые тогда только что начинали здесь строиться.

Бежавшие на Урал повстанцы принесли с собой рассказы, а также многочисленные песни о восстании и его вожде, об его главных помощниках. Всё это нашло самый сочувственный приём у местного населения.

Среди песен разинского цикла особенно популярна песня о «сынке» Разина. В лице этого «сынка» мы видим не кровного сына вождя, а тип последователя, единомышленника, соратника. Не затихнув с казнью Разина, восстание продолжалось некоторое время именно под руководством этих «сынков» в разных местах России.

Царские власти окрестили вообще всех повстанцев «ворами» и «разбойниками», приравнив их к уголовным преступникам. Такой же точки зрения придерживались и буржуазные историки, в том числе историки русского устного творчества. Вследствие этого так называемые «разбойничьи» песни оказались сваленными в одну кучу вместе с тюремными песнями.

Против этого особенно выразительно протестуют сами герои «разбойничьих» песен:

Хороша наша деревня,
Про нас славушка худа:
Всё ворами нас зовут,
Всё разбойничками.
Мы — не воры, не разбойнички —
Стеньки Разина помощники...

В этой песне народ вскрывает социальное происхождение восстания против воевод и бояр.

Ввиду всего этого целый ряд «разбойничьих» песен должен быть отнесён к циклу повстанческих, в том числе и песня об «усах», которая, как это доказано исследователем уральского фольклора П. С. Богословским¹, родилась именно на Урале, ещё на долгое время приютившем у себя «сынков» Разина.

* * *

Уж ты, Стенька, уж ты, Разин,
Наш могучий атаман!
Не хороший сон привиделся во сне:
Атаману быть убитому,
Есаулу быть расстрелянному,
А гребцам-молодцам —
По тюрьмам сидеть,
Красной девице —
Быть на волюшке.
Не со гор ли вода катится,
Земляна тюрьма развалилася,
Все молодцы разбежались.

Записано 28 июля 1940 года в гор. Кургане от 66-летней Евдокии Уваровны Бережных; она слышала песню до революции в гор. Надеждинске, Свердловской области, от своих братьев. Песня исполнялась ими при постановке народной драмы «Шайка разбойников».

* * *

Как во славном было в городе
Да во Астрахани,
Появлялся там детинушка
Незнакомый человек.
Бодро, щёгольно по улочке
Да он похаживает;
В шитом бархатном халате
На растопашечку шельма идёт:
Свой немецкий кушак алый
На правом плече несёт;
На нём красенька рубашка —
Косой вороток;
На нём красные штаны
Да по-немецки скроены.
Со страханскими купцами

¹ П. С. Богословский, Песня об усах (из сборников Кирши Данилова и «Камская вольница»). Опыт анализа и локализации текста. Пермь, 1928, 118 стр.

Мало здравствуется,
 Астраханскому губернатору
 Челом парень не бьёт.
 Что скричал же губернатор
 Жисным¹ голосом своим:
 «Ещё есть же у меня
 Да слуги верные при мне!
 Вы схватите, уведите
 Удалого молодца,
 Удалого молодца —
 Стеньки Разина сынка.
 Стеньки Разина сынка,
 Да в белокаменну тюрьму!»
 «Уж ты, матушка-тюрьма,
 Подымись выше меня!
 Подымись выше меня,
 Да выше Разина сынка!»
 Подымалася тюрьма
 Да выше Стенькина сынка.
 Что приходит молодец
 Да к губернатору пред лицо:
 «Я не есть к тебе пришёл,
 Да не кушати,
 Я пришёл к тебе...»

Дальнейшие стихи не помнятся, но содержание их таково:
 «сыночек» пришёл посчитаться, и захрустели-де суставы у гу-
 бернатора.

Записано 21 августа 1938 года в гор. Сверд-
 ловске от уроженки Медведчиковой заимки,
 Буринского района, Челябинской области, вдовы
 учителя Александры Михайловны Вавиловой
 (1872 г.).

* * *

Как во городе Страхане
 Проявляется детинушка,
 Незнамой человек.
 Незнамой, незнакомый,
 И не знаю, чей, откуль.
 Поутру рано детинушка,
 Ранёшенько встаёт,
 На босу ногу сафьян сапог
 Натягивает,
 Свой матерьевый халат —

¹ Зычным.

Да на могучи на плечá,
Свою чёрную фуражку —
На правое на ухо.
Отправляется детинушка
Вдоль по городу гулять.
Вдруг навстречу губернатор
И начал спрашивать его:
«Ты откуда, детинушка,
Незнамой человек,
Ты, незнамой, незнакомой,
И не знаю, чей, откуль?»
Ты — не сам ли казак,
Да не казачий ли сынок?»
«Я — со матушки со Волги
Стеньки Разина сынок».
Закричал тут губернатор
Важным голосом своим:
«Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!
Вы возьмите, посадите
Во страханскую тюрьму!»
(«Видно, отец его идёт выручать,» — замечает
сказительница.)

Вниз по матушке по Волге
Лёгка лодочка плывёт.
Что во этой лёгкой лодочке
Сам Степанушка сидит.
Сам Степанушка сидит
Да речи важны говорит:
«Вы не знаете, ребята,
Отчего же грудь болит:
Будто мой-от сын, Ванюша,
Во неволюшке сидит.
Приворачивай, ребята
Ко страханским берегам!
Я страханскую тюрьму
Да по кирпичью разложу,
И страхана-губернатора
В полон себе возьму,
Его милую жену
За себя замуж возьму».

Записано в гор. Каменск-Уральском, Свердловской области, в три приема, как вспоминала сказительница, между 24 июня 1938 года и 6 июня 1946 года от вдовы сапожника, местной уроженки Анны Александровны Бутаковой (1873 г.).

Ты взойди, взойди,
Да красно солнышко,
Над горою взойди
Да над высокою,
А над лужаночкой
Да над зелёною.
А сокол-от летал
Да по поднебесью,
А есаул-от гулял
Да всё по садичку.
Он гулял-то, гулял,
Горе рассеивал,

А добрых молодцов
Да распробуживал:
«Да вставайте-ко,
Да добры молодцы,
Пробуждайтесь вы
Да от сна крепкого!
Атамана у нас
Да больше нету-ка,
И нет Степана у нас
Да Тимофеича,
А по прозванью его
Да Стеньки Разина».

*Записано 25 августа 1938 года в гор. Ка-
менск-Уральском от местной уроженки вдовы
сапожника Анны Александровны Бутаковой
(1873 г.).*

Леса ли вы, лесочки,
Леса тёмные,
Кусты ли вы, кусточки,
Кусты частые,
Ах, станы ли вы, станочки,
Станы тёплые.
Ещё все-то вы, кусточки,
Уж повызжены,
Ещё все наши товарищи
Переиманы.
Как и первый-то товарищ —
В граде Киеве,
А второй-то товарищ —
В каменной Москве,
Как и третий-то товарищ —
В славном Питере.
Я остался, добрый молодец,
Во тёмных лесах.
Закружилась моя головушка,
Запечалилась.
Как увидел я, добрый молодец,
Перевозчиков.
«Перевезите меня, братцы,
Вы на ту сторону,
За перевоз-то я награжу
Золотым кольцом».

Переехал я, добрый молодец,
На ту сторону,
На ту сторону,
На далёкую,
Сам кончаться стал.
«Вы положите меня, братцы,
Между трёх дорог:
Между Киевской, Московской,
Славной Муромской.
В ногах-то поставьте
Животворящий крест,
В руку правую дайте
Саблю вострую.
И пойдёт ли, поедет кто,
Остановится,
Моему кресту, животворному,
Он помолится,
Моего-то коня, моего ворона,
Испугается,
Моего-то меча, меча вострого,
Устрашится он:
«Что не тот ли тут похоронен
Вор-разбойничек.
Вор-разбойничек,
Сын — разбойничка,
Сын удалого —
Стеньки Разина».

Из рукописного сборника песен и других произведений устного творчества, составленного крестьянином села Кресты, Шадринского района, Дмитрием Михайловичем Тороповым; из записей, сделанных после 1918 года (собр. В. П. Бирюкова).

ПУГАЧЁВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Урал и Приуралье в XVIII столетии были главными местами, где развёртывалось крестьянское восстание под руководством Е. И. Пугачёва. Ещё в 1771 году на реке Урал, тогда называвшейся Яиком, ходили слухи, что на Волге объявился свергнутый Екатериной II император Пётр III. Но то был лишь предшественник Пугачёва Богомоллов. Собственно пугачёвское восстание началось в 1773 году, когда на Яик прибыл сам Пугачёв и быстро поднял здесь восстание, назвав себя Петром III.

Пугачёв призывал угнетённых людей всех национальностей восстать против царских чиновников, помещиков и заводчиков, обещая после

свержения их власти всем вольную вольность. И за Пугачёвым поднялись не только русские крестьяне, но и малые угнетённые народности: башкиры, марийцы, чуваш и др.

Восстание выдвинуло таких выдающихся сподвижников Пугачёва, как заводские рабочие Белобородов и Хлопуша, башкир Салават Юлаев и многие другие.

При своём движении пугачёвцы взяли много крепостей и городов — среди них Челябинск, Златоуст, Казань, вели осаду Оренбурга, Уфы, Далматова, угрожали главному горнозаводскому центру Урала—Екатеринбургу и др. Уральские рабочие снабжали пугачёвцев вооружением, в том числе пушками из чугуна, которые отливались на ряде заводов Южного Урала.

Восстание потребовало от правительства Екатерины II больших воинских сил. Сам вождь движения из-за предательства казацких старшин был схвачен и казнён в Москве 10 (21) января 1775 года.

Несомненно, во время восстания и вскоре после него появился целый ряд песен, однако, под страхом жестокой расправы, население боялось вслух распевать и передавать их, а потому они забывались и дошли до нас в крайне малом числе. И теперь каждая вновь записанная песня о движении под руководством Пугачёва является настоящим событием для собирателей и исследователей народного устного творчества.

Больше сохранилось преданий, но они зачастую отрывочны и говорят о каком-либо одном мелком факте. Тем не менее для нас и эти крупинки весьма ценны: в них чётко сказывается отношение трудовых масс к пугачёвскому движению.

Говоря о песнях, следует отметить, что большая часть их создана уже потом, когда движение было подавлено. Одна часть этих песен — оригинальные произведения, характеризующие именно данное движение. Другая часть — приспособленные старые крестьянские песни, в которых появляется имя Пугачёва или называются те или иные события, связанные с этим движением.

К числу редких оригинальных песен относится записанная нами в двух вариантах песня «Нас пугали Пугачём». Один обнаружен в Среднем Предуралье, а другой — в Южном Зауралье, на расстоянии по прямому направлению друг от друга 700—800 километров, что свидетельствует о массовости бытования песни.

* * *

Нас пугали Пугачём,
А нам было нипочём.
Был когда-то он, прошёл,
Собирали ему стол.
Нас пугали,
Нас страшали:
Вот придёт-де Пугачёв...

Дальнейшее сказитель забыл, только помнит смысл: против помещиков и царицы поднялись все, и русские и нерусские.

Записано летом 1936 года от уроженца гор. Кунгура Леонида Николаевича Лелюхина (1881 г.), слышавшего песню в детстве от своего отца-сапожника, потомка ссыльных или самого ссыльного, кажется, с Украины, где его фамилия была Лелюхов или Лелюх.

* * *

Нас пугали Пугачём —
Он кормил нас калачом.
Государь нас бил с плеча —
Пугач дал нам калача.
Пугача было пугались
И ко церкви собирались:
Мы иконам поклонялись
И кресты мы целовали.
Но пришёл Емельюшка,
Его пришла неделюшка.
Голытьба тут догадалась,
К Емельяну собиралась;
Позабыли про иконы,
Про кресты и про поклоны, —
Всё пельмени да блины...
Веселились туто мы,
А полов всех на костры
И пузатых под бастрык.
Емельян-то не дурак,
А он просто был чудак:
Сам во царской душегрейке,

В серебряном кушаке
И во красном колпаке.
На крыльцо он выходил
И красотку подманил,
К себе близко подзывал
И сестрою называл:
«Уж ты, сестрица моя,
Стань государева жена!»
Емельяновы «холопы»
Понадели все салопы,
А как барские девóчки
Отдавали перстенёчки —
Перстенёчки не простые,
Изумрудны, золотые.
«Бери ножик, бери меч —
И пошли на бранну сечь!»
Тут ватага собралась:
И кыргызы и татары —
И вся вместе рать пошла:
С Емельяном в колесницах
Понеслись громить столицы.

Записано 11 января 1949 года в гор. Челябинске от сотрудницы гостиницы (уроженки села Казённая Статъя, Альменевского района, Курганской области) Натальи Степановны Гладких (1897 г.); песню эту она заучила в детстве в селе Кусай, Альменевского же района.

С каким сочувствием говорится в песне о дружбе народов! И русские, и кыргызы (казахи), и татары вместе пошли против общего врага трудового люда.

ПУГАЧЁВ ШЁЛ НА БЕРЕЗОВСКИЙ

Есть деревня Гагарка в Белоярском районе. Я родом оттуда. У нас там был один человек, прозвищем «Миша-царь». А почему его так звали?

Пугачёв шёл на Берёзовский завод. Может, и не сам Пугачёв, а только пугачёвцы... Ну, так говорили, что Пугачёв. Хотел он пройти на Берёзовский прямым путём, а там только зимняки, потому как летом-то сплошные болота. Дошёл до Гагарки и остановился тут, дальше нельзя было идти — болота...

У нас тогда был мужичок один, Миша. Он сочувствовал Пугачёву-то. Этого мужика потом прозвали «царём», а дочь у него была, так её по отцу «царевной». И за что прозвали-то? Когда Пугачёв приходил, Миша его приютил у себя.

Но Пугачёв дальше Гагарки-то не пошёл, помешали болота.

Тут у нас небольшая речка есть, ну просто ручей. Пугачёвцы на одном берегу, а солдаты на другом стояли. Только постояли друг против друга, дубинами друг в друга покидались, а в битву не вступили и отошли.

Это я и от стариков слышал, да и против нас жила Семеновна, «царевна» — потомок «Миши-царя», — от неё также.

Записано 19 апреля 1943 года в гор. Шадринске со слов бухгалтера местной типографии Георгия Михайловича Луговых (1869 г.), уроженца деревни Гагарка, Белоярского района, Свердловской области.

ПУГАЧ С БАРАМИ РАСПРАВЛЯЛСЯ КРУТО

Мать моя была крепостной у помещика Приезжаева. Как прослышали बारे, что Пугач с силой идёт, испугались и стали сами и ребятишек своих в мужицкую одежду передевать.

Да разве скроешь обличье-то?..

Пришлось прятаться в лес. А сам помещик стал просить мужиков спасти его от Пугачёва. Забыл, что ни одного непоротого не было.

Говорили, что Пугач с барями расправлялся круто. Порол, вешал, головы рубил. Так бы и нашему было. Но ему выпало счастье. Лакей его посадил в мешок с мякиной и понёс. Его спрашивают:

— Что несёшь?

— Мякину, — говорит.

Так и спасся.

Записано летом 1935 года от 126-летней Любови Ивановны Князевой, уроженки села Кувай, Бузулукского уезда, тогда Самарской губернии. Была крепостной сначала Скрябиных, а потом вместе с мужем — Шотта.

Вот эта гора у нас Весильницей называется. Про неё моей свекрови отец рассказывал: когда Пугачёв приходил, тут вешали. Вешали богачей: забирали таких, кто имел много имущества, кто прятал, не сдавался.

И ещё, правда, чуть-чуть помню, что столбы там стояли. В ямах эти столбы стояли, — они, конечно, все издряхли. Ямы были широкие.

Свекровкин-то отец в пугачёв год родился.

Тогда в Чебаркуле деревянная церковь стояла. Её сжёг Пугачёв.

Записано 21 июня 1940 года в посёлке Чебаркуль, Челябинской области, со слов местной уроженки дочери казака, теперь колхозницы Елены Петровны Пановой (1878 г.).

МОГИЛЫ ПУГАЧЁВЦЕВ

Километрах в тридцати от станции Аргаяш, между Свердловском и Челябинском, лежит деревня Байрамгулова. Вблизи неё имеется две прекрасных березовых рощи: одна небольшая, другая — с полкилометра в диаметре. А место там в общем безлесное... И меня очень удивили эти рощи, тем более, что в них не видно ни одного пенька: значит, тут никто не рубит.

Я стал расспрашивать, что это за рощи. И башкиры мне рассказали, что когда царские войска шли преследовать пугачёвцев, то начали переправляться через Миасс. Пугачёвцы напали на них, и произошло сражение.

Когда сражение кончилось, то байрамгуловцы с почестью похоронили павших пугачёвцев, поставили над их могилами каменные памятники, насадили деревья и с тех пор берегут это кладбище, как святыню, и никого тут больше не хоронят.

Записано 17 августа 1936 года в гор. Свердловске со слов техника, бывшего директора Шадринского окружного промкомбината Сергея Алексеевича Тягунова, лет 40.

Могины эти находятся в Кулуевском районе, Челябинской области, недалеко от деревни Байрамгуловой, на правом берегу реки Миасс.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ 1842—1843 гг.

Усилившиеся в 30-х гг. XIX века массовые крестьянские волнения заставили правительство Николая I произвести реформу устройства государственных, то есть казённых, крестьян. С этой целью в 1837—1838 гг. было учреждено министерство государственных имуществ с большим

разветвлённым аппаратом губернских и окружных чиновников. На беднейшее крестьянство были переложены все расходы по новому управлению; предписано было образовать «хозяйственные капиталы» для различных нововведений и неуклонно выжимались все подати и недоимки, не говоря уже о натуральных повинностях.

Состав нового чиновничьего аппарата оказался не лучше прежней земской полиции: управляющие и ассессоры губернских палат, окружные начальники и их помощники, лесничие, землемеры, а также волостные писаря смотрели на свою работу как на источник личного обогащения. Сельское и волостное самоуправление превратилось в покорное орудие дворянской бюрократии.

Очень скоро крестьяне остро почувствовали на себе последствия проведённой реформы. Они тут и там начали целыми волостями сопротивляться новому порядку: отказывались вносить повышенные сборы, ссыпать в ущерб своему хозяйству семенные запасы и т. д. Особенно бурные формы это движение приобрело в Зауралье, в частности, в уездах Ирбитском, Камышловском, Курганском, Челябинском и Шадринском, в 1842—1843 гг. Для усмирения восставших правительство принуждено было прибегнуть к посылке значительных воинских сил. Жестокими мерами волнения были подавлены, но память о них осталась надолго, тем более, что в ряде мест появились могильные холмы, где похоронены расстрелянные крестьяне. Таков курган на тракте Шадринск — Челябинск у села Верх-Теча, Уксянского района, Курганской области.

ИЗ-ЗА ЧЕГО БУНТОВАЛИ

Про такой бунт, чтобы картофельным звали, не слыхал. Вот только от дедоньки слышал, как у нас подать вводили. Раньше-то здесь пахали, кто где вздумал, ничего не платили, а тут начальство стало заставлять платить.

В Гагарье была расправа. Расправами волости-то звали. Не стали мужики платить подати. Приехали казаки.

— Не согласны платить!

Как это из пушки-то выстрелили, так они кто в гумна, да по загумнам-то, кто в стаи, кто на стаи. Крыши-то подломились. Стали друг друга давить.

Ну, тут давай расстилать мужиков посадами, полосовать...

Записано 26 марта 1938 года со слов 66-летнего уроженца села Таловское, Юргамышского района, Курганской области, теперь сторожа продовольственного магазина в рабочем посёлке «Красный Октябрь», Юргамышского же района, Михаила Алексеевича Кудрина.

Гагарье — селение Таловской волости; в Гагарье было сельское управление, называвшееся тогда расправой.

Посад — настилка снопов, которые молотят цепами.

Стаи — скотные хлевы.

Здесь обращает на себя внимание выражение: «Про такой бунт, чтобы картофельным звали, не слыхал». Известно, что буржуазные историки окрестили это восстание «картофельным бунтом», говоря, что причина его — простое упрямство крестьян, не хотевших сажать картофель. Это — чистая напраслина, так как картофель в то время продавался даже на базарах и не почитался населением за греховный продукт. Причины волнений, как мы уже указали в предисловии к этому разделу, были иные.

СОРОК ТРЕТИЙ ГОД

В сорок третьем году
Споём песенку нову.
Споём песню мы нову
Всё про веснушку-весну.
Как мы вёсну воевали,
На загумнах мы стояли.
На загумнах мы стояли.
Огороды изломали.
Огороды изломали —
Обороны в руки брали.
Обороны в руки брали —
Казачков мы прогоняли.
Казачков мы прогоняли,
Только пуще раздражали.
Мы на стаю залезали,
Эту стаю изломали.

Эту стаю изломали,
Мы в осаду все попали.
Мы в осадичке сидели
День четырнадцать часов.
На пятнадцатый же час
Прочитали нам указ.
Худеньким по сотне дали,
Удалым-то по пятьсот...
Под арестом нас держали,
Нам подводы наряжали.
Нам подводы наряжали
И в Челябину провожали,
Во Челябину-городок,
Посадили нас в острог.
Посадили на неделю,
Продержали круглый год...

Это — отрывки из песни, составленной неграмотным крестьянином деревни, потом село Гагарье, Кетовского района, Курганской области, Григорием Весниным; полностью впервые опубликована в статье Н. Середы «Позднейшие волнения в Оренбургском крае», напечатанной в апрельской книжке «Вестник Европы» за 1868 г., стр. 614.

БАТУРИНСКИЙ БУНТ

Слыхали, поди, как Батурина бунтовала. Я родился позже батуринского-то бунту, десятка, звать-то, на полтора лет. А о бунте слыхал от родителя и других стариков.

Никакого бунта и не было бы, если бы не начальство. Оно, говорят, стало требовать, чтобы мужики шли работать на фабрики, будто как наёмные рабочие. Мужики думали, что это только для отводу глаз, наёмными-то: как на фабрику придут, тут их и отдадут под барина!

Наша деревня — Черемисская — прежде-то была Барневской волости. Может, и наша волость бунтовала бы, если бы не писарь Антипа Тимофеевич Уфимцев. В своих деревнях он был и царь и бог. Боялись его страсть как!

Как бунт-то в Батуриной начался, стали поговаривать и в нашей волости. Антипа видел, что наши мужики тоже вот-вот сбунтуются. Когда народ собрался, Антипа встал на колени и давай просить:

— Старички, не подымайтесь, всё равно ничего не добьётесь, а хуже получится...

Наши старики испугались, послушались, молодые из-за них не стали выступать.

А Батурина, — та бунтовала. И многие другие деревни бунтовали.

В Батуриной попы с писарем и волостным головой заперлись в церкви. Тут бы они и замерли, если бы не наш писарь Антипа Уфимцев. Он подобрал двух отчаянных молодцов — Папина Горбовского и Ваньку Серка. Через них Уфимцев и снабжал запершихся. Как уж ухитрялись они обмануть батуриnceв, не знаю.

Когда про бунт-то узнало начальство в Шадринске, выслало солдат на усмирение. Солдаты прямо-то не пошли, а всё окольными дорогами. Там их провёл каким-то логом макаровский мужик Тима Мочалов. Когда солдаты пришли, батуриnceв начали хватать и увозить в Шадринск. Там стали на площади гонять их через строй. Гоняли через семь концов. Значит, одного человека гнали через один и тот же строй по семь раз. После каждого конца мужикам давали пить, а потом опять гнали и били.

Бунтовала не одна Батурина, а и многие деревни подле Батуриной-то. Рассказывали, что особенно выдавался мужик из деревни Шешениной, Ермачонок. У Ермачонка было прозвище «Окружной». В ту пору над мужиками был окружной. Видно, Ермачонок так же командовал мужиками, что его прозвали Окружным.

Когда расправлялись с мужиками в Шадринске, кто-то из богатых мужиков крикнул:

— Ну-ко, Окружного-то покрепче!

Не всех бунтовщиков прогоняли сквозь строй. Кто был побогаче, те деньгами откупились.

А смотреть-то, как наказывали, мужиков сгоняли в город со всех деревень из-под городу и дальше.

Записано 9 августа 1928 года в деревне Черемисской, Батуринского района, Шадринского округа, от 72-летнего крестьянина Василия Григорьевича Черемисинова.

ИЗ БРОДОКАЛМАКСКИХ ПРЕДАНИЙ.

Неизвестно, откуда пошёл слух, что всех государственных крестьян с их землёй и имуществом будут передавать помещикам и что об этом есть уже распоряжение в волостных расправах. Крестьяне решили отыскать такие грамоты, вооружились чем попало и стали толпами приходить к волостным головам, требовать показать им грамоты. Так было и в Бродокалмаке.

Здесь голова заявил, что никакой такой грамоты нет, а потому и выдать её не может. Это навело на подозрение: начальство что-то скрывает. И за одно — скрывает это и духовенство.

Высшее начальство узнало о начавшемся мятеже и послало из Оренбурга в Бродокалмак отряд казаков. Но ввиду того, что к Бродокалмаку сошлось много мятежников, отряд отступил.

После этого мятежники услышали, что со стороны Верх-Течи на них идёт сам губернатор, и двинулись к Верх-Тече. Недалеко от неё, на речке Басказык, они стали против войск губернатора. Тот знал, что у крестьян нет огнестрельного оружия, и выслал своих людей с предложением выдать зачинщиков.

Мятежники стали говорить:

— Казаков не побоялись, а солдаты — наши братья и дети, воевать с нами не будут.

Тогда губернатор велел выстрелить холостыми зарядами. Однако мятежники ещё более укрепились в намерении сопротивляться. После этого губернатор велел стрелять картечью, и крестьяне сразу были расстроены. Много было убитых и раненых.

После этого по сёлам стали разъезжать усмирители, хватать всех, кто чуть только был подозрителен. Много было при этом убито и покалечено казацкими нагайками и солдатскими шомполами. Многих угнали в Сибирь — в тюрьмы и на рудники.

По записи С. Миронова, сделанной в 1928—1929 гг. в селе Бродокалмак со слов старика Алексея Даниловича, кузнеца, ковавшего оружие для восставших.

На месте расстрела под селом Верх-Теча и теперь ещё высится курган над братской могилой убитых повстанцев (в Уксянском районе, Курганской области).

ЗОЛОТАЯ СТРОЧКА

Бабушка, — она умерла ста пяти лет, — рассказывала, как колчеданские мужики бунтовали. Требовали от попов да от писарей какую-то золотую строчку и заудельные книги.

Прошёл в народе слух, что мужиков сделают барскими. Начальство хочет, а только царь против этого. Он будто бы издал какой-то указ, написанный золотыми буквами, золотой строчкой. Вот эту-то золотую строчку и требовали.

Была ли она, эта строчка, неизвестно, скорее всего и не было, только мужики хватали попов и писарей, делали на реке проруби, привязывали их на верёвки и протаскивали от одной проруби к другой. Только чтобы сознались, куда задевали золотую строчку.

Это было не в одном только нашем Колчедане, а и во многих других сёлах. Ну, конечно, многие попы да писаря потом поумирали после такого купанья, — дело-то было ранней весной, чуть ли не ледоход.

Ну, и мужики ничего не добились, кроме наказания.

Записано со слов матери Александры Егоровны, урождённой Шабровой (1865 г.), внучки колчеданского писаря, служившего во время крестьянского восстания.

СКВОЗЬ СТРОЙ ВОДИЛИ

В сорок во втором году бунт-от был. А почему? Прошёл слух, будто мужиков отдадут под барина, — к этому клонилось, видно.

Шли мужики с разных сторон. С Миясу, говорят, были, с Камышлова. Бадогоми, вилами, топорами дрались, кто что схватит.

Сперва татары были созваны, да пособиться-то ничего не могли: прибили их да в болото и сбросили. Оно и теперь «Татарское» зовётся.

После макаровский мужик медаль получил — привёл он солдат. В ту пору и приклонились все, бунтовали которые. Когда пушку-то привезли и народ-от сдался, так двадцать тысяч бадогов на площади-то осталось. Кои разбежались, а коих поймали и в Сибирь сослали — в Красноярскую губернию.

Наш дедушка выборным был, так его сквозь строй водили: с того боку раз, с другого боку раз. Раз пять, говорят, проводили. На спине тело-то шишками образовалось даже.

Отсюда до Галкиной вёрст шестьдесят будет. Там, скаывают, с добра мужики не приклонились. Сперва будто из холостого по ним дали, а они пуще полезли. А потом будто вдругорядь по-настоящему пальнули, да кромочкой народ-от и прихватили, — тогда приклонились.

А дьякон Ионин говорил:

— Какой это бунт! Вот впереди будет бунт, так бунт!..

Записано в 1925 году от стариков села Батуринское, того же района, Курганской области.

Упоминание о награждении медалями предателей вполне достоверно. В частности, известно, что за свои «умелые действия» был награждён медалью писарь Барневской волости, Шадринского уезда, Антип Уфимцев.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

* * *

Мы страдали, гибли, пали
За народ честной,
На эшафотах погибали
За идеал святой.

Всё, что лживо и фальшиво,
Правит всей страной,

А что честно, справедливо,
Топчется ногой.

Дружно, братцы, мы вста-
нем,

Встанем поскорей,
От оков освободимся
И — долой царей!

Сообщил 1 апреля 1935 года советский работник из гор. Усолья, Молотовской области, Яков Фёдорович Коновалов, заучивший песню в дни революции 1905 года.

Сказитель говорит, что начальный куплет он забыл.

Песня возникла, видимо, в первые годы XX века.

ДУМЫ КУЗНЕЦА

Скоро тридцать уж вод,
Да и слишком пройдёт,
Как я начал ковать
И деньгу добывать.

Молодым пареньком
Дружбу свёл с молотком.
И дожить довелось
До седых до волос.

Только станет светать,
Я иду работáть,
И пока в небе свет,
Мне и отдыху нет.

А я — парень не мот,
Не беру водки в рот,
А для чёрного дня
Гроша нет у меня.

Сталь, железо кую,
С горя песни пою.
Молоток мне в ответ,
Он другое поёт:

«Ты трудись, работáй,
Куй железо и сталь,
А свой век доживёшь,
Как собака умрёшь.»

Что за вор, за злодей,
За лихой чародей
Наши деньги берёт,
Кровь народную пьёт?

То не вор, не злодей,
Не лихой чародей,
То наш поп, да кулак,
Да чиновник-отец

Наши деньги берёт,
Кровь народную пьёт.

Записано 24 октября 1940 года от уроженца села Чудняковского, Галкинского района, Курганской области, сына крестьянина Алексея Павловича Мотовилова (1879 г.). Заучил он песню, отбывая высылку в екатеринбургской тюрьме по политическому делу.

Мотовилов — член КПСС, бывший красный партизан.

* * *

Стреляй, солдат,
В кого велят!
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь сестру,
Забудь и мать —
Ты помни «памятку» солдата.

Попы тебя благословят
Убить отца и мать —
Греха не будет...
В далёкий путь тебя пошлют,
Шинель, штаны, мундир дадут,
Рабочих убивать заставят.

За то тебе тогда, солдат,
От бога, от царя награда будет,
Что ты голодных убивал...
Стреляй, солдат,
В кого велят!

Записано в 1936 году в Свердловске на заводе «Металлист» от котельщика П. С. Ермоленко, 59 лет, слышавшего эту песню в 900-х гг. от рабочих на разных заводах, а также от солдат; пелась песня также в Мотовилихе и в Перми.

* * *

Напротив старого собора
Построен новый жёлтый дом.
Сей дом построен для надзора —
За свободу сидят в нём.

Там бедный юноша томится,
Ища свободу пред окном,
В окнах железные решётки,
Кругом все двери на замках.

«Прощай, страна моя родная,
Прощайте, все мои друзья.
Друзья мне здесь — железны цепи,
А тачка — верная жена.

Погонят нас в края Сибири,
Там, где могила Ермака,
Дадут кайло, дадут лопату,
А руку к тачке прикуют».

Сообщил 1 апреля 1935 года советский работник из гор. Усолья, Молотовской области, Яков Фёдорович Коновалов, заучивший песню в так называемой Николаевской тюрьме Верхотурского уезда в 1907—1908 гг., где песня была широко распространена среди «политических».

* * *

По рельсам железной дороги
Стремительно поезд идёт,
Он юных борцов за свободу
В далёкую ссылку везёт.

Бесстрашных борцов за свободу,
Борцов за свободу труда
Везут в арестантских вагонах
Под строгим конвоем солдат.

Что день, то всё дальше и дальше
Машина в Сибирь их везёт,
Где слышится Севера выюга,
Макар где телят не пасёт.

Товарищи, бури не бойтесь!
До вас уже солнце взойдёт:
По той же железной дороге
К вам весть о свободе придёт.

Из дневника бывшего красного партизана гражданской войны В. Г. Кожевникова, гор. Верхнеуральск, Челябинской области, октябрь 1936 года.

Песня эта широко бытовала во время первой русской революции.

* * *

Уж ты, доля моя, доля,
Доля горькая моя!
Ах, зачем ты, моя доля,
До Сибири довела!
Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой.
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.
Были годики худые,
Стали подать собирать
И последнюю скотинку
За бесценок продавать.
И не вытерпело сердце —
Я урядничка убил,
И за это преступленье
Я попал сюда, в Сибирь.
Очутился я в Сибири,
В шахте тёмной и сырой.
Там я встретился с друзьями:
«Здравствуй, друг, я здесь, с тобой!»

*Записано 11 августа 1937 года в гор. Ка-
менск-Уральском со слов жены рабочего 30-лет-
ней Анны Никифоровны Надеиной.*

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Я песню крестьянскую
Вам пропою.
Вот слушайте, братья,
Вы песню мою.
Эта песня в крестьянской
Избе рождена,
В ней слышится правда,
И правда одна.
Мы свету не знаем,
Во тьме мы живём,
Работаем много
И с голоду мрём.
Пашню мы пашем
И косим и жнём.
Одна лишь забота
И ночью и днём,

Чтоб с голоду нам не по-
дохнуть,
Да подать исправно
Казне уплатить.
На что это всё и куда? —
Слыхали мы часто
И слышим везде.
Которые деньги
Грабят у нас,
Идут на обжорство
И пьянство вельмож.
На них никогда
Не придёт ведь падёж.
Они же, как трутни,
В довольстве живут
И, словно клопы,

Кровь крестьянскую пьют.
Им только оброки
Давай, подавай,

А сам ты с семьёю
Ложись помирай.

Записано 19 декабря 1939 года в гор. Шадринске от уроженца села Чудняковского, Галкинского района, Курганской области, Алексея Павловича Мотовилова (1879 г.); он заучил песню в тюрьме, где сидел по политическому делу.

«ЕГИПЕТ»

Над широкой рекой
Молчаливой четой
Пара сфинксов сидит
Ухмыляется.

Весь народ пред божком
Возлегают ничком,
А река каждый год
Разливается.

Припев:

Припев.

Нагаечка, нагаечка, нагаечка
Ты вспомни, нагаечка, вось-
мое февраля.

А в стране каждый год
Недород, недород,
А на помощь папирус
Мараётся.

Припев.

Фараоны кругом
Всех колотят кнутом,
Пирамидов-прохвост
Отличается.

Как Мемнон, вся печать
Один звук издаёт:
Всё «ура» да «ура»
Вынуждается.

Припев.

Припез.

А пергамент живой
Под умелой рукой
Иероглифами весь
Испещряется.

Куча мумий сидит
И дела всё вершит,
А в делах лабиринт
Заключается.

Припев.

Припев.

А на тех, кто потом
Недоволен, кнутом
Десять казней зараз
Насыляется.

А один крокодил
Нам недавно твердил,
Что законом страна
Управляется.

Припев.

Припев.

Озирис не поймёт,
Где путь правды живёт,
Что и как здесь в стране
Совершается.

Так неужто же я
Не в Египте, друзья,
Иль глаза от вина
Закрываются.

Припев:

Извлечено из сборника запрещённых полицией стихов и прозы (собрание В. П. Бирюкова); под этим пометка: «СПБ, 1899».

«Египет» — Петербург, где на набережной Невы против здания Академии художеств стоят два древних египетских сфинкса, что даёт автору повод выдержать всё стихотворение в «египетском» духе.

ЛЕВ И ГОЛУБИ

Чем дело началось, не помню, хоть убей,
Но только семь смиренных Голубей,
Узнав, что Лев блюсти не хочет их обычай
И вздумал, — дерзость какова! —
Жить наподобье Льва,
Решили отлучить его от стаи птичьей.
Ни для кого теперь уж не секрет,
Что послан Льву такой декрет,
Что с Голубями он не может быть, покуда
Сам не научится, как Голубь ворковать
И крошки хлебные клевать.
Ликут Голуби: «Мы победили! Чудо!
И надо Львом свершили правый суд,
В лице своём соединить умея
И кротость Голубя, и хитрость Змея!»
Но нам вопрос, быть может, зададут:
«Да где ж победа тут?»
Но так как, если верить слуху,
Что Голуби сродни святому духу,
То каждый, чтобы быть целей,
Конечно, от таких воздержится вопросцев
И будет славить Голубей-победоносцев.

Извлечено из рукописного сборника запрещённых полицией произведений, писанного в конце 1890-х или в начале 900-х гг., из собрания В. П. Бирюкова.

Это стихотворение — сатира на отлучение от православной церкви святейшим синодом Льва Николаевича Толстого. «Голуби» — митрополиты и архиепископы, члены синода, возглавлявшегося обер-прокурором, ханжой К. П. Победоносцевым (в последнем слове стихотворения — намёк на этого мракобеса).

ИЗ-ЗА ГНИЛОЙ МУКИ

Может, вы слыхали, как у нас в Воткинске было восстание рабочих завода. Дело было при царизме и тогда это называли «бунт». А какой там бунт, самое настоящее восстание. В девятьсот втором было.

А как дело вышло? Управляющим тогда был Троян — очень скверный человек. Начальство, значит, закупило большую партию аржаной муки. То ли бы сразу купили её затхлой,

то ли бы уж сами испортили, не знаю там. И вот давай принудительно выдавать эту муку рабочим и вычитать за неё из зарплаты. Рабочие не соглашались брать тухлую муку, а начальство — своё:

— Бери, а не то...

Ну, вот рабочие вынуждены были брать. Наконец, просто не вытерпели. Схватили Трояна, аржаной краюшкой тычут ему в рыло:

— Поешь-ко сам из этакой муки!

Потыкали, а потом на тачке вывезли его из завода. Мастеров схватили и их тоже на тачке вывезли: за одно были с Трояном-то.

Полиция и давай хватать рабочих-то. Девяносто человек загребла, в тюрьму посадила, и — судить. Ну, а там известно что: тюрьма, каторга, высылка и всякие такие «удовольствия» рабочему человеку.

Записано 15 июня 1952 года в гор. Кисловодске от бывшего ижевского заводского токаря, лечившегося в санатории, Константина Петровича Акимова, 67 лет.

КЛАДБИЩЕ

На заросшем бурьяном кладбище
Невысокий насыпан курган.
Его любят зловещие птицы
И холодный целует туман.

Под глубоким пушистым налётом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счётом
Девяносто различных гробов.

Нераздельною братской семьёю
Спят они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовой пулей в груди.

И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман,
Запылённые, грязные лица
Приходили на этот курган.

Как печально и долго стояли,
И пред тем, как с холма уходить,

Всё угрозы кому-то шептали,
Обещались за всё отомстить.

Записано 8 декабря 1939 года в гор. Златоусте со слов пострадавшего во время «златоустовской бойни» (26 марта 1903 года), бывшего заводского рабочего Евгения Петровича Шилова, местного уроженца (1872 г.).

Песня посвящена этой «бойне» — расстрелу безоружной толпы рабочих по приказу уфимского губернатора Богдановича. Песня исполнялась местным хором стариков, причём третья и четвёртая строки каждого куплета повторялись.

* * *

Да скуём мы, братцы,
Тяжкий молот.
Тяжкий молот,
Крепкий молоток.

Да ударим сильно
Силою могучей
В царские хоромы,
В каменную стену.

Разобьём мы, братцы,
Вдребезги ворота,

Вдребезги ворота
И каменную стену.

Дуй, сильнее, братцы,
Дуй, сильнее в горы,
Нагревай железо
До самого до бела,

Чтобы крепкий молот,
Наш тяжкий молот
Бил без промаха
В царские ворота.

Извлечено из газеты «Челябинский рабочий» за 5 сентября 1935 года по записи И. А. Сарайкина в Катав-Ивановске, Челябинской области.

МАШИНУШКА

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

П р и п е в:

Эх, машинушка, ухнем,
Эх, железная, сама пойдёт,
Наладим, да смажем, да пустим!

Где дворянская жизнь, что лилася рекой,
Уж не гнутся на барщине спины,
Правит русский купец золотою рукой,
Мужика превратил он в машину.

П р и п е в.

Но настанет пора и проснётся народ,
Разогнёт он могучую слину,
На подворье к царю он тогда принесёт
Здоровей и покрепче дубину.

П р и п е в.

*Записано 8 мая 1945 года в гор. Шадринске
от учителя-пенсионера уроженца гор. Шадрин-
ска, Василия Ивановича Аникина (1888 г.).*

Вариант этой песни с таким же названием напечатан в сборнике
«Песни уральского революционного подполья», Свердловск, 1935,
стр. 14—16.

* * *

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Всероссийский провокатор,
Покровитель всех дворян.
Для рабочих царь — убийца,
Царь — убийца для крестьян!
Побеждённый на востоке,
Победитель — на Руси.
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь запятнанный в крови!
Народ везде встал за свободу,
Сокрушит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.

*Записано 7 октября 1936 года в гор. Верхне-
уральске от местного уроженца бухгалтера те-
атра Павла Ивановича Федосеева (1890 г.).*

* * *

Сошлись говорить мы о праве своём —
Орда казаков налетела.
Послышался залпа ружейного гром,
И в воздухе плеть засвистела.

Хунхузы царя не жалеют плетей...
Нет ружей у нас под рукою —
Избили нещадно нас, жён и детей,
Кровь наша лилася рекою.

Снесли старику они череп долой,
Мозг выпал, смешался с травой...

А ружей у нас, братцы, нет под рукой —
Покончили б с дикой ордою.

Но близок уж час, и мы отомстим,
Оружье себе мы достанем!
Погибнет злодей, все опричники с ним —
Свободны, счастливы мы станем!

Сообщил в 1935 году рабочий гор. Молотова И. Н. Кольцов, 54 лет. Это стихотворение, ставшее популярной песней мотовилихинских рабочих, посвящено Борчанинову-отцу, погибшему во время демонстрации в Мотовилихе в 1905 году.

* * *

Вставай, проснись, мой друг, мой брат,
Зажги огонь, ударь в набат!
Враг мучил нас, пил нашу кровь,
Он правду гнал, он гнал любовь.
Возьми топор, ведь ты не слаб, —
Узнает враг, что ты не раб.
Несчастье, страх — всё позади,
Свобода, счастье — впереди!

Записано 7 октября 1936 года в гор. Верхнеуральске от местного уроженца бухгалтера театра Павла Ивановича Федосеева (1890 г.). Он слышал эту песню в годы первой русской революции.

* * *

Кто у нас на троне? —
Чучело в короне.

Что за манифесты? —
Родины да невесты.

Эфто царь, эфто царь,
Православный государь.

Эфто царь, эфто царь,
Православный государь.

Что у нас законы?
Пики да патроны.

На престоле сидит Машка,
Под престолом Николашка.

Эфто царь, эфто царь,
Православный государь.

Эфто царь, эфто царь,
Православный государь.

По случаю рождений детей у царицы, а также о всякого рода помолвках какой-либо царской родственницы с иностранным принцем издавался царский манифест.

Машка — мать Николая, вдова Александра III, Мария Фёдоровна.

Вздумал наш Трепов
Царя удивить:
Шашкой, нагайкой
Народ усмирить.

Припев:

Россия, Россия,
Жаль мне тебя:
Бедная, горькая
Участь твоя.

Послал он казаков
По всем городам:
«Бейте, рубите —
Награду вам дам!»

Припев.

Вот едет казак
На рыжем коне,
Ружьё за плечами,
Нагайка в руке.

Припев.

Старых и малых
Пугает ружьём:
«Бегите, спасайтесь,
А нет, так убьём!»

Припев.

Царь испугался,
Издав манифест:
Мертвым — свободу,
Живых — под арест.

Припев.

*Записано 7 октября 1936 года в гор. Верхне-
уральске, Челябинской области, от местного уро-
женца, бухгалтера театра Павла Ивановича Фе-
досеева (1890 г.), заучившего песню в годы пер-
вой русской революции.*

«Ой, полна тюрьма пред Думою:
Есть и эти, есть и те...
Что мне делать, не придумаю,—
Помогите, граф, в беде.

Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без конца.
Знать, итоги небывалые
Конституция дала...»

Витте бережно торгуется,
Всё боится передать,
Дурновó шумит, волнуется,
Предлагает всех сослать.

Только знает жандармерия,
Как поладили они.

Смолкни, голос недоверия,
Графа строго не брани!

Воспроизведено по памяти, как заучено в 1906 году в гор. Перми со слов семинарского товарища Владимира Семёновича Белоусова, (1883 или 1884 гг.), уроженца села Канаши, Шадринского района, Курганской области; при советской власти В. С. Белоусов — известный в Свердловске педагог-географ средней школы. Песня в близких к этому вариантах широко бытовала в то время на Среднем Урале.

* * *

Как у нас в городке
На Неве на реке

Ника

Из себя вышел вон,
Ножкой топает он

Дико.

«Ведь по дудке моей
Пляшет много людей

Очень,

Хоть и ходит молва,
Что моя голова —

Кочень...»

(дальнейшее забылось)

Записано 21 марта 1943 года в гор. Шадринске от плановика «Горторга», шадринского уроженца Витольда Сигизмундовича Дубинского (1883 г.). Песня слышана им в 1905 и последующие годы.

* * *

Перед вами император всей Руси:
Грудь вся в лентах и с лампасами штаны.
С казаками разъезжает
И нагайкою махает:
«Я вас не боюсь!..»

П р и п е в:

Бей же их, бей же их!
Бей сильнее, не жалея,
И в тюрьму сажай!

«Говорят, что будто Русью правлю сам...
Эх, не верьте, это всё-таки обман!

Правил дядя, правит мама,
А пишу лишь «Николай» я только сам,
А остальное всё они...»

П р и п е в.

Бей же их, бей же их!
Бей сильнее, не жалея,
И в тюрьму сажай!

Записано 4 октября 1938 года в гор. Шад-ринске от уроженки гор. Чердыни учительницы-пенсионерки Марии Фёдоровны Леонтьевой (январь 1870 г.); она заучила песню в 1905—1906 гг. в гор. Екатеринбурге.

* * *

Вся Россия голодует,
Николай водкой торгует.

П р и п е в:

Эх, доля ты моя,
Вниз по Волге проплыла.

По России прошёл слух:
Миротворец¹ наш протух.

П р и п е в.

Про вторую Катерину
Говорят, как про скотину.

П р и п е в:

Первый Павел, император,
Был чухонец-узурпатор.

П р и п е в.

* * *

Кругом неволя и неправда,
Народ измученный терпит,
А на божественном престоле
Монах упитанный сидит.

Людскою кровью он торгует
И по частям рай продаёт.
В шею гонит он рабочих,
Царю почесть воздаёт.

Обе песни записаны 11 января 1949 года в гор. Челябинске от 80-летней уроженки деревни Кусай, Альменевского района, Курганской области, Евдокии Александровны Гладких, которая в характеристику себе сказала: «Лет тридцать пять как в церкви не бывала».

¹ Александр III.

Мы собралися здесь толпою
 Просить получше нам пожить,
 Прибавки дать к подённой плате,
 Жердьём, дровами наделить,
 Нам школу новую построить,
 Чтоб наших деток обучить.
 Так мы, рабочие, просили,
 Стояли мирно у крыльца.
 Пивинский — Чермоза правитель,
 С насмешкой слушал до конца:
 «Кто недоволен, не работай,
 Я вас-то силой не держу.
 Найму других и дам дороже,
 Жердьём, дровами награжу.
 А вам же, други-чермозяне,
 Прибавки — фигу покажу.
 А вы, которые просили,
 Об этом больше ни гу-гу.
 И вам всем за эти просьбы
 Обуться в лапти помогу...»
 «До время как бы не напился
 И сам бы лапти не надел?
 Рабочей кровью ты опился,
 Ты нашим потом разжирел».

Толпа рабочих не стерпела
 Насмешки горькие сносить;
 Свобода русская велела
 Врага в лапóтках поводить.
 А бабы нищие с сумами
 Сводили к проруби поить;
 Поили тем, к чему привыкли,
 Витушкой дали закусить.
 «Ты разорил все наши семьи,
 Заставил по миру ходить.
 С работы тяжкой я хвораю —
 Ты должен пенсию платить...
 С голодной смерти помираю,
 Мне нужно семью прокормить...»

Но вот настал и час расплаты,
 К допросу требуют всех нас,
 В тюрьму попались депутаты,
 Куда же правда убралась?
 И где народная свобода,
 Свобода совести-то где?

Куда ты скрылась от народа,
Или ты сидишь в тюрьме?

Извлечено из материалов Свердловского областного архива, фонд губернского жандармского управления, дело по описи № 409 за 1908 г., лист 210—211. Впервые опубликовано в книжке «Песни уральского революционного подполья», Свердловгиз, 1935, стр. 47—49.

ГРЕХ ВЕЛИКИЙ

(Солдатская песня)

Как четвёртого числа
Нас нелёгкая несла
    Смуту унимать.
Рано утром нас взбудили
Не кормили, а поили
    Водкою одной.
Много силы у солдата,
Но давить родного брата
    Можно лишь спьяна.
Подготовив понемногу,
Повели нас в путь-дорогу:
    К Невскому пошли.
Здесь в дворы нас засадили
И накрепко запретили,
    Чтоб не изменить.
Не по нам была засада,
Земляков брала досада
    На такой приказ.
Много, мало ли сидели,
Втихомолку погалдели.
    Слышь, команда нам:
«Выходите на тревогу,
Фараонам дать подмогу —
    Клейгельс ослабел!»
Вышли мигом на свободу,
Видим, тысячи народу —
    Весь народ шумел.
Тут и вольный и военный,
И бродяга, и почтенный —
    Все шумели тут!
Сперва зачали студенты,
А потом интеллигенты,
    Подсобил народ.
Храбрый Клейгельс-генерал,

Всё подале удирал
И с коня кричал.
А Вяземский-генерал,
Тот на Клейгельса кричал:
«Слушайся меня!»
«Ваше-ство, не смей вы драться,
Ваше-ство, не смей мешаться
Не в свои дела!»
«Смирно! Стой!» — кричит удельный;
«Бей! Топчи!» — кричит бездельный
Клейгельс-генерал.
Молоток пошёл тут в дело:
Офицерику влетело,
Кровью залился.
Кутерьма затем стряслася:
Драка, свалка началась.
Бросились и мы.
Безоружных колотили,
Как снопы мы молотили,
Словно на току.
Полилася кровь ручьями,
Заливались слезами
Многие тогда.
Эх, солдатская ты доля!
Кабы наша была воля,
Разве бы пошли.
Не зазорно ль для солдата
Колотить не супостата,
А честной народ?
И калечить всех стараться
И над бабой надругаться —
Это ль в похвалу?
Как пришли домой мы в роту,
Принесли одну заботу
О своём грехе.
Пост великий осквернили,
Что народу подавили,
Нужно отговлять.
Попоститься, помолиться,
С грехом тяжким разлучиться,
Хоть не наш тот грех.
Эх, отцы вы, командиры,
Опоганили мундиры,
Чистые досель!

*Извлечено из сборника запрещённых стихов
и прозы (собрание В. П. Бирюкова).*

НАРОДНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

«Вот и приехали!» — сказал Александр III, вылезая из-под вагона после крушения на станции Борки (южнее Харькова в 1888 году).

«А хорошая эта штука — динамит!» — сказал великий князь Сергей Александрович, раскидывая свои мозги по мостовой (убит в 1905 году).

«Семь раз отмерь и один отрежь», — сказал Куропаткин, проиграв восьмое сражение.

«Век живи, век учись» — сказал генерал Стессель, сдавая Порт-Артур японцам.

«Не в свои сани не садись», — сказал адмирал Рождественский, когда его эскадру громили в Цусимском проливе японцы.

Слышано в 1906—1907 гг. в гор. Перми от соучеников по духовной семинарии. Таких «изречений» тогда ходило очень много.

* * *

Эх, ты, Дума, Думушка,
Октябристам — кумушка.

Припев:

Эх, ты, Дума, Дума,
Государственная...

Октябристам — кумушка,
Правым всем — голубушка.

Припев.

С барами хорошими
Хлопаешь ладошами.

Припев.

В дело хоть не вникнула,
А от «уры» охрипнула.

Припев.

Эх, ты, Дума, Дума,
Государственная...

Записано 20 октября 1939 года от уроженца села Чудняковского, Курганской области, бывшего крестьянина Алексея Павловича Мотовилова (1879 г.); заучил он песню в 1906—1907 гг., когда подвергался преследованию за революционную работу.

* * *

Укажи мне такую обитель,
Я подобной ещё не встречал,
Где бы старых традиций хранитель,
Где бы русский монах не «вкусал».

Он «вкусает» по древним чертогам,
Где впоследствии молится сам.
Он «вкусает» по сельским дорогам,
Собираючи лепты на храм.

Пьёт он в каждом глухом городишке,
За стеной монастырских палат,
В тесной келье. Для этой страстишки
Обмануть настоятеля рад.

Выдь на Белое море: что льётся
Разливанной великой рекой?
Это снадобье водкой зовётся,
То монахи идут с круговой.

Далеко от родимой сторонки,
О тревожных молясь временах,
Чуть не тысячу вёдер «казёнки»
В Соловки закупает монах.

Расскажи-ка, монах соловецкий,
Для чего это зелье тебе?
Или помнишь характер ты светский
И гостей приглашаешь к гульбе?

Иль, страшась за свою селезёнку,
На своем отдалённом посту
Для того ты скупаешь «казёнку»,
Чтоб иметь от неё теплоту.

Впрочем, что за вопросы такие?!
Для чего эту речь мы ведем?..
Не убавим монахов в России,
А под штраф, так и знай, попадём!

*Записано от бывшего секретаря Шадринской
городской управы Петра Ивановича Кузнецова
(около 1885 г.), местного уроженца. Песня рас-
певалась и ходила в списках во время первой
русской революции.*

«О тревожных молясь временах» — после событий 1905 года Синод разослал по всем церквам особую печатную молитву, которую читали в церкви, чтобы «господь-бог» помирил рабочих и крестьян с их угнетателями.

* * *

Умер святоша Ванька Кронштадтский,
Долго проклятый страдал.
От этой болезни мучительной, адской
Чорту он душу отдал.

С виду он грустный был старикашка,
Вечно страдал он кашлем, одышкой
И этой болезнью дурной.

Так спи же ты, чортов Ванька Кронштадтский,
Спи, черносотенец злой,
Пусть тебя черти кремешного ада
Кормят горячей смолой.

*Записано в гор. Шадринске от уроженца
деревни Кукольниковой, Курганской области,
сына крестьянина Андрея Аристарховича Рудно-
ва (1887 г.).*

Герой песни — известный черносотенный протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Сергиев, умерший в 1905 году.

ПОБЕГ

То не соколы сизокрылые
Улетели в небо прочь,
То ребята, сердцу милые,
Убежали в эту ночь.

Из тюрьмы, из заточенья,
Чтобы волю повидать,
Позабыть свои мученья,
Вольной грудью подышать.

И связавши крепко-накрепко,
Как верёвку, простыни,
В час ночной они спустилися
Из окна своей тюрьмы.

И один солдатик смелый,
Свой же брат-мастеровой,
Был свидетель той пропажи
В час полночный роковой.

Но солдатика лихого
Не нашли уж под окном,
Лишь шинелка удалого
Тут валялася с ружьём.

Шапка тоже тут лежала
Вместе с ними на снегу,
Но о бегстве не сказала
Грозной страже ни гу-гу.

Слава вам, борцам свободы,
Что решилися бежать,
Знать, просилось для народа
Сердце снова работáть.

Слава славному солдату,
Что себя не пощадил,
И, подавши руку брату,
Он свободный путь открыл.

Песня возникла из стихотворения, помещённого в рукописном журнале пермской тюрьмы «Каземат» в 1906 году. Пелась среди старых рабочих.

ЧАСТУШКИ 1905 ГОДА

По дорожке я шла,
Прокламацию нашла.
Не пилося, не елося,
Прочитать хотелось.

Стражничек, урядничек,
Да двое понятых,
Подхватили вы милёночка —
И боле никаких!

Что ты въёшься, чёрный
ворон,
Над моею головой?
Что, полиция, стращаешь
Белокаменной тюрьмой!

Мне сказали про милого,
Что троих милой убил:
Стражничка, урядничка,
Да земского начальничка.

Записаны в разное время в гор. Свердловске.

БИБЛИОГРАФИЯ УРАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Печатных материалов об устном творчестве на Урале имеется уже значительное количество, так что можно было бы выпустить отдельную книжку по этому вопросу. Мы здесь ограничиваемся лишь наиболее существенными источниками об устном народном творчестве на Урале, оставляя в стороне всякого рода отзывы, а также краткие сообщения о ведущихся или ведшихся работах по собиранию произведений устного народного творчества и их изучению.

Азадовский М. К., Советская фольклористика за 20 лет, «Советский фольклор», Л., 1939, стр. 23, 25, 28.

О работах по собиранию устного творчества рабочих Урала.

Аргентов Г. (псевдоним покойного В. Н. Серебrenникова), Загадки, как народное развлечение, «Кунгурско-Красноуфимский край», Кунгур, 1925, № 11—12, стр. 31—37.

Аргентов Г., Моменты революционных переживаний в отражении городских и деревенских частушек, «Кунгурско-Красноуфимский край», Кунгур, 1925, № 3, стр. 36—38.

Аргентов Г., Причеты невесты на свадьбе у крестьян Чердынского края, «Кунгурско-Красноуфимский край», Кунгур, 1925, № 3, стр. 28—33.

Причеты записаны в 1910 году в Вильвенской волости, Чердынского уезда: песня в рукобитье, причеты невесты утром в день свадьбы, невеста раздаривает ленты подружкам, невесте косу расплетают.

Астахова А., Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне, «Советский фольклор», Л., 1934, вып. 1, стр. 192—194.

Афанасьев А. Н., Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Том I, Л., 1936, том 2, Л., 1938; том 3, Л., 1940.

В трех томах помещены 43 сказки, записанные А. Зыряновым, Огаревым, Д. Петуховым, А. Сергачёвым и др. в разных местах Урала и Приуралья.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка, Свердловское областное издательство. Свердловск, 1939, 169 стр.

Эта книга — первый сборник сказов П. П. Бажова, созданных им на основе слышанных в детстве преданий и легенд уральских рабочих.

Бажов П. П., Некоторые вопросы литературного творчества, «Уральский современник», Свердловск, вып. 20, 1951, стр. 136—164.

Баранов Ф. Н., Песни оренбургских казаков с напевами, в трёх выпусках. Оренбург, 1913.

Содержание выпуска II (120 стр.): 1. Старинные песни. 2. Песни военные: а) боевые, б) военные походные песни, в) песни военные бытовые. 3. Военные, маршевые и плясовые песни. 4. Песни бродяг, беглых разбойников и вольных людей.

Бардин А., Ленин и Сталин в фольклоре Чкаловской области. «Чкаловская коммуна», 22 апреля 1940 г.

Бардин А., Пушкин и народное творчество, «Оренбургская коммуна», 9 февраля 1937 г.

Белорецкий Г. (псевдоним Г. Ларионова), Заводская поэзия, «Русское богатство», СПб, 1902, № 12, стр. 41—43.

Обзор южноуральских заводских частушек.

Белорецкий Г., Сказитель-гуслиар в Уральском крае. «Русское богатство», СПб, 1902, № 11, стр. 33—55.

Литературный очерк об уральском сказителе — исполнителе былин, исторических песен и других произведений устного творчества.

Бессонов П., Калики перехожие, Сборник стихов и исследование. Вып. I, Москва, 1861; вып. II, Москва, 1861; вып. III, Москва, 1861; вып. IV, Москва, 1863; вып. V, Москва, 1863; вып. VI, Москва, 1864.

Во всех выпусках приведено 14 духовных стихов, записанных на Урале В. И. Далем и Кораблёвым.

Бирюков В. П., Демидовщина в устном народном творчестве. «Ревдинский рабочий», 25 апреля 1941 г.

Анекдоты о самодурствах Демидовых; рассказ о распутстве Демидовых во время приездов на Урал; краткое содержание песни о постройке Демидовым завода на реке Вижае; рассказы о жестокостях Демидовых по отношению к рабочим; песня «Ай, заводы, заводы демидовые»; рассказ о мордобое Шмакове.

Бирюков В. П., Краевой словарь говора Исетского Зауралья. Шадринск, 1923, 64 стр.

В качестве иллюстрации к словам приведены различные образцы местного устного творчества или отрывки из них.

Бирюков В. П., Образ Сталина в устном творчестве. «Шадринский рабочий», 21 декабря 1949 г.

Перечень и краткое содержание некоторых жанров (сказы, песни, частушки) на основе главным образом записей автора в пределах Урала и Зауралья.

Бирюков В. П., Русский фольклор на Урале, «Красный Курган», 28 ноября 1943 г.

Значение фольклора в связи с событиями Великой Отечественной войны. Основная тематика произведений до и послереволюционного уральского фольклора. Частушки о Ленине и Сталине.

Бирюков В. П., Сталинская Конституция в устном творчестве уральцев, «Шадринский рабочий», 5 декабря 1929 г.

Песня и частушки.

Бирюков В. П., 1812 год в уральском фольклоре, Литературно-художественный альманах «Во славу отчизны», Челябинск, 1943, стр. 76—81.

По тематике материал разделен на четыре группы: а) песни о Пла-

тове, б) о разорении Москвы, в) о хитростях русских в борьбе с Наполеоном, г) о последствиях войны в России и на Урале.

Бирюков В. П., Уральские сказки, Челябинское областное издательство, Челябинск, 1940, 120 стр.

Всего приведено 28 сказок, в том числе русских — 15, башкирских — 2, казахских — 8 и коми-пермяцких — 3 сказки.

Бирюков В. П., Устами народа. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. Сборник «На земле Курганской», № 2, Курган, 1951, стр. 178—201.

Введение. Начало войны и проводы на фронт. Советская Армия. Партизаны. Советская женщина на войне. Города-герои. Труд в тылу. Враг.

Бирюков В. П., Фольклор Урала, выпуск первый, Исторические сказки и песни (Дооктябрьский период), под общей редакцией проф. И. Н. Розанова, Челябинское областное издательство, 1949, 96 стр.

Содержание: В. Гусев. Предисловие. Эпоха татаро-монгольского нашествия. Крестьянская война под руководством Разина. Пётр Первый. Крестьянская война под руководством Е. Пугачева. Суворов. Отечественная война 1812 года. Аракчеевщина. Крестьянское восстание 1842—43 гг. Реформа 1861 года. Русско-турецкая война 1877—78 гг. Политическая ссылка на Урале и в Приуралье. Накануне революции 1905 года. 1905 год. Первая мировая война. Приложение.

Богословский П. С., К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (По данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества), «Пермский краеведческий сборник», вып. III, Пермь, 1927, стр. 1—64.

Исследовательская работа с приведением огромного числа наименований свадебных чинов, с указанием источника сведений для каждого в разных местностях, как на Урале, так и вне его.

Богословский П. С., Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа, «Пермский краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1927, стр. 128—159.

Представлен свадебный обряд, с приведением 60 песен и кратким анализом их бытовых и поэтических мотивов.

Богословский П. С., Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине, «Пермский краеведческий сборник», вып. I, Пермь, 1924, стр. 70—83.

1. Остатки умирающей старины (о сказительнице П. А. Горлаевой, с образцами её репертуара — детские и проголосные песни). 2. Из похоронных обычаев и поверий. 3. Из народных легенд. 4. Лечебные приёмы и средства народной медицины. 5. Песня о чечётке.

Богословский П. С., Пермская этнография за 1917—1926 гг.

Обзор работ по этнографии и устному творчеству в Предуралье, журн. «Этнография», 1927, 371 стр.

Богословский П. С., Песня об усах из сборников Кирши Данилова и Камская вольница. Опыт анализа и локализации текста «Пермский краеведческий сборник», вып. IV, Пермь, 1928, стр. 1—116.

О традиции уральских былевых, исторических и разбойничьих песен. Приурочение сборника Кирши Данилова по его происхождению к Уралу.

Воеводин Л. Е., 45 народных старинных песен заводов Пермской губернии, изд. Пермской учёной архивной комиссии, Пермь, 1905, 23 стр.

Волин В., Новый быт в отражении современного народного творчества, «Кунгурско-Красноуфимский край», Кунгур, 1925, № 4—5, стр. 25—30.

О революционных песнях и частушках, бытующих в Кунгурском округе Уральской области.

Вологдин П. А., Материалы для этнографии Закамья, «Пермские губернские ведомости», 1863, № 32, 33, 36, 44 и 50; 1864, № 1, 2, 3, 46; 48, 50, 51, 52.

Народные игровые и проголосные песни, духовные стихи, заговоры и сказки, записанные в Соликамском и Оханском уездах Пермской губернии.

Голубых М., Казачья деревня. Госиздат, Москва, 1930, 324 стр.

Книга посвящена описанию казачьего посёлка Тимофеевского, Челябинского округа. Приводятся проголосные песни, частушки, причитания, загадки, пословицы, календарные и свадебные обряды и песни (стр. 175—230 и 251—294).

Гусев В. Е., Изучение фольклора Южного Урала в 1948—1949 гг. «Записки Челябинского отдела Географического общества СССР», вып. 1, Челябинск, 1950, стр. 54—61.

Краткая сводка результатов изучения устного творчества некоторых населённых пунктов Челябинской области в Октябрьском, Каракульском, Миньярском и Катав-Ивановском районах силами студентов Челябинского педагогического института под руководством автора. Главное внимание уделено советскому фольклору, в частности, времени Великой Отечественной войны.

Дмитриев А. А., Народное творчество в Билимбаевском заводе, Екатеринбургского уезда, «Екатеринбургская неделя», 1889, № 41, 43, 45, перепечатка в «Записках УОЛЕ», том XII, вып. I. Екатеринбург, 1889, стр. 45—49; вып. II, Екатеринбург, 1890—1891, стр. 1—11, 125—129.

Дореволюционный фольклор на Урале, Собрал и составил Бирюков В. П.

ОГИЗ, Свердловское областное издательство, Свердловск, 1936, 368 стр.

Содержание: От составителя. Раздел первый: пословицы, поговорки и шутки, загадки, народная драма; песни разбойничьи, солдатские, игровые, плясовые, шуточные, свадебные, семейные, любовные, устные переделки стихотворений, романсы, частушки. Раздел второй: предания и тайные рабочие сказы; песни исторические, песни о рабочих, тюремные песни.

Приложение: Образцы производственно-профессиональных словарей Урала. Из фольклорной терминологии на Урале. Некоторые особенности русских наречий на Урале. Биографии сказителей. Библиография уральского фольклора.

Дымшиц А., Из истории рабочего фольклора дооктябрьской эпохи. Сборник статей «Литература и фольклор», ГИХЛ, Москва, 1938, стр. 98—161.

О творчестве рабочих Среднего и Южного Урала.

Зайцев И. С., Народное творчество Южного Урала, вып. I, под редакцией и с предисловием В. М. Сидельникова. (Челябинский областной Дом народного творчества), ОГИЗ, Челябингиз, 1948, 160 стр.

Содержание: В. Сидельников. Предисловие. Исторические песни. Солдатские песни и сказки. Крестьянские обряды, песни, сказки, причитания. Рабочие сказки, песни и частушки. Песни тюрьмы и каторги. Комментарии. Сведения о певцах и рассказчиках.

Зеленин Д. К., Великорусские сказки Пермской губернии, с приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещеряжской. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», Петроград, 1914, том XII, стр. 1—655.

110 сказок из Екатеринбургского, Верхотурского, Соликамского и Шадринского уездов Пермской губернии. В предисловии — об особен-

ностях уральской сказочной традиции, типы сказочников. В комментариях — общерусские варианты к уральским сказкам. Словарь местных слов.

Зырянов А. Н., Свадебные обычаи в Шадринском уезде. «Пермские губернские ведомости», 1862, № 30, 32; 1863, № 47—52; 1864, № 3 и 7.

Зырянов А. Н., Сказки, записанные в Шадринском уезде. «Пермский сборник», Москва, 1859, кн. 1, отд. 2, стр. 118—127. Приведено десять сказок.

Зырянов А. Н., Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде. «Пермский сборник», Москва, 1860, кн. II, отд. 2, стр. 162—179.

Китайник М. Г., Библиография уральского фольклора, ОГИЗ, Свердловское областное государственное издательство, 1949, 48 стр.

Содержание: Из истории собирания и изучения уральского фольклора. Описание рукописных материалов. Материалы народного творчества, рецензии, исследования.

Колпакова Н. П., Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале, «Учёные записки Ленинградского государственного университета», Л., 1941, вып. XII, стр. 143—154.

Сказы о крепостном праве и пугачёвском движении; тюремные песни и частушки.

Копысова К. С., Уральские песни и сказания, записано В. Н. Курбатовой, Под редакцией доцента М. Г. Китайника, ОГИЗ, Свердловское областное государственное издательство, 1947, 52 стр.

Содержание: М. Г. Китайник и В. Н. Курбатова Жизнь и творчество К. С. Копысовой. Ермак и Тура-река. Ермак и хан Кучум. Пугачёвский клад. Сказание о Глашеньке, кержацкой дочери. Сказание про красавицу Аннушку. По малинушку. Уж ты, Клаша, моя Клашенька. Приказчик Ванька. Шайка разбойников (народная драма).

Куштум Н. А., Сказки, «Уральский современник», Свердловск, 1938, № 2, стр. 135—139.

Две сказки «Жадный мельник» и «Чудесные ягоды», записанные в селе Благовещенском, Туринского района, Свердловской области.

Кирша Данилов, Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым.

Этот классический по устному народному творчеству сборник издавался несколько раз; в последний раз — в 1938 г., под редакцией С. К. Шамбинаго.

Лозанова А. Н., Песни и сказания о Разине и Пугачёве, «Academia» М.—Л. 1935, 423 стр.

Лозанова А. Н., Фабрично-заводские песни крепостной России, «Литературная учёба», 1935, № 7—8, стр. 156—175.

О происхождении и социально-художественных особенностях уралосибирских рабочих песен XVIII и начала XIX веков.

Л-ов Г. (Ларионов, по псевдониму «Белорецкий»), Заводская частушка Южного Урала. «Россия», 1901, № 896.

Мякутин А. И., Песни оренбургских казаков, Часть I. Оренбург, 1904 г. Часть II. Оренбург, 1905 г. Часть III. Оренбург, 1906 г. Часть IV. Оренбург, 1910 г.

Некрасов П. А., Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости, Соликамского уезда, Пермской губернии. «Записки Уральского общества любителей естествознания», Екатеринбург, 1901, том XXII, стр. 118—223.

Сборник разнообразных проголосных песен, а также малых жанров.

Никитин А., Москва в народном творчестве, «Уральский рабочий», 1947, № 211.

Олесов В. Г., Сборник пословиц и поговорок, записанных в Ка-

мышловском уезде, «Записки Уральского общества любителей естествознания», Екатеринбург, 1884, том. VII, вып. IV, стр. 191—215.

В основном записи сделаны по наблюдениям в Каменском заводе, относившемся тогда к Камышловскому уезду.

Ончуков Н. Е., Сказки Тавдинского края, «Сказочная комиссия государственного Русского географического общества в 1926 г.» Л., 1927, стр. 26—32.

Сказочники, их репертуар и параллели к тавдинским сказкам из других сборников прежних изданий.

Падучев П. П., Русская Швейцария (очерки Южного Урала), «Исторический вестник», 1889, ноябрь, стр. 454—482.

Очерки главным образом о Златоустовском Урале, с приведением многочисленных легенд и преданий.

Песни оренбургского казачества. Областное книжно-журнальное издательство, Оренбург, 1938, 160 стр.

Содержание. А. Бардин. Песни оренбургских казаков: современные, исторические, обрядовые, бытовые, свадебные, хороводно-плясовые. Прочтения. Примечания. К некоторым песням даны ноты.

Песни уральского революционного подполья, Составители Боголюбов К. и Кашеваров М., Свердловск, 1935, 94 стр.

Наряду с известными революционными песнями приводится ряд и малоизвестных, большая часть которых извлечена из архивных документов.

Попов В., Народные песни, собранные в Чердынском уезде, Пермской губернии, Издание А. И. Манухина, Москва, 1880, IV + 249 стр.

В сборнике — исторические, разбойничьи, рекрутские, лирические, сатирические и юмористические песни.

Предания и сказки Оренбургских степей, Составитель Завьяловский П. Под редакцией В. Сидельникова. Чкаловское издательство, Чкалов, 1948, 164 стр.

Содержание: В. Сидельников. Предисловие. I. Предания (16 текстов). II. Сказки (29 текстов).

Предтеченский Я., О свадебных обрядах города Чердыни. «Пермский сборник», М., 1859, кн. 1, отд. 2, стр. 1—108; кн. 2, М., 1860, отд. 2, стр. 132—161.

Рогожникова А. Е., Русь советская, непобедимая, Редакция и предисловие В. Гусева. Челябинский отдел Географического общества при АН СССР. Фольклорная секция. ОГИЗ, Челябингиз, 1948, 44 стр.

Содержание: В. Гусев. Народная поэтесса А. Е. Рогожникова. Советская страна. Великая Отечественная война.

Рогожникова А. Е., Сказы и песни, Составил сборник Вл. Савиных, редактировал Г. Парилов, Новосибирск, областное издательство, 1949, 96 стр.

Содержание: Вл. Савиных. Жизнь и творчество А. Е. Рогожниковой. Памяти вождей революции (3 сказа). О любимой Родине (7 сказов). Урал и Сибирь — брат и сестра (4 сказа и 1 песня). О Великой Отечественной войне (11 сказов). Сказы о городах советских (7 сказов). Сказы о советских праздниках (3 сказа и 1 песня). Про старую жизнь (2 песни и 1 сказ). Словарик малоизвестных слов.

Сарайкин И. А., Песни о Сталине, «Челябинский рабочий», 12 августа 1936 г.

Самарин Ю., Песни уральских рабочих, «Литературный критик», 1935, № 10, стр. 150—177.

Тематика до и послеоктябрьских песен и их тексты.

Сейфуллина Л., Мужичий сказ о Ленине, Ленинград, 1925. Сказ записан на юге Челябинской области около 1918 г., 15 стр.

Серебрянников В., Свадебные обычаи и песни крестьян Анд-

реевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии, Вступительная статья А. Д. Городцова, «Материалы по изучению Пермского края». Издание научного музея, Пермь, 1911, вып. IV, VIII + I + 68 стр.

Серебrenников В., Частушки крестьян Оханского уезда, Пермской губернии, Издание Оханского землячества при Пермском университете, Пермь, 1918, 8 стр.

Сказы, песни, частушки, Под редакцией Е. М. Блиновой, ОГИЗ, Челябингиз, Челябинск, 1937, 286 стр.

Содержание: Исторические песни и предания: о Пугачёве, о картофельном бунте; 14 декабря и николаевский режим; акафист; о 1905 годе; о гражданской войне. Рабочие сказы: о заводах и шахтах; о золоте; литейщики и гравёры. Сказки. Песни: свадебные, хороводные, игровые, плясовые и шуточные; о горькой доле; рекрутские и солдатские; тюремные; рабочие; частушки (старые и современные). Комментарии.

Смирнов А. М., Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», Петроград, 1917, том XIV, вып. II.

В сборнике 39 сказок, записанных в пределах Урала и Приуралья.

Соболевский А. И., Великорусские народные песни, СПб, 1895—1901, томы I—VII.

Во всех семи томах до 300 песен, записанных на Урале разными собирателями и прежде опубликованных то в сборниках, то в журналах, то в газетах; одна и та же песня дается в нескольких вариантах.

Струминский В., Частушки Оренбургского края.

«Труды общества изучения Киркрая», Оренбург, 1921, вып. 2, стр. 66—91.

Стяжкин И., Из камышловских этнографических наблюдений, «Пермский краеведческий сборник», Пермь, 1928, вып. IV, стр. 131—135.

Поговорки, приметы, свадебные обряды.

Тайные сказы рабочих Урала, Составитель Блинова Е. М., «Советский писатель», Москва, 1941, 172 стр.

Содержание: От составителя. Предания и тайные сказы. Комментарии к разделу. Сказы рабочих. Рассказы старателей. Рассказы грабельщиков. Рассказы гравёров. Рассказы литейщиков. Рассказы о гражданской войне. Комментарии.

Тихомиров Н., Красные частушки, «Уральский рабочий», 1920, № 151.

Ульянов И. И., Образы дивьей красоты по свадебным причитаниям и обрядам села Шмаковского, Ирбитского уезда, Пермской губернии, «Материалы по изучению Пермского края», Пермь, 1915, вып. V, стр. 51—68.

Ульянов И. И., Обрядовые причитания при проводах солдат на войну (по записям и личным впечатлениям), «Правительственный вестник», Петроград, 1914, № 254.

Записи и наблюдения, произведённые в Пермской губернии, в том числе в Ирбитском уезде.

Уральский фольклор, Под редакцией М. Г. Китайника, Свердловское областное государственное издательство, 1949, 236 стр.

Содержание: М. Г. Китайник. Устное поэтическое творчество Урала. I. Песни и сказания: 1. Исторические песни и сказания. 2. Рекрутские и солдатские песни. 3. Свадебные песни. 4. Любовные и семейные песни. 5. Шуточно-плясовые и игровые песни. 6. Рабочие песни. 7. Советские песни: а) довоенного периода, б) периода Великой Отечественной войны. II. Частушки. III. Пословицы и поговорки. IV. Загадки. V. Народная драма. VI. Предания и сказы. VII. Сказки. Примечания.

Фольклор Чкаловской области, Составитель канд. фи-

логических наук Бардин А. В., Под ред. Е. Е. Ефремова, ОГИЗ, Чкаловское издательство, 1940, 420 стр.

Содержание: Бардин А. В. Устное народное творчество Чкаловской области. Дооктябрьский фольклор. I. Плясовые, игровые и календарно-обрядовые песни. II. Свадебные песни. III. Похоронные причеты. IV. Исторические песни. V. Песни лирические. VI. Колыбельные песни. VII. Сказки. VIII. Исторические предания. IX. Пословицы, поговорки, загадки, скороговорки и прибаутки. X. Частушки. Советский фольклор. I. Песни, поэмы и причитания. II. Сказы о гражданской войне. III. Сказка о В. И. Ленине. IV. Пословицы, поговорки, загадки и прибаутки. V. Частушки.

Музыкальные записи. Комментарии. Исполнители фольклора. Собиратели фольклора.

Худяков И., Великорусские загадки, «Этнографическое обозрение», СПб, 1864, вып. IV, стр. 1—128. Ряд записей относится к Шадринскому уезду.

Чапай, Сборник народных песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве. Составитель Паймен В., «Советский писатель», Москва, 1938, 192 стр.

Содержание: Часть первая: песни, сказки, былины, устные сказы. Часть вторая: организатор красновардейских отрядов, друг и защитник трудящихся, храбрый боец, лучший товарищ, талантливый командир. Комментарии. Ряд текстов записан в пределах Урала.

Частушки. «Уральский рабочий», 12 февраля 1921 г.

Частушки колхозной деревни, «Уральский рабочий», 2 июня 1936 г.

Частушки призывника, «Красный Курган», 1924, № 46.

Шацкий, Антирелигиозные частушки, «Уральский рабочий», 17 марта 1925 г.

Шахнович М., Краткая история собирания и изучения русских пословиц, «Советский фольклор», М.—Л., 1936, № 4—5, стр. 299—368.

Использованы и уральские сборники этого жанра.

Шилков П. А., Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода, Екатеринбургского уезда. Под редакцией А. А. Дмитриева. «Записки Уральского общества любителей естествознания», Екатеринбург, 1890, том XII, вып. 2, стр. 134; 1891, том XIII, вып. 2, стр. 177—195, 219.

Ширяева П. Г., Фольклор фабрично-заводских рабочих в революции 1905 г. «Советский фольклор», М.—Л., 1941, № 7, стр. 156—157. Привлечена уральская рабочая песня 1905 г.

Шшонко В., Отрывок из «Народного творчества Пермской губернии». «Пермские губернские ведомости» 1881, № 1, 18, 92, 94—96, 98, 100, 102 и 103; 1882, № 5, 6, 8, 11, 14 и 15.

Штейн П. В., Русские народные песни, Москва, 1877 г.

В сборнике 15 песен, воспроизведенных по записи А. Я. Кокосова в Камышловском уезде (теперь Катайский район, Курганской области).

Янович В., Пермь, «Живая старина», СПб, 1903, № 1 и 2, стр. 52—171.

Сказки, лирические песни, пословицы, заговоры, свадебные, календарные, похоронные обряды, песни и плачи, заимствованные пермяками у русских на Урале.

Ярков В. П., Народные песни, записанные в Сысертском заводе, Екатеринбургского уезда, «Записки Уральского общества любителей естествознания», Екатеринбург, 1897, том XVII, вып. 2, стр. 332—342.

20983

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя	3
-----------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОБЫТИЯ И ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Пётр Первый	5
Суворов	7
Отечественная война 1812 года	13
Реформа 1861 года	16
Русско-турецкая война 1877—1878 гг.	20
Русско-японская война 1904—1905 гг.	23
Первая мировая война 1914—1918 гг.	28

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТРУД И БЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ

Горняки	37
Металлурги	49
Старатели	67
Камнерезы	78
Демидовщина	86
Песни «расейского» происхождения	94

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРУД И БЫТ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ КРЕСТЬЯН

Крестьянская лирика	
1. Песни лирические	100
2. Солдатские песни	106
3. Песни хороводные, плясовые, шуточные	114
Женская доля	118
Отверженные	134
Сказки	143
Народный театр	162

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫК РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН УРАЛА

Языковая терминология	181
Живая старина в говорах Урала	187
Сложные слова	192
Терминология устного народного творчества	195
Географические пословицы и поговорки	199
Коллективные прозвища	200
Уральские фамилии	204

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

УГНЕТАТЕЛИ ТРУДОВОГО НАРОДА

Заводчики, купцы, кулаки	208
Помещики	218
Полиция и царские чиновники	224
Земство	230
Старая насмешка (антирелигиозный фольклор)	236

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Песни о Степане Разине	248
Пугачёвское движение	253
Крестьянские волнения 1842—1843 гг.	257
Первая русская революция	263

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

БИБЛИОГРАФИЯ УРАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА 283

39

Редактор *Н. Куштур*. Художник *Ю. Иванов*
 Технический редактор *М. Ульянова*. Корректоры *Р. Селянкина* и *М. Епимахова*
 Подписано к печати 14/VIII 1953 г. Уч. изд. л. 19,57 Бумага 60×92/₁₆—9,125 бу-
 мажного —18,25 печатного листа. НС 34254 Тираж 10000. Заказ № 63.
 Цена 9 р. 35 коп.

5-я типография треста Росполиграфпром, Свердловск, ул. имени Ленина, 49.